

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ

Д. В. Гаврилов

**ГОРНОЗАВОДСКИЙ УРАЛ 1861–1900 гг.:
ВЛАСТИ,
ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ,
РАБОЧИЕ**

От согласия — к конфронтации

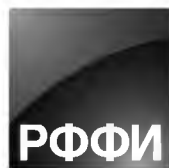

Нестор-История
Санкт-Петербург
2018

УДК 947 (470.5)

ББК 63.3 (2р36)

Г12

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований по проекту № 18-19-00097, не подлежит продаже

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор *С. А. Нефёдов*,

доктор исторических наук, профессор *В. В. Запарий*

Гаврилов Д. В.

Г12 Горнозаводский Урал 1861–1900 гг.: власти, предприниматели, рабочие. От согласия — к конфронтации. — СПб. : Нестор-История, 2017. — 464 с., илл.

ISBN 978-5-4469-1030-4

Монография представляет фундаментальное исследование социально-экономического и политического развития Урала в период раннеиндустриальной модернизации. Основными акторами, двигателями социального процесса выступали три главные социально-политические силы — государство (власти), предприниматели (заводчики) и рабочие (нарождавшийся и формирующийся рабочий класс), функционируя в составе единого производственного организма, взаимодействовали и сотрудничали друг с другом, но также отстаивали собственные интересы, периоды социального согласия между ними сопровождались «неурядицами», «недоразумениями», конфликтами, происходило нарастание конфронтации, приведшее к революциям 1905–1907 и 1917 гг., в которых активное участие приняли широкие массы уральских рабочих.

The monograph is a fundamental study of socio-economic and political development of the Urals during the period of early industrial modernization. The main actors, initiators and motors of that social process were three main socio-political forces, i.e. State (authorities), businessmen (factory owners) and workers (emerging working class). All that three forces functioned as a single organism, interacted and cooperated with each other, but also defended their own interests, periods of social accord between them accompanied by «turmoil», «misunderstandings» and conflicts. There was an increase of confrontation that led to revolution in 1905–1907 and in 1917. In both cases, broad masses of the Ural workers actively took part in revolution.

УДК 947 (470.5)

ББК 63.3 (2р36)

ISBN 978-5-4469-1030-4

9 785446 910304

© Гаврилов Д. В., 2018

© Издательство «Нестор-История», 2018

Посвящается моей жене
Гавриловой Людмиле Тихоновне

... Исполняется 100 лет революциям 1917 г. В год этого столетия необходим объективный и честный анализ этих событий. Это весомый повод вспомнить о причинах и природе революций в России.

В.В. Путин

Президент РФ

Послание Федеральному собранию

1 декабря 2016 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
<i>Глава 1.</i> Три актора раннеиндустриальной модернизации Урала	15
<i>Глава 2.</i> Историография и источники	49
<i>Глава 3.</i> «Великая реформа»	91
<i>Глава 4.</i> Рост «неурядиц»	144
<i>Глава 5.</i> Расширение «несогласия»	218
<i>Глава 6.</i> Нарастание конфронтации	260
<i>Глава 7.</i> Крах иллюзий о «гармонии интересов»	313
<i>Глава 8.</i> Приближение бури	367
Заключение	423
Список сокращений	437
Указатель имен	438
Указатель промышленных предприятий	454
Сведения об авторе	463

ВВЕДЕНИЕ

Внаши дни, после смены в стране общественно-политического строя, в новой социально-политической и идеологической ситуации, при утверждении свободы научных исследований, для историков появилась возможность полностью отказаться от формационных схем и догматических стереотипов советского времени. Открылась перспектива для объективного и беспристрастного освещения исторического прошлого, для создания «обновлённой истории», соответствующей современному уровню развития гуманитарных наук, независимой от влияния властных, политических и финансовых структур, свободной от идеологических и политических догм.

Появилась реальная возможность непредвзято, отказавшись от конъюнктурных подходов, используя лучшие достижения прогрессивной мировой историографии, исследовать проблемы социально-экономического и политического развития в дореволюционный период. Рассмотреть их, исходя из конкретно-исторического материала, а не навязываемых «сверху» марксистских или псевдомарксистских схем; схоластических социологизированных схем, провозглашённых на волне диссидентского движения в конце 1960 — начале 1970-х гг. «новым направлением» в советской исторической науке; социологических схем, назойливо проповедуемых сейчас историками и политиками либерального направления.

Положение с изучением истории рабочего класса в российской исторической науке в настоящее время точно и определённо показал московский историк А. К. Соколов в статье «Перспективы изучения рабочей истории в современной России». Он писал:

«В современной России прежняя история рабочего класса считается реликтом советского прошлого. Какие-либо разработки в этой области из престижных превратились в крайне непопулярные и гонимые. Все научные подразделения, занимавшиеся историей КПСС и рабочего класса, были упразднены, а соответствующие периодические издания прекратили своё существование. СМИ развернули настоящую травлю “гегемона”, саркастически издеваясь над прежними догмами и обвиняя рабочих во всех смертных грехах. Огромная армия историков просто дезертировала из области исследований. Многие бывшие историки

партии, развернувшись на 180 градусов и вооружившись теорией тоталитаризма, принялись крушить свои же собственные конструкции... В потоке нынешней литературы отношение к рабочей истории строится зачастую по принципу *adcontra* (лат. — “против”. — *Д.Г.*) и сопровождается насаждением новых штампов и клише». Историки стали утверждать, что «вообще не было в России настоящего рабочего класса, поскольку существовал лишь конгломерат маргинальных общественных образований»¹.

Либеральные деятели, занявшие руководящие места в издательствах и СМИ, под предлогом «борьбы за правду», за «плюрализм мнений», «толерантность», отстаивание «общечеловеческих ценностей», обильно наполнили литературу «новыми», на сей раз либеральными догмами, штампами и клише. В частности, Россию объявили отсталой страной «с полуфеодалным характером экономики и государственного устройства», стали доказывать, что на Урале не было рабочего класса, уральские рабочие представляли лишь «весьма пёстрый социальный массив, статистическую общность со стратами этакратического типа», рабочие Урала превращались в хозяйчиков-«собственников», «придерживались умеренных взглядов», «были готовы сотрудничать с предпринимателями», революцию 1917 г. на Урале сделали не рабочие, а солдатские массы².

Многие бывшие преподаватели истории КПСС, пламенные коммунисты, пропагандисты теории научного коммунизма, прежде воспевавшие «революционную и руководящую роль рабочего класса», моментально поменяли свои взгляды, внезапно превратились в антикоммунистов, антимарксистов, радикальных либералов и рьяно занялись «разоблачением» марксизма-ленинизма, коммунизма, «очернением» российской истории и российского рабочего класса.

С переходом к рыночным отношениям масса историков обратилась к изучению истории российского бизнеса, предпринимательства, банковского дела, деятельности российских капиталистов, заводчиков и фабрикантов, банкиров. «Если прежде, — пишет А. К. Соколов, — в противостоянии труда и капитала учёным предписывалось быть на стороне первого, то теперь главным двигателем истории объявляется капитал, а также классы и группы, стоявшие на страже его интересов. Рабочие, если о них вообще заходит речь, выступают теперь в качестве объекта не эксплуатации, а всеобщей заботы и покровительства со стороны предпринимателей и организаторов производства. Такой подход ведёт

¹ Соколов А. К. Перспективы изучения рабочей истории в современной России // Отечественная история. М., 2003. № 4. С. 135–136.

² См.: Гаврилов Д. В. Странный метод «наращивания нового видения» (по поводу монографии С. П. Постникова и М. А. Фельдмана «Власть и рабочие в 1917 г.: Очерки истории и историографии». Екатеринбург, 2011) // Вестник Прикамского социального института: Гуманитарное обозрение. Пермь, 2013. № 1 (6). С. 18; *Он же*. Так кто же делал революцию на Урале // Вестник Уральского отделения РАН: Наука. Общество. Человек. Екатеринбург, 2012. № 1 (39). С. 184–189.

к искажению реальной картины трудовых отношений и не даёт ключа к пониманию и объяснению тех катаклизмов, которые произошли в России в начале XX в.»³.

Взаимодействие властей, заводчиков и рабочих — тема, рассматривая в настоящей книге, на протяжении многих столетий остаётся актуальной, злободневной, животрепещущей, т.к. непосредственно затрагивает насущные, кровные интересы нескольких, не всегда согласных друг с другом сторон — властей, предпринимателей, трудящихся масс. Во все периоды истории и при любых политических режимах их интересы, отношение друг к другу в любой системе производительных сил были различные, противоречивые и нередко — прямо противоположные.

Трудность, сложность названной темы состоит в том, что помимо официального видения, основывавшегося на господствовавшей идеологии, всегда существовали иные точки зрения, исходившие из оппозиционных взглядов и мнений, других идейных позиций. В рыночном обществе власти, заводчики и рабочие представляют собой три главные социальные силы, трёх основных акторов современного прогрессивного развития, конфликтующих между собой и сотрудничавших друг с другом, вступающих с другими в соглашения и союзы, но всегда сохранявших собственные интересы, иногда то совпадавшие с интересами других сторон, то расходившиеся с ними.

Чтобы начать разговор о рабочих и заводчиках, чтобы показать богатство палитры, с помощью которой создавался в общественном сознании сложный образ рабочих и заводчиков, сложилась оценка их деятельности, достаточно напомнить об отображении в исторической, художественной и публицистической литературе образа знаменитых уральских горнозаводчиков Демидовых, методов их деятельности, их отношения к работным людям.

В досоветское время о Демидовых говорили и писали как об одних из богатейших людей страны, обладателях неимоверных капиталов, владельцах самых крупных и мощных уральских горных заводов. Причём если дворянская и официальная литература восторженно писала о них преимущественно как о преуспевающих предпринимателях, осыпанных монаршими льготами и привилегиями, милосердных и щедрых меценатах, радетелях наук и искусств, то либерально-демократические авторы (Д. Н. Мамин-Сибиряк, Р. С. Попов, Н. И. Колюпанов и др.) отмечали теньевую сторону их деятельности.

Они указывали на жестокие крепостнические порядки, царившие на демидовских заводах, на безжалостность, бессердечность горнозаводчиков, безразличие последних Демидовых к заводским делам и простым людям, ко всему, что не касалось их прибыли и наживы. Вспоминали о временах, когда в тайных подземельях, прикованные цепями к стенам, мастеровые плавил для первых Демидовых серебро и чеканили для них фальшивые рубли, а потом были затоплены, по их приказам сжигались в доменных печах непокорные и строптивые

³ Соколов А. К. Перспективы изучения рабочей истории в современной России. С. 136.

мастеровые, возмущались роскошной жизнью заводчиков в столицах и за границей, их чуждечествами и безумной тратой денег.

Советская историография, придерживавшаяся классового подхода, признавала заслуги Демидовых в развитии уральской горнозаводской промышленности, но при этом отмечала, что демидовские заводы и все их богатства были созданы путём жесточайшей эксплуатации трудящихся масс; писала о тяжёлых условиях труда и жизни рабочих на демидовских заводах; суровых наказаниях непослушных рабочих; о борьбе рабочих против угнетателей и эксплуататоров⁴.

Смена в стране общественно-политического строя, новая социально-политическая и экономическая ситуация, гигантский рост социального неравенства вызвали в наши дни резкий рост внимания историков, публицистов, политиков к проблемам взаимодействия, сотрудничества и конфронтации властей, заводчиков и рабочих, их участию в революциях 1905–1907 и 1917 гг. в России, в том числе на Урале.

Важное место в системе взаимоотношений «власти, заводчики, рабочие», естественно, занимали трудящиеся, рабочие массы. Основой материальной и духовной культуры любого человеческого общества всегда являлся труд — целенаправленная, целесообразная форма человеческой деятельности, ориентированная на изготовление орудий и средств производства, на воздействие на природную среду с целью использования её ресурсов, на обслуживание бытовых потребностей человека, создание интеллектуальных и художественных ценностей.

Труд — необходимый, неотъемлемый, обязательный атрибут любой общественно-экономической организации, непереносимое условие существования человеческого общества. Французский физик Луи Пастер писал, что три вещи наполняют всю человеческую жизнь: желание, труд и успех. «Труд, — писал английский экономист Д. Беллерс, — так же необходим для здоровья тела, как пища для его жизни... Труд поливает масло в лампу жизни, а мысль зажигает её»⁵.

Уважительное отношение конкретных общественных групп, слоёв к труду, к людям труда, трудящимся, их трудовым занятиям, трудовым и культурным традициям всегда было важнейшим показателем уровня социокультурного развития общества, его пассионарности, его социально-политической и экономической стабильности. Рабочие, ИТР (инженерно-технические работники), производственный персонал предприятий играют решающую роль в осуществлении научно-технического прогресса и создании материальных благ.

С началом перестройки и рыночных реформ, с изменением в стране социально-политического строя в литературе и средствах массовой информации по отношению к рабочим, людям труда стали преобладать негативные, тенденциозные

⁴ См.: *Гаврилов Д. В.* Демидовы — известные и неизвестные: Послесловие историка // Шакинко И. М. Демидовы. Историческое повествование с портретами. Екатеринбург, 2001. С. 257–266.

⁵ Цит. по: *Маркс К.* Капитал. М., 1963. Т. 1. С. 499–500.

суждения. В псевдоисторических телевизионных передачах, освещающих недавнюю российскую историю, рабочие, люди труда изображаются чаще всего как безликая пустоголовая масса, «быдло», «совки», «ватники», не заступившиеся в своё время за диссидентов, «возвышенную», «инакомыслящую» радикально-демократическую интеллигенцию.

Труд, ещё недавно прославлявшийся историками, социологами, пропагандистами как «дело чести, дело славы, дело доблести и геройства», рабочие, изобретатели, конструкторы, недавно прославлявшиеся журналистами, писателями, поэтами, песенниками как герои труда, сразу оказались забытыми, а нередко и незаслуженно оплётанными.

Героями и кумирами нашего времени, возведёнными на пьедестал славы и почёта, стали представители «развлекательного сектора» — «шоумены», хохмачи — «юмористы», певцы и певички, футболисты. Значительная часть телевизионного времени занята низкосортными видеоклипами, показом мафиози, рэкетиров и киллеров, рекламой, назойливым расхваливанием памперсов, прокладок, шампуня от перхоти и подобной продукции.

В трудах, посвящённых истории дореволюционной России, претендующих на высокую научность, формирование и становление рабочего класса характеризуется как «ломка личности, попрание традиций, нравов и культуры быта», «гашение этнографической наследственности», «потеря этнографических корней и позитивных результатов созидания», «разрушение системы отношений между поколениями», «падение общей культуры», пролетарская идеология изображается как идеология «неимущего быта», трудовая солидарность — как «казарменно-коллективистский быт»⁶.

Пролетариат (от лат. *proletarius* — неимущий, принадлежащий к беднейшему классу) при капитализме, или, как принято говорить сейчас, выражаясь более деликатно и завуалированно, в рыночном обществе, — это класс наёмных рабочих, лишённых собственности на средства производства и вынужденных продавать свою рабочую силу собственникам средств производства, присваивавшим производимую ими прибавочную стоимость. Пролетариат, фабрично-заводской рабочий класс, был порождён промышленной революцией конца XVIII — XIX в.

Формирование и становление пролетариата как класса было частью охватившего весь мир процесса модернизации — перехода от традиционного аграрного общества к современному, индустриальному. Высказывания нынешних неофитов о формировании пролетариата, его облика и традиций как о «ломке личности, попрании традиций, нравов и культуры быта» научно несостоятельны, лишены элементарного представления об историзме, игнорируют важнейшее методологическое требование о необходимости исторического подхода к явлениям и событиям прошлого.

⁶ *Нестеров В. В.* Этнографическая история социальных групп и классов // Социальный педагог: Доклады, программно-методические материалы для педагогических учебных заведений. М., 1991.

Фабрично-заводской рабочий класс, пролетариат — детище XIX в. «Пролетариат, — указывал Ф. Энгельс, — это рабочий класс XIX в.». Можно ещё добавить — и части XX в., но не XXI в. В XIX в. большинство рабочего класса составляли «пролетарии, неимущие», в XXI в. во всех промышленно развитых странах среди рабочего класса «пролетарии, неимущие» если встречаются, то уже только в качестве меньшинства.

Для XIX в. эти два термина можно считать идентичными, имманентными, поскольку тогда основная масса рабочих, их подавляющее большинство были действительно пролетариями, неимущими. В более позднее время идентичность теряется, среди рабочего класса происходит расслоение, его состав и структура становились более сложными, разнообразными, среди наёмных рабочих выделялись слои и группы, различавшиеся по уровню материального благосостояния, образованию, культуре, образу жизни, вплоть до групп и слоёв (т. н. «рабочей аристократии», «белых воротничков» и т. п.), достаточно обеспеченных материально и стоящих на более высоком образовательном и культурном уровне.

Наряду с более обеспеченными группами, во всех странах сохраняются в разных пропорциях недостаточно обеспеченные, с низким уровнем жизни пролетарские слои. Рабочий класс и пролетариат не исчезли, они трансформировались, видоизменились, но по-прежнему нередко выступают совместно, сохраняют рабочую солидарность⁷.

С развитием производительных сил, усложнением производства, успехами технического прогресса, механизацией, автоматизацией и компьютеризацией производства, возрастанием потребности в сложном, высококвалифицированном труде, ростом грамотности и культуры рабочих кадров, созданием боевых профсоюзов, отстаивавших права рабочих, уступками предпринимателей, вынужденных под напором рабочих масс улучшать условия труда и материальное положение рабочих, класс наёмных рабочих расслаивается, дробится на отдельные отряды, среди рабочего класса усиливается дифференциация, образуются слои рабочих, различные по уровню материального благосостояния, образования, культуры.

Создание высокопроизводительных производств, неэквивалентный товарообмен с отсталыми странами, эксплуатация колониальных и зависимых стран позволили ряду промышленно развитых стран (страны «золотого миллиарда» — США, Западная Европа, Япония) создать в метрополиях для «своих» рабочих более высокий жизненный уровень, более приемлемые условия существования, позволившие им иметь благоустроенное жильё, собственные автомобили, дачные участки, хотя и в этих странах часть рабочих продолжает проживать в нужде и нищете. Это даёт социологам и историкам либерального направления повод,

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4; Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии // Там же. Т. 2; Каутский К. Возникновение рабочего класса / Пер. с нем. М., 1923.

предлог объявлять о «депролетаризации» современного рабочего класса, исчезновении, отсутствии в наши дни рабочего класса, превращении рабочих в «средний класс» и т. п.⁸

Либеральные историки объявили понятия «классы», «классовая борьба», «эксплуатация», «революционная и руководящая роль рабочего класса» и подобными устаревшими, «архаичными», пережитками «обветшавшего марксизма» и исключили их из своих работ. Сочетание слов «классовая борьба» либеральными историками и политиками превращено в «ядовитое клеймо», в «символ насилия, ненависти и бесчеловечности». Но классовая борьба не выдумана марксистами, а является исторической реальностью, порождена не социалистическими социальными учениями, а эксплуатацией и угнетением низших слоёв общества, социальным неравенством и социальной несправедливостью.

Жизнь, реальная действительность, процессы современного социально-экономического и политического развития не только России, но и промышленно развитых стран Западной Европы, Азии и Америки заставляют признать, что отказываться от таких терминов преждевременно. Да и якобы устаревший и обветшавший марксизм рано списывать в небытие. В последние годы в нескольких индустриальных странах Запада переиздан, в назидание и в качестве руководства к действиям современным бизнесменам, «Капитал» К. Маркса — до сих пор лучшее произведение политической экономии, научно анализирующее структуру и функционирование рыночного общества.

Существование общественных классов и классовой борьбы в рыночном обществе было обнаружено и введено в научный оборот не К. Марксом и Ф. Энгельсом, а французскими и английскими социалистами-утопистами К. А. Сен-Симоном, Ф. Фурье, французскими историками О. Тьери, Ф. Гизо, английскими экономистами А. Смитом и Д. Рикардо. К. Маркс и Ф. Энгельс, опираясь на теории французского утопического социализма и английской политической экономии, лишь более точно, научно сформулировали эти понятия и распространили борьбу классов до достижения бесклассового коммунистического общества.

Социально-экономическую и политическую структуру рыночного общества образует единство и взаимодействие производительных сил, включающих средства производства, выражающиеся в технике и использующихся технологиях, людей, приводящих их в действие при осуществлении производства материальных благ, и производственных отношений, представляющих совокупность материальных экономических отношений между людьми в процессе общественного производства, складывающихся в зависимости от форм собственности на средства производства, характера и уровня развития производительных сил.

Производительные силы определяют производственные отношения, формы собственности, обуславливают классовую структуру общества, политику, право,

⁸ Структура рабочего класса капиталистических стран: Материалы обмена мнениями. Прага, 1962.

мораль, философию, религию, искусство. Совокупность производственных отношений образует экономическую структуру общества, базис, над которым возвышается юридическая и политическая надстройка, которому соответствуют определённые общественные формы сознания.

В нашей книге власти, заводчики и наёмные рабочие — три основных актора, повлиявшие на развитие уральского общества во второй половине XIX в., рассматриваются в качестве единого организма, в котором они взаимодействуют друг с другом, происходит борьба между капиталом и рабочими, между которыми то существует социальное согласие, то возникают «неурядицы», «недоразумения», конфликты.

Либеральные историки отрицают наличие в рыночных обществах классовой борьбы и эксплуатации капиталистами рабочих, объясняют возникновение социальных конфликтов на производстве различными случайностями, отсталостью и невежеством рабочих, недомыслием ими своей пользы, непониманием благожелательности заводчиков и заботливости о рабочих властей и правительства. Такие подходы затрудняют осмысление и научное объяснение движущих сил российских революций 1905–1907 и 1917 гг., активного, авангардного участия в них широких масс рабочих.

Огромные усилия, предпринятые в последние двадцать пять лет либеральными властями, средствами массовой информации, периодической печатью и телевидением, «либеральной интеллигентной элитой», «продвинутыми» историками, направленные на смену в стране общественного сознания, общественных взглядов, ставящие целью коренным образом перевернуть сложившиеся в обществе представления о событиях российской истории, опровергнуть базовые постулаты исторической науки, — не дали ожидаемых результатов.

Перестройка и рыночные реформы сопровождалась организованной средствами массовой информации мощной пропагандистской кампанией (американцы это называют «промыванием мозгов»). Вся пропагандистская машина либеральных демократов — «западников» была мобилизована на привитие населению и особенно молодёжи «западных взглядов», неприязни к России, к российской истории. Историю всё чаще стали превращать в политизированную социологию, призванную обслуживать текущие идеологические потребности той или иной группировки. При этом авторов не смущало, что они часто меняли свои позиции, нередко — на совершенно противоположные, беззастенчиво фальсифицировали и модернизировали исторические события.

Яростные атаки были предприняты против положений исторической науки о рабочем классе, его месте и роли в социальной структуре общества, предпосылках социалистической революции в России, характере Октябрьской революции 1917 г. Историки, которые ещё недавно восторженно писали о героическом российском рабочем классе, его руководящей роли в демократическом и социалистическом движении, ещё недавно называли революции «локомотивами истории», «праздниками угнетённых», стали клеймить «чуму революции», называть Октябрьскую революцию «катастрофой 1917 года», «большевистским

переворотом», совершённым к тому же на немецкие деньги. «История и вообще наука были дискредитированы»⁹.

Однако усилия средств массовой информации и представителей «демократической интеллектуальной элиты», «продвинутых» историков по привитию электорату и молодёжи определённых взглядов посредством псевдоисторических телепередач и печатных изданий, навязываемых нередко с тупоумной прямолинейностью, оказались мало эффективными. Их построения рассыпаются при первой же попытке критического осмысления. «Демократическая интеллектуальная элита» сейчас серьёзно озабочена поиском усовершенствования путей «внедрения» в сознание «непонятливого» народа проповедуемой ими идеологии¹⁰.

Объективные исторические исследования, факты, статистические данные вскрывают несостоятельность псевдоисторических творений либеральных историков. В идеологии страны происходят модернизационные процессы, направленные на восстановление исторической правды, на оказание активного противодействия фальсификации исторического прошлого в угоду сиюминутным идеологическим или политическим расчётам.

Всё более усиливается и укрепляется научная, методологически и методически грамотная историография, опирающаяся на фундаментальные комплексы разнообразных источников, на базовые постулаты исторической науки, которой присуще глубокое, цивилизованное, компаративное видение российских проблем в контексте мирового исторического процесса.

Настоящее исследование построено именно на таких методологических принципах. Советские историки, освещавшие проблемы взаимодействия царских властей, заводчиков и уральских рабочих, конфликтов между ними, придерживались примитивной, но правдивой социологической схемы: трудящимся жилось плохо, их жизнь постоянно ухудшалась, власти и заводчики всячески стремились её ещё более ухудшить, последствием чего были постоянные волнения, стачки и другие массовые выступления рабочих.

Современные либеральные историки, восхваляя деятельность дореволюционных заводчиков, предпринимателей, банкиров и т. п., замалчивают антиправительственные и антикапиталистические выступления рабочих, а если где и упоминают о них, стремятся обвинить в их происхождении самих рабочих.

Таких выступлений было неимоверно много. Историк, не кривя душой, не должен упускать их из своего внимания или выбирать из них только соответствующие его личным либеральным взглядам эпизоды. С другой стороны, волнения, стачки, другие протестные выступления рабочих происходили по самым разнообразным поводам, нередко выходящим за рамки производственных отношений. Чтобы составить объективное представление о характере

⁹ Смирнов В. П. О достоверности исторического знания // Новая и новейшая история. М., 2010. № 3. С. 180.

¹⁰ Россия в жерновах истории // Знание — сила. М., 2009. № 4. С. 43–44.

взаимоотношений властей, заводчиков и рабочих, характере и масштабах рабочего движения в изучаемый период, необходимо, несомненно, рассматривать все события этого периода, без какого-либо исключения.

Источниковая база настоящего исследования основана на архивных документах: 1) извлечённых самим автором из центральных и местных государственных архивов и 2) документов, опубликованных архивными учреждениями в сборниках документов и материалов. Автор, разумеется, использовал также достоверные материалы и документы, введённые в исторический оборот его предшественниками, изучавшими рассматриваемую тему.

«Факты, факты, прежде всего факты», — утверждал в своё время немецкий историк с мировой известностью Т. Моммзен.

Перед автором книги всегда стоял тезис, высказанный известным российским дипломатом и публицистом В. М. Фалиным в статье «Наказ коллегам: Уважайте Его Величество факт»: «Ничего не забывать, не вычёркивать, не стирать, хранить историческую память, уметь вовремя заглянуть в прошлое, чтобы понять настоящее. И увидеть возможное будущее»¹¹.

Это позволило автору объективно, с максимальной достоверностью, *igraetstudio**, изложить и проанализировать описываемые события.

¹¹ *Фалин В. М.* Наказ коллегам: Уважайте Его Величество факт // Советская Россия: Улики. М., 2016. 28 апреля. № 7 (86). С. 13.

* *Igraetstudio* — латинское: «без гнева и пристрастия».

ГЛАВА 1

ТРИ АКТОРА РАННЕИНДУСТРИАЛЬНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ УРАЛА

Вторая половина XIX — начало XX в. — время раннеиндустриальной модернизации страны, завершения промышленной революции, основанной на технических достижениях конца XVIII — XIX в., перерастания мануфактур в фабрики, активного железнодорожного строительства, превращения страны из аграрной в аграрно-индустриальную, становления и развития в России рыночных (капиталистических) отношений.

Акторами, инициаторами, двигателями социального процесса выступали три главные социально-политические силы страны — государство (власти), предприниматели (в первую очередь заводладельцы) и рабочие (нарождавшийся и формирующийся рабочий класс).

Власти

В России, со времён царя Алексея Михайловича и Петра I, главным инициатором, двигателем, покровителем промышленного развития страны была государственная власть, заинтересованная в усилении военного потенциала страны и укреплении её экономики.

В XVII в. Россия испытывала острый дефицит качественного железа, пригодного для изготовления оружия и инструментов. Имевшиеся в центре страны Тульско-Каширские металлургические заводы, построенные в середине XVII в. по «голландским образцам» на базе бедных месторождений железной руды, давали железо низкого качества, которое не годилось для производства оружия. «Московских, тульских, каширских, истенских и прочих заводов железа, — докладывал думный дьяк А. А. Винуис, — хрупки и в пушечных и в колёсных оковах ломались, и тем в промыслах воинских и намерениях удобных артиллерии многая чинилась помеха и остановка»¹.

Качественное железо по дорогой цене в небольших количествах покупалось в Швеции. Ввиду начавшейся осенью 1700 г. войны со Швецией за выход

¹ Кафенгауз Б. Б. История хозяйства Демидовых в XVIII–XIX вв.: Опыт исследования по истории уральской металлургии. М.; Л., 1949. Т. 1. С. 43.

к Балтийскому морю, экспорт качественного железа стал невозможным. Между тем в 1696 г. на Урале, в Верхотурском уезде на р. Нейве, было найдено месторождение «зело доброй» железной руды, из которой было выковано железо, по оценке экспертов, «самое доброе, не плоше свицкого (т. е. шведского. — Д. Г.), а к оружейному делу лутче свицкого»².

Петром I были приняты важные правительственные решения. На Урале началось строительство казной больших доменных металлургических заводов, положивших начало созданию обширного горнопромышленного района. При Петре I на Урале были построены 23 металлургических завода, к середине XVIII в. их стало 70. Уже в середине XVIII в. Урал превратился в грандиозный по тогдашним не только русским, но и мировым масштабам промышленный район. Всего в XVIII — первой половине XIX в. на Урале было построено около 200 чугуноплавильных, железоделательных и медеплавильных заводов.

Благодаря Уральскому горнозаводскому району, Россия по производству металлов догнала и перегнала западноевропейские страны, на мировом рынке металлов оттеснила Швецию на второй план, обеспечила вооружённые силы необходимым оружием, что позволило решить трудную внешнеполитическую задачу завоевания выхода к Балтийскому морю, коренным образом изменило международное положение России, возвело её в ранг великой европейской державы³.

Создание нового, мощного горнозаводского района на Урале, отдалённом от центра страны, в слабо заселённом крае, не имевшем удобных путей сообщения, создало много трудностей, преодоление которых потребовало огромных средств и приложения больших усилий. На Урал для руководства заводским строительством были посланы Петром I выдающиеся государственные деятели В. Н. Татищев и В. И. Геннин. Для строительства новых заводов призван частный капитал, привлечён талантливый предприниматель, тульский заводчик Н. Д. Антуфьев (Демидов).

Важной задачей заводского строительства на Урале было обеспечение заводов рабочей силой, решить которую в то время без энергичной помощи и содействия государства, центральных и местных властей было невозможно. Рабочие кадры уральских горных заводов формировались почти исключительно за счёт принудительных, крепостнических методов: переселения из Центральной России крепостных крестьян, присылки на заводы солдат, рекрутов, преступников, незаконного приёма беглых, «пришлых», «сходцев», «гулящих людей», беспаспортных, раскольников, с последующим прикреплением их к заводам.

Чтобы держать в повиновении эту подневольную массу и для «побуждения» её к работе, на заводах поддерживалась суровая, палочная дисциплина,

² Акты исторические. СПб., 1842. Т. V. № 267. С. 491; *Кафенгауз Б. Б.* История хозяйства Демидовых в XVIII–XIX вв. Т. 1. С. 56.

³ *Алексеев В. В., Гаврилов Д. В.* Металлургия Урала с древнейших времён до наших дней. М., 2008. С. 296–301, 326–327.

обеспечивавшаяся самыми жестокими средствами и свирепыми телесными наказаниями. Заводчикам была предоставлена почти неограниченная власть над зависимым от них населением.

В дальнейшем крепостнический режим на уральских заводах не ослабевал. Для укрепления дисциплины, в 1834 г. на заводах горного ведомства был установлен военный режим, мастерские приравнивались к солдатам, делились на команды, возглавляемые офицерами, судились военным судом. Главный начальник горных заводов Уральского хребта, ставший «главным командиром и хозяином заводов», получил обширную и почти неограниченную власть, имел в своём распоряжении военный суд (горный аудират), горную полицию, горные войска (три линейных батальона, инвалидные роты), вооружённую лесную стражу. Горнозаводское ведомство стало «государством в государстве», где были «свои законы, свой суд и совершеннейший произвол» над горнозаводским населением⁴.

Генерал В. А. Глинка, занимавший должность Главного начальника двадцать лет (1837–1856), любил называть себя «царём и богом» горнозаводского Урала. Рядом с Главным начальником и Горным правлением власть губернатора и местных гражданских чиновников «совершенно терялась». Екатеринбург, наводнённый горными чиновниками и войсками, был центром, опорным пунктом, столицей этого «горного царства». Д. Н. Мамин-Сибиряк, характеризуя до-реформенный период в жизни Екатеринбурга, писал: «Это было ужасное время беспримерной судебной волокиты, бесправия, шпицрутенов, плетей и всякого другого “пристрастия”, какое немисливо даже при большом осадном положении, точно Екатеринбург стоял на охваченной мятежом и междоусобной бранью территории»⁵.

Память о насильственном переселении крепостных крестьян из Центральных губерний на Урал, жестоком крепостническом режиме долго сохранялась в среде уральских рабочих в их песнях и поговорках, записанных в XX в. краеведами-фольклористами: «Не ропшико, Пашенька драгая, я лишаюсь, Пашенька, тебя. Горька участь от царя-монарха, отсылают нас в восточные края»; «Ай, да заводы заводил хозяин, ай, да работничков привела нужда горькая»; «Заводы ставили, уголь жгли, руду копали, свою силушку теряли»; «Горно-каторжны там работы, знать состарили оне меня»⁶.

При проведении реформы 1861 г. на Урале усилия властей были направлены, прежде всего, на обеспечение интересов государства, удержание рабочих при заводах, предотвращение остановки заводов. Вопреки мнению Комитета уральских горнозаводчиков, состоявшего из самых крупных заводладельцев Урала (граф А. Г. Строганов и др.), предлагавшего освободить крестьян без

⁴ Мамин-Сибиряк Д. Н. Горный город Екатеринбург // Мамин-Сибиряк Д. Н. Собр. соч.: В 12 т. Свердловск, 1951. Т. 12. С. 267.

⁵ Там же.

⁶ Урал в живом слове: Дореволюционный фольклор / Собрал и составил В. П. Бирюков. Свердловск, 1953. С. 38, 49, 89, 90.

земли, предоставив им в наследственное владение только усадьбы с огородами⁷, правительство в основу реформы на горнозаводском Урале положило принцип освобождения крепостных рабочих с предоставлением им земельных наделов (мизерных по величине), прикреплявших их к заводам. Правительство опасалось, что после отмены крепостного права рабочие уйдут с заводов, что могло, по заявлению министра юстиции В. Н. Панина, «произвести потрясение государства»⁸.

Была и вторая причина беспокойства правительства — опасение стихийного взрыва народного недовольства. Председатель Редакционных комиссий генерал Я. И. Ростовцев на одном из заседаний комиссии откровенно заявил: «Я считаю, что, отрезывая землю у крестьян, мы зажжём всю Россию»⁹. Игравший ведущую роль в подготовке реформы Н. А. Милютин, находясь в Париже, на упрёк, что реформаторы обидели русское дворянство, лишив его части земли, ответил, что французские аристократы во время революции сохранили свои земли, но потеряли свои головы, русские дворяне, потеряв часть земли, свои головы сохранили.

Правительство и местные власти приняли чрезвычайные меры для того, чтобы при объявлении реформы 1861 г. не допустить взрыва народного возмущения. Расквартированные на Урале войска были подготовлены к действиям по подавлению народных волнений. В Пермской губернии приведены в боевую готовность находившиеся в ней регулярные и иррегулярные войска, Оренбургское казачье войско¹⁰. Одна сотня Оренбургского казачьего войска была передвинута в Пермский уезд, из Оренбургского уезда несколько сотен казачьего войска направлены в Уфимский уезд¹¹.

Главный начальник горных заводов Уральского хребта генерал-лейтенант Ф. И. Фелькнер особым письмом предписал заводским исправникам «иметь самое бдительное и предусмотрительное наблюдение затем, чтобы как при самом обнаружении, так и после него сохранены были тишина и порядок»¹². На усиление земской полиции в горнозаводском районе Александром II была выделена добавочная сумма в 26 тыс. руб.¹³

Опубликование Манифеста и Положений 19 февраля 1861 г. вызвало на Урале волну возмущений горнозаводского населения. Мастеровые и урочные

⁷ *Горовой Ф. С.* Падение крепостного права на горных заводах Урала. Пермь, 1961. С. 160.

⁸ *Семёнов Н. П.* Освобождение крестьян в России в царствование императора Александра II. СПб., 1890. Т. 2. С. 895.

⁹ *Литвак Б. Г.* Переворот 1861 года в России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива. М., 1991. С. 104.

¹⁰ ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. 1861. Д. 344. Л. 1 — 3 об., 13; *Горовой Ф. С.* Падение крепостного права на горных заводах Урала. С. 202.

¹¹ ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. 1861. Д. 344. Л. 26–28.

¹² Там же. Д. 367. Л. 9; *Горовой Ф. С.* Падение крепостного права на горных заводах Урала. С. 203; *Горловский М. А., Пятицкий А. Н.* Из истории рабочего движения на Урале. Свердловск, 1954. С. 302.

¹³ РГИА. Ф. 1281. Оп. 6. 1862. Д. 79. Л. 48 об.

работники не верили в подлинность опубликованных документов, требовали от властей и священников объявления «настоящего» царского Манифеста, отказывались от отбывания в течение двух лет «обязательных» работ, исполнения повинностей, требовали повышения заработных плат, сохранения за ними земельных участков, служивших важным подспорьем для их материального обеспечения.

Крупные волнения, сопровождавшиеся отказами от работ и неповиновением местным властям, произошли в имениях Строгановых, Голицыных, Бутеро-Родали, Лазарева, Всеволожского и других заводовладельцев. Для их подавления посылались войска. В имении Строгановых в Иньвенском округе посланные для усмирения войска в с. Ёгве стреляли в крестьян и ранили трёх человек, из которых двое умерли.

Массовые выступления горнозаводского населения против реформы 1861 г. заставили правительство пойти на уступки и сделать к Положению 19 февраля 1861 г. ряд «добавлений»: законами 14 февраля 1862 г. и 9 августа 1864 г. мастеровым и сельским работникам были предоставлены в пожизненное и безвозмездное пользование участки земли, расчищенные от леса их собственным трудом (т.н. «росчисти», занимавшие в землепользовании мастеровых и сельских работников значительное место — до 40% и более).

По закону 3 декабря 1862 г. владельцы заводов должны были предоставить мастеровым усадьбы в собственность безвозмездно, дать возможность на льготных условиях использовать покосы; мастеровые частных заводов, не получившие надела пахотной земли (подавляющее большинство), освобождались на шесть лет от всех податей и повинностей; в случае закрытия завода владелец должен был предупредить об этом за год и обеспечить мастеровых на один год хлебом, мастеровым предоставлялось право получить земельный надел в высшем размере, установленном для крестьян данной местности¹⁴.

Уступки, сделанные мастеровым, «в видах удержания горнорабочего населения на месте настоящей их оседлости», и предоставление заводчиками права пользоваться имеющимися в их пользовании угодьями «вследствие снисхождения заводоуправлений», по донесениям чиновников, «обеспечили некоторое успокоение населения», но не решили проблемы землевладения и землепользования горнозаводского населения.

Земельные наделы и росчисти, предоставленные мастеровым и сельским работникам, не были отграничены на местности, были разбросаны мелкими участками по всей территории обширных лесных дач, поэтому население продолжало самовольно расширять своё землепользование за счёт новой расчистки лесов и кустарников. Заводоуправлениям было трудно или даже совершенно невозможно противодействовать самовольным захватам, что в последующем вызывало постоянные конфликты между населением и горнозаводчиками и их заводоуправлениями из-за пользования земельными угодьями.

¹⁴ 2 ПСЗ. Т. 37. № 38671, 38989; Т. 39. № 41174.

Правительством, в целях «урегулирования поземельных отношений» на казённых и посессионных заводах, были изданы законы от 12 марта 1877 г. и 19 мая 1893 г. Для «урегулирования» поземельных отношений на частновладельческих заводах Министерство внутренних дел 13 мая 1888 г. издало циркуляр № 4, предоставлявший мастерам частных заводов право приобретать земельные наделы по добровольным соглашениям с заводовладельцем за выкуп¹⁵.

Но эти законы, изданные всецело в интересах заводовладельцев, оставлявшие нетронутым крупное землевладение горнозаводчиков, сохранявшие и закреплявшие полукрепостническую зависимость рабочих от заводовладельцев, не смогли существенным образом повлиять на разрешение аграрного вопроса на горнозаводском Урале, не оправдали правительственных ожиданий на их «благодетельные последствия».

Уже в первое десятилетие после отмены крепостного права рост рабочего движения в стране вызвал тревогу царских властей. 3 июня 1870 г. шеф жандармов и управляющий III Отделением Н. В. Мезенцев дал указание начальнику Главного управления по делам печати, «чтобы наши журналы и газеты воздерживались от повествований относительно неурядиц между рабочими и их хозяевами»¹⁶.

6 июля 1870 г. министром внутренних дел был разослан всем губернаторам секретный циркуляр, предписывавший, «не допуская дела до судебного разбирательства», высылать участников стачек в отдалённые губернии, губернаторам поручалось иметь «самое строгое и неослабное наблюдение за фабричным и заводским населением»¹⁷. Губернаторы стали широко пользоваться этим правом.

В управлении краем после отмены крепостного права продолжала играть важную роль горная администрация, возглавляемая Главным начальником Уральских горных заводов. После реформ 1860–1870-х гг. власть горного ведомства несколько уменьшилась, но оно продолжало непосредственно управлять всеми казёнными горными заводами и осуществляло общий надзор за частновладельческими и посессионными заводами региона.

В 1886 г. была создана горная инспекция, которой поручался надзор за исполнением горного законодательства частными заводами, рудниками, золотыми и платиновыми приисками. Было создано 8 горных округов, возглавляемых окружными инженерами: I Вятский, II Пермский, III Западно-Екатеринбургский, IV Уфимский, V Верхотурский, VI Восточно-Екатеринбургский, VII Оренбургский и VIII Оренбургский-Южный. На горную инспекцию были возложены согласительные и охранные функции, обязанность разрешать конфликты между рабочими и владельцами предприятий, предупреждать забастовки и другие выступления рабочих¹⁸.

¹⁵ 2 ПСЗ. Т. 52. № 57054; 3 ПСЗ. Т. 13. № 9628; РГИА. Ф. 1291. Оп. 72. Д. 55. Л. 38.

¹⁶ Рабочее движение в России в XIX веке. М., 1950. Т. II. Ч. 1. С. 240.

¹⁷ Там же. С. 242.

¹⁸ Тулисов Е. С. Система административных институтов и учреждений горнозаводского ведомства Урала в XVIII — начале XX в. // Металлургическая промышленность России XVIII–XX веков. Саранск — Екатеринбург, 2007. С. 184.

Предписания окружных инженеров об улучшении технико-производственных и санитарно-гигиенических условий плохо проводились в жизнь, как правило, игнорировались заводчиками. Действенного контроля за их выполнением не существовало, не было достаточно строгих наказаний за уклонение от их исполнения. При разборе конфликтов рабочих с предпринимателями окружные инженеры обычно становились на сторону предпринимателей, принимали активное участие в их прекращении, вызывали на предприятия полицию, казаков, войска.

Правительство прилагало большие усилия для поддержания финансовой состоятельности горнозаводчиков. К моменту отмены крепостного права в 1861 г. горнозаводская промышленность Урала переживала глубокий финансово-экономический кризис. В 1861 г. на 13 заводских округах лежала задолженность в сумме 8,1 млн руб., к концу 60-х гг. она выросла до 12,4 млн руб.¹⁹ Ввиду большой задолженности 14 горных округов находились в опекуновском или конкурсном управлении.

Тяжёлым испытанием для уральской горнозаводской промышленности стал экономический кризис конца 70-х — начала 80-х гг. XIX в. В период кризиса на помощь ей пришло правительство Александра III, предоставившее переживавшим «финансовые затруднения» заводчикам отсрочку ссуд, кратко- и долгосрочные кредиты, выгодные правительственные заказы, льготы, премии, авансы.

Либерально-демократическая печать резко критиковала правительство за оказание финансовой помощи горнозаводчикам, считая, что оно помогает заводчикам вести «беззаботное существование». Когда в 1885 г. рыночная цена на металлы на Нижегородской ярмарке сильно упала, горнозаводчики стали требовать от правительства немедленной помощи для «спасения» уральской промышленности. Д. Н. Мамин-Сибиряк тогда возмущённо писал: «Почему-то бедствующими явились наши 18 уральских заводчиков, а что это за народ — назовём только главных бедняков: Демидов, князь Сан-Дonato, граф Строганов, Стенбок-Фермор, наследники Яковлева и Расторгуева, князь Белосельский-Белозерский, А. Ф. Козелл-Поклевский и т. д.»²⁰

Одной из самых важных и эффективных форм правительственной финансовой поддержки горнозаводчиков была выдача ссуд Екатеринбургской конторой Государственного банка под залог металлов на весьма льготных условиях. Выдача ссуд под залог металлов в 1860-х гг. составляла 4,5–5,5 млн руб., в середине 1870-х гг. — 6 млн руб., а в 1885–1892 гг. была доведена до 9 млн руб. в год²¹.

¹⁹ Буранов Ю. А. Акционирование горнозаводской промышленности Урала, 1861–1917 гг. М., 1982. С. 40.

²⁰ Мамин-Сибиряк Д. Н. Кризис уральской горнопромышленности // Собр. соч.: В 12 т. Свердловск, 1951. Т. 12. С. 232.

²¹ Там же. С. 185–186.

В 1885 г. горнозаводчикам была предоставлена отсрочка выплаты ссуд под залог металлов сроком на год, в 1886 г. последовала новая отсрочка — снова на год, в 1887 г. — ещё одна отсрочка на полгода. В дальнейшем — вплоть до 1892 г. — ссуды под залог металлов выдавались в более высоких размерах (до 70%), чем это предусматривалось установленной нормой (60%)²².

В 1880 г. владелец Катавских заводов князь К. Э. Белосельский-Белозерский получил для развития рельсового производства ссуду в 2 млн руб. на 10 лет при 6% годовых, но, ссылаясь на неблагоприятную рыночную конъюнктуру, задерживал очередные платежи. В 1887 г. ссуда была отсрочена на 6 лет, в 1891 г. вновь отсрочена на 37 лет (до 1928 г.!) при 5% годовых²³. Владельцам Симских заводов И. П. и Н. П. Балашевым ранее выданная ссуда в 1884 г., под предлогом необходимости модернизации заводов, была продлена ещё на 14 лет.

В конце 80-х — 90-х гг. XIX в. правительство усилило финансовую помощь уральским горнозаводчикам за счёт направления в неё ипотечных ссуд земельных банков.

Правительственная поддержка горнозаводчиков, находившихся в кризисном финансовом состоянии, позволила им обновить оборудование, увеличить доходность, рассчитаться с долгами. Сысертские заводы, имевшие в 1860-х гг. долг 3,6 млн руб., к 1888 г. смогли выплатить из них 2,7 млн руб., а к 1901 г. полностью погасить долг. К концу XIX в. задолженность сохранили только 6 горнозаводских округов, сумма их долга составляла 3,8 млн руб.²⁴

В конце XIX в. острую тревогу местных властей вызывал рост на Урале рабочего движения. Уральские чиновники потребовали от правительства срочного усиления в горнозаводских районах войск и полиции.

Прокурор Екатеринбургского окружного суда 25 мая 1898 г. в особой записке высказал большую опасность роста рабочих выступлений для господствующих классов, предупредил, что рабочее движение «приобретает весьма серьёзное значение, бедственные последствия которого будут громадны», жаловался на малочисленность воинских команд, стражников и полиции в горнозаводских районах²⁵.

Пермский губернатор обратился в Министерство внутренних дел с просьбой о введении на уральских заводах фабрично-заводской полиции. Правительство незамедлительно откликнулось на эти просьбы. Оно ответило старым, традиционным, испытанным способом — увеличением в «опасном» районе полиции.

«Высочайшим повелением» от 1 февраля 1899 г. численность полиции в горнозаводских районах Пермской губернии была увеличена более чем в три раза. Особенно значительное увеличение числа полицейских было произведено на заводах, в которых за последние пять лет были стачки рабочих. По сведениям

²² Гиндин И. Ф. Государственный банк и экономическая политика царского правительства (1861–1892 гг.). М., 1960. С. 186.

²³ Там же. С. 187–188.

²⁴ Буранов Ю. А. Акционирование горнозаводской промышленности Урала. С. 42.

²⁵ РГИА. Ф. 1405. Оп. 530. 1898. Д. 987. Л. 32.

полицейских, таких насчиталось 18. Исходя из этого расчёта, в Кыштымском заводе число полицейских с 5 чел. было увеличено до 17, в Сысертском — с 3 до 15, в Кыновском — с 4 до 10 и т. д.²⁶

Обеспокоенное усилением социальной напряжённости на Урале, правительство озаботилось поиском более надёжных способов воздействия на неповинующихся рабочих. В правительственных кругах развернулась дискуссия о том, что более эффективно для «обеспечения спокойствия» на уральских заводах — войска или казаки. По просьбе Горного департамента своё мнение по этому вопросу высказал Главный начальник Уральских горных заводов П. П. Боклевский. Он решительно высказался за казаков. Боклевский заявил, что сотню казаков он предпочитает двум ротам пехотных войск²⁷.

В заводские районы Урала стали стягиваться войска и отряды казаков. Власти и заводские администрации явно готовились к кровавой расправе над рабочими массами.

Правительство не справлялось со своей обязанностью регулировать взаимоотношения между различными классами и группами общества, добиваться компромисса, согласия между ними, поддерживать социальное спокойствие. В конфликтах между рабочими и заводчиками правительство и местные власти неизменно поддерживали заводчиков.

Власти, постоянно заявлявшие о своей «заботе о благосостоянии рабочих и всего горнозаводского населения», своей «посреднической роли» в разрешении противоречий между рабочими и предпринимателями, в примирении интересов конфликтующих сторон и установлении в заводских районах социального мира, на деле для борьбы с нараставшим рабочим и оппозиционным движением считали наиболее радикальным и надёжным методом не мирные средства, а привлечение силовых структур — полиции, жандармерии, войск, казаков, применение насильственных мер — в ход шли порка розгами, аресты, тюремные заключения, ссылки в Сибирь и отдалённые губернии, публичные массовые расстрелы.

Заводовладельцы. Ведущая роль горнозаводской промышленности в экономической жизни региона, особенности колонизации региона обусловили громадную роль в жизни края горнозаводчиков, их значение как помещиков и заводчиков, их привычку к безраздельному и неограниченному господству, положению монополистов в горном деле, основывавших свою предпринимательскую деятельность не на капитале и конкуренции, а на владельческом праве.

«Крестьяне были вообще населены на Урале с целью работать заводовладельцам»²⁸, — в этой простодушной фразе жителя одного из уральских заводских посёлков, высказанной в 1887 г., очень метко и точно указаны методы обеспечения

²⁶ ГАПК. Ф. 36. Оп. 10. 1899. Д. 3. Л. 82–99.

²⁷ Металлисты Урала накануне и в период 1905 года: Сб. материалов и документов. Свердловск, 1926. С. 64–65.

²⁸ *Бабушкин П. Д.* Письмо в Комиссию по исследованию кустарной промышленности от 19 февраля 1887 г. // Труды Комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. СПб., 1887. Вып. XVI. С. 594–595.

уральских заводов рабочей силой и громадная роль в жизни края горнозаводчиков, владевших огромными земельными имениями — латифундиями в сотни тысяч десятин и фактически являвшихся «некоронованными королями» Урала.

Целенаправленная правительственная политика, направленная на создание в начале XVIII в. на Урале, с его богатейшими залежами высококачественных железных руд и нетронутыми массивами дремучих первобытных лесов, нового металлургического района, подкреплялась энергичным поощрением частного предпринимательства.

Никита Акинфиевич Демидов, внук Никиты Демидова, основателя династии, сыгравшего исключительную роль в развитии уральской горнозаводской промышленности, в письме, отправленном в 1763 г. в Бергколлегию, с наивной откровенностью признавал, что Демидовы занялись горным промыслом, «полагая надежду» на объявленные правительством в Бергпривилегии и Бергрегламенте «наисильнейшие, в них открытыя милосердия, и высокомонаршия обнадёживания, и привилегии, и данные вольности»²⁹.

В дальнейшем правительственная политика покровительства горнозаводчикам неизменно продолжалась. По выражению официального документа, уральской металлургии были «издревле предоставлены многие такие льготы, как нигде горнозаводская промышленность не пользуется».

Горнозаводчики являлись привилегированными заёмщиками дореформенных банков, для них были установлены наиболее высокие нормы выдачи ссуд на крепостную душу. В 30–40-х гг. XIX в. они получали долгосрочные ссуды на многие сотни тысяч рублей, которые почти целиком были использованы ими на личные нужды и развлечения.

Некоторым горнозаводчикам банковских ссуд не хватало, и у них образовались крупные «частные долги» за счёт займов у купцов, откупщиков и т. п. Тогда «нуждавшимся» горнозаводчикам выдавались дополнительные казначейские ссуды из особого резервного фонда (в 1848 г. — 800 тыс. руб.). В 1847 г. была учреждена Екатеринбургская банковская контора для выдачи ссуд под залог металлов до их реализации на Нижегородской ярмарке, что позволяло горнозаводчикам за счёт этих ссуд вести все свои производственные операции, не заботясь о наличии собственных оборотных средств³⁰.

Реформа 1861 г., ликвидировав в уральской горнозаводской промышленности феодальные производственные отношения, сохранила в ней остатки крепостничества, главными из которых были крупное землевладение горнозаводчиков и их монопольное право на занятие горным промыслом.

Уральские горнозаводчики и после отмены крепостного права продолжали оставаться крупнейшими землевладельцами. В конце XIX в. при 111 уральских

²⁹ *Кафенгауз Б. Б.* История хозяйства Демидовых в XVIII–XIX вв.: Опыт исследования по истории уральской металлургии. М.; Л., 1949. Т. 1.

³⁰ *Гиндин И. Ф.* Государственный банк и экономическая политика царского правительства (1861–1892 гг.). М., 1960. С. 176.

металлургических заводах числилось 10,2 млн дес. земли (из них 7,7 млн дес. леса). Следовательно, каждый уральский завод в среднем владел латифундией по 100 тыс. дес. земли. Горнозаводчики имели при своих заводах земли: граф С. Г. Строганов — 1562402 дес., т. е. более 1,5 млн дес. (!), П. П. Демидов, князь Сан-Дonato — 755802 дес., графиня Н. А. Стенбок-Фермор — 704097 дес., княгиня Е. Х. Абамелек-Лазарева — 691858 дес., граф П. П. Шувалов — 632690 дес., наследники Расторгуева — 555006 дес., наследники С. С. Яковлева — 484981 дес. и т. д.³¹

При проведении реформы 1861 г. уральские горнопромышленники настояли на сохранении закона, запрещавшего открытие в заводских округах каких-либо заведений, основанных на «огненном действии, требующем угля и дров»³², что фактически ставило почти непреодолимые препятствия для развития в горнозаводском районе кустарных промыслов.

Горнозаводское население, не получившее земли и не имевшее возможности легально заниматься горным делом и кустарными металлическими промыслами, оказалось в полной зависимости от заводовладельцев.

Сохранение в руках горнозаводчиков огромных земельных владений и оставление за ними феодальных привилегий на монопольное занятие горным промыслом давали горнозаводчикам возможность держать местное население в полукрепостнической кабальной зависимости, подвергать прикреплённых к заводам земельными наделами рабочих жесточайшей эксплуатации, позволяли при отсталой технике и рутинных способах ведения хозяйства получать большие дивиденды.

Тем не менее реформа 1861 г., лишив заводовладельцев дарового крепостного труда, поколебала их финансовое благополучие. Н. А. Некрасов писал о реформе 1861 г.: «Порвалась цепь великая, порвалась и ударила, одним концом — по барину, другим — по мужику». О том, как она ударила по мужику — написана тьма книг, но стоит сказать и о том, что она ударила и по барину, по уральскому горнозаводчику.

«До реформы, — писал в 1868 г. известный горнозаводский деятель К. А. Скальковский, — даже самые плохие и невыгодные заводы приносили значительные барыши; заводы же, не обременённые долгами, давали блистательные дивиденды. В настоящее время только часть частных заводов даёт доход на оборотный капитал и можно положительно утверждать, что взяв в расчёт капитал затраченный, ценность леса, отпускаемого заводу безденежно, земель, лежащих непроизводительно, и вообще при правильной бухгалтерии, нет горного завода в России, который давал бы теперь чистый доход»³³.

³¹ См.: Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1890 г. СПб., 1892; Сборник сведений по России за 1890 г. СПб., 1890.

³² Свод законов. 1857. Т. VII. Устав горный. Ст. 342.

³³ *Скальковский К. А.* Очерк современного положения горного дела в России // Горный журнал. СПб., 1868. Т. IV. С. 472–473.

Пошатнулось финансовое благополучие даже таких именитых и сверхбогатых горнозаводчиков, как Демидовы. П. П. Демидов в 1870-х гг. вынужден был продать «Невский дом» и дома по Большой Морской улице в С.-Петербурге, черноморские имения, дом в Казани, сибирский прииск, в 1880 г. с аукциона была продана итальянская вилла Сан-Донато, принёсшая Демидовым княжеский титул³⁴.

В новых условиях, когда производство было отлажено и могло функционировать без личного участия заводовладельцев, претерпел изменения тип уральских горнозаводчиков.

На смену талантливым организаторам, энергичным предпринимателям, лично вникавшим во все детали горнозаводского дела, пришли заводовладельцы, интересовавшиеся лишь конъюнктурой мирового и внутреннего рынков на металлы и получением с заводов определённых доходов. «В XIX в., — писал Д. А. Кашинцев, — вступил феодал-заводчик иного типа, чем хозяйствовавший в минувшем веке. Инертный, бесталанный, он лишён был волевых организационных импульсов хищников XVIII в.»³⁵.

Многие заводовладельцы, не считаясь с хозяйственными возможностями заводов, беззаботно тратили огромные средства на свои нужды и развлечения, влезали в долги. По финансовому положению и производственной деятельности в первое пореформенное десятилетие уральские горные заводы можно разделить на пять групп.

1. Заводы, приносившие в руках владельцев прибыль, действовавшие с большей или меньшей выгодой, — 12 округов: Нижнетагильский, Верхнетсетский, Алапаевский, Шайтанский, Омутнинский, графини Строгановой, Лысьвенский, Нытвенский, Чёрмоозский, Кыштымский, Катавский. Это были наиболее сильные в экономическом, техническом и финансовом отношении округа, принадлежавшие заводовладельцам, обладавшим значительными капиталами.

2. Заводы, не приносившие в руках владельцев прибыли, действовавшие без выгоды, — 9 округов: Сысертский, Кыновский, Благовещенский, Симский, Кагинский, Богоявленский, Архангельский, Кананикольский, Авзянопетровский.

3. Заводы разорённые, находившиеся в опеке и под казённым присмотром, — 8 округов: Ревдинский, Рождественский, Холуницкий, Шильвинский, Пожевской, Никитинский, Юрюзанский, Белорецкий.

4. Заводы совершенно разорённые, находившиеся в казённом управлении, — 6 округов: Суксунский, Южокнауфский, Сергинский, Уфалейский, Шурминский, Залазинский.

5. 19 закрытых заводов — Святочудовский, Уинский, Шермаитский, Николаепавдинский, Ньючимский, Кажимский, Нючпаский, Верхне- и Нижнетроицкие,

³⁴ Неклюдов Е. Г. Уральские заводчики во второй половине XIX — начале XX века: владельцы и владения. Екатеринбург, 2013. С. 14.

³⁵ Кашинцев Д. А. История металлургии Урала. М.; Л., 1939. Т. 1. С. 230.

Устьявановский, Курашимский, Бизярский, Шаквинский, Воскресенский, Верхоторский, Преображенский, Богоявленский, Метинский, Бемьшевский³⁶.

В 1861 г. из 41 крупного горнозаводского хозяйства («горных округов») на 13, т.е. почти $\frac{1}{3}$, лежала задолженность. Ряд горных округов (Суксунский, Кнауфский, Сергинско-Уфалейский, Сысертский, Ревдинский, Холуницкий, Залазнинский и др.) находились в опекуном или конкурсном управлении, а в дальнейшем некоторые из них совсем прекратили свою деятельность (Кнауфский, Рождественский, Всеволодо-Вильвенский округа, часть заводов Суксунского округа и др.)³⁷.

В пореформенное время большая часть уральских горнозаводчиков личного участия в управлении своими заводами не принимала. «На Урале, — писал Р. С. Попов, — до сих пор почти нет ЗАВОДЧИКОВ, т.е. людей, своею личною энергией поддерживающих промышленное дело, а есть только ЗАВОДОВЛАДЕЛЬЦЫ, нередко знающие о своих заводах только то, что они дают известное число тысяч дохода; многие из них не видали ни одного завода или рудника, ни только своего, но и чужого».

Многие из заводладельцев, отмечал Р. С. Попов, безвыездно жили за границей, не знали русского языка и никогда не бывали в России. О безумном мотовстве уральских горнозаводчиков ходили легенды, сами они являлись «обязательной принадлежностью всех увеселительных заведений от Петербурга до Ниццы и Монте-Карло»³⁸.

В конце XIX в. из нескольких десятков уральских горнозаводчиков только трое (граф П. П. Шувалов, князь С. С. Абамелек-Лазарев, князь С. Е. Львов) принимали личное участие в управлении своими заводами. Доходы, получаемые заводладельцами, тратились чаще всего непроизводительно, главным образом на личные развлечения. Заводладельцы, не считаясь с хозяйственными возможностями заводов, расходовали на свои нужды не только всю прибыль, но и оборотный капитал, влезали в долги. Многие частные заводы хронически были обременены огромными долгами³⁹.

Правительство «для поддержания отечественной горнозаводской промышленности» выдавало несостоятельным горнозаводчикам огромные ссуды, предоставляло им рассрочки на очень продолжительные сроки (от 5 до 37 лет). Систематическая правительственная поддержка несостоятельных заводладельцев не улучшала положение на заводах, а лишь служила поощрением к продолжению ими своего беззаботного мотовства. При малейших затруднениях в ходе дел на заводах уральские горнозаводчики начинали кланяться у правительства ссуды и пособия.

В пореформенный период, в ходе капиталистической перестройки, многие промотавшие свои капиталы представители аристократических фамилий,

³⁶ Скальковский К. А. Очерк современного положения горного дела в России. С. 473–475.

³⁷ Буранов Ю. А. Акционирование горнозаводской промышленности Урала. С. 40.

³⁸ Попов Р. С. Горнозаводский Урал // Отечественные записки. 1874. № 12. С. 304.

³⁹ Там же. С. 320.

владевшие заводами с XVIII в., выбыли из состава горнозаводчиков. Их место заняли владельцы нового типа, дельцы и предприниматели, финансисты, разными путями нажившие значительные капиталы: купцы (Пастуховы, братья Каменские, владельцы торгового дома Мейер, Гинцбург и К°, П. С. Кондюрин, Н. Д. Шамов, Н. С. Кальсин и др.), виноторговцы и золотопромышленники (А. Ф. Поклевский-Козелл, В. А. Ратьков-Рожнов), банкиры (С. Л. фон Дервиз), крупные государственные чиновники (А. А. Половцов).

К 1900 г. у старых владельцев осталось лишь 13 горнозаводских хозяйств (в 1860 г. их было 75). В 1880 г. Омутнинский горный округ купил ярославский купец Н. П. Пастухов, в 1881 г. Сергинско-Уфалейские заводы были приобретены торговыми домами «М. Мейер и К°» и «Гинцбург и К°». Торговый дом «Воггау и К°» в 1875 г. стал владельцем Белорецких заводов, в 1882 г. приобрёл ещё и Кагинские заводы.

В 1884 г. крупный чиновник, государственный секретарь А. А. Половцов на деньги своего тестя, председателя Санкт-Петербургского биржевого комитета, миллионера барона А. Л. Штиглица купил Богословский горный округ. А. Ф. Козелл-Поклевский, владелец многочисленных винокуренных заводов и золотых промыслов, купивший в 1874 г. Холуницкий округ, в 1886 г. приобрёл Залазинский округ. В 1888 г. Зигаинский округ купили купцы Н. Д. Шамов и Н. С. Кальсин, Инзерский округ в 1890 г. — сын железнодорожного магната, миллионера барон С. П. фон Дервиз, Суксунский округ в 1893 г. — пермские владельцы пароходной компании братья Каменские, Камбарский завод в 1890 г. — купец П. С. Кондюрин⁴⁰.

Значительное развитие на Урале получила фабрично-заводская промышленность, выдвинувшая плеяду купцов, виноторговцев, дельцов, наживших большие деньги и превратившихся в заводчиков и фабрикантов.

В Вятской губернии купец К. Я. Ушков построил Кокшанский и Бондюжский химические заводы, в Уфимской губернии появилась Нижнетроицкая суконная фабрика купцов Алафузовых, в Пермской губернии в с. Березниковский Луг Соликамского уезда — содовый завод купца и пароходчика Любимова и бельгийца Сольве, в Екатеринбурге — суконная фабрика купцов Злоказовых, спичечная фабрика купца Логинова, льнопрядильная фабрика купцов братьев Макаровых, чугунолитейный и механический завод великобританского подданного Ятеса, в Екатеринбургском уезде в с. Арамильском — Знаменская суконная фабрика Злоказовых, в с. Камышенском — Крестовоздвиженская суконная фабрика Ушкова, в д. Черноусовой и Колюткиной — льнопрядильные фабрики купца Жирякова и др.⁴¹

Большую роль в заводской жизни имели управляющие, в полное и бесконтрольное управление которым отдавались целые заводские округа. Единственное

⁴⁰ История Урала в период капитализма / Отв. ред. Д. В. Гаврилов. М., 1990. С. 116.

⁴¹ Гаврилов Д. В. Фабрично-заводская промышленность // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 2000. С. 573–574.

условие, которое предъявлялось им заводовладельцами, — предоставлять по первому требованию возможно большее количество денег. Для выполнения этой роли лучше подходили не люди с инженерно-техническим образованием, а «заводские самородки» — приказчики-практики, приспособившиеся к исполнению капризов барина. Неудивительно, что на многих частных уральских горных заводах инженеры были большой редкостью. «Зачем было тратиться на новые машины да ещё держать специалистов-инженеров, когда свои “доморощенные” правители умели без новых машин выколачивать достаточно?» — писал П. П. Бажов⁴².

Уральские горнозаводчики, пользуясь своим монопольным положением в российской металлургии, привыкли жить по-старинке и, не увлекаясь «новшествами», не тратя средств на технические улучшения, получать со своих заводов дивиденды. В конце XIX в. современники свидетельствовали, что «несмотря на техническую отсталость уральской горнозаводской промышленности, она даёт предпринимателям громадные прибыли (до 100 % и выше на складочный капитал)»⁴³.

Для координации своих действий, выработки общих позиций и коллективного отстаивания перед правительством корпоративных интересов горнозаводчиками в 1880 г. была создана своя представительская организация — Съезд уральских горнозаводчиков, в 1898 г. образован его постоянный исполнительный орган — Совет съездов⁴⁴.

В пореформенный период резко возросло влияние банков, которые всё в больших масштабах стали инвестировать свои средства в горнозаводскую промышленность, превратились во всемогущие финансовые центры, регулирующие ход торгово-промышленных операций. В 1890-е гг. в финансирование уральской металлургии включились петербургские банки, входившие в первый десяток самых крупных российских банков: Азовско-Донской банк начал вкладывать средства в Богословское горнозаводское общество, Сибирский банк — в Невьянские заводы, Торгово-промышленный банк — в общество Сергинско-Уфалейских заводов⁴⁵.

Ускоренными темпами шёл процесс акционирования — создания испытывавшими финансовыми затруднения заводовладельцами акционерных обществ, капитал которых образовывался посредством выпуска и продажи акций. В 1885 г. в горнозаводской промышленности Урала действовали 3 акционерных компании с основным капиталом в 10,9 млн руб., в 1900 г. в акционерном секторе региона находилось уже 10 горных округов с 23 металлургическими и металлообрабатывающими заводами, производившими 44 % уральского чугуна, 26 %

⁴² Бажов П. П. Уральские были: Из недавнего быта Сысертских заводов. Екатеринбург, 1924. С. 15.

⁴³ Сигов И. С. Народ и посессионные владения на Урале // Русское богатство. СПб., 1899. № 3. С. 182.

⁴⁴ Рукосуев Е. Ю. Съезды горно- и золотопромышленников Урала в конце XIX — начале XX века: организация и направление деятельности. Екатеринбург, 2015.

⁴⁵ Гиндин И. Ф. Банки и промышленность России. М.; Л., 1927. С. 141–142.

железа и 60% стали с основным капиталом в 56,3 млн руб. Акционированный сектор занял видное место в горнозаводской промышленности Урала⁴⁶.

Значительно увеличился приток на Урал иностранного капитала. В 1879 г. Франко-русское (с 1889 г. — Камское) общество, капиталы которого были целиком французскими, арендовало у князя С. М. Голицына Нытвенский округ. В 1881 г. Товарищество Сергинско-Уфалейских заводов, образованное с участием французского капитала, купило заводы у обанкротившихся наследников купца Губина. В 90-е гг. XIX в. возникли: в 1893 г. — Волжско-Вишерское общество с французским и американским капиталами, занявшееся строительством металлургических заводов на Севере Западного Урала, в бассейне р. Вишеры; в 1898 г. — Южно-Уральское анонимное общество с бельгийским капиталом, арендовавшее у князя К. Э. Белосельского-Белозерского Катавские заводы; в 1900 г. — Общество Кыштымских заводов с английским капиталом, купившее акции этих заводов⁴⁷.

Начался переход к новейшим капиталистическим формам организации производства — картелям и синдикатам. В середине 1890-х гг. два крупных производителя кровельного железа — Алапаевские и Верхисетские заводы — заключили соглашение картельного типа о размерах цен на кровельное железо на уральском рынке. В конце 90-х гг. между горнозаводчиками велись переговоры о создании синдиката для совместного сбыта кровельного железа, но в то время они не привели к какому-либо положительному результату⁴⁸.

На Урале росло возмущение хозяйничанием магнатов-горнозаводчиков. Против их феодальных монополий и привилегий резко выступали демократические и прогрессивные деятели (Д. Н. Мамин-Сибиряк, Д. К. Чернов, Д. И. Менделеев и др.). Росла ненависть к горнозаводчикам со стороны рабочих масс. Сотни тысяч рабочих, трудившихся на то, чтобы их заводладельцы в столицах и за границей могли «вращаться» и «блистать», удивляя всех безумными тратами, всё яснее начинали осознавать тунеядство и паразитизм своих господ. Экономист, профессор И. Х. Озеров, посетивший Урал в 1908 г., писал: «По Уралу идёт вопль против магнатов. Чуть ли не все классы населения спят и видят, когда же их не будет»⁴⁹.

Рабочие. Зарождение рабочего класса на Урале относится к временам крепостнического строя, к XVIII — первой половине XIX в., когда в крае создавалась горнозаводская промышленность и сложился многочисленный слой прикреплённого к заводам населения — крепостных мастеровых и работных людей, основным занятием которых была работа на металлургических заводах, рудниках, приисках и промыслах.

⁴⁶ Буранов Ю. А. Акционирование горнозаводской промышленности Урала. С. 109, 110.

⁴⁷ Зив В. С. Иностранные капиталы в русской горнозаводской промышленности. Петроград, 1917. С. 30–31, 37–38; Буранов Ю. А. Акционирование горнозаводской промышленности Урала. С. 74–90, 100–104, 106–114.

⁴⁸ ГАСО. Ф. 635. Оп. 1. 1898. Д. 7. Л. 14 об.

⁴⁹ Озеров И. Х. Горные заводы Урала. М., 1910. С. 26.

В начале XVIII в., когда началось масштабное промышленное освоение Урала — огромного, слабо населённого горно-лесистого края, отдалённого от центра страны, для правительства, местных властей и заводчиков при основании крупных металлургических заводов главной проблемой было обеспечение создаваемых предприятий рабочими кадрами. В условиях господства в стране феодально-крепостнической системы, узости внутреннего рынка свободной рабочей силы, кроме предоставления некоторых льгот, основным методом привлечения людей для работы на заводах и рудниках стало насилие.

Только силой можно было согнать для тяжёлой, непривычной и неприятной работы на заводах и рудниках на далёкий, суровый, негостеприимный Урал массы людей, заставить их работать на тяжёлых и опасных для жизни рабочих заводских и рудничных работах, добиться их повиновения. Пётр I при приписке к Невьянскому заводу крестьян соседних слобод и сёл предписал: «А кто ис тех крестьян явится тому не послушен, и ему, Никите, тех ослушников и ленивых, смотря по вине, смирать и батогами, и плетьюми, и железами»⁵⁰.

Казна и горнозаводчики, установив на уральских заводах жесточайший крепостнический режим, поддерживали дисциплину посредством суровых телесных наказаний и бесчеловечных расправ с непокорными.

Своеобразный способ формирования рабочих кадров, обусловленный слабой заселённостью края в период промышленной колонизации Урала в XVIII — первой половине XIX в., отдалённостью и оторванностью региона от центра страны, был важной особенностью «оригинального строя» уральской горнозаводской промышленности.

Рабочие кадры уральских горных заводов формировались главным образом за счёт:

- 1) переселения из Центральной России крепостных крестьян,
- 2) присылки на заводы солдат, рекрутов,
- 3) ссылки на заводы преступников, бродяг, проституток,
- 4) незаконного приёма на заводы всякого «бродячего люда» — «гулящих людей», беглых, «пришлых», «сходцев», беспаспортных,
- 5) незаконного приёма на заводы преследуемых за раскол старообрядцев.

С зачислением «в подушный оклад» и прикреплением к заводам в качестве «вечноотданных», эти категории постепенно нивелировались, создавая при заводах многочисленный слой прикреплённого к ним работоспособного населения.

Из этого широкого, очень пёстрого, весьма неоднородного слоя, состоявшего из особых групп, различными путями оказавшихся на уральских заводах, в первое время различавшихся по социальному и юридическому положению, в результате неуклонно проводившегося правительством курса на закрепощение непосредственных производителей, сложились кадры горнозаводских крепостных

⁵⁰ Шишонко В. Н. Пермская летопись. Период V. Ч. 1. Пермь, 1885. С. 37; Кафенгауз Б. Б. История хозяйства Демидовых в XVIII–XIX вв. М.; Л., 1949. Т. 1. С. 122–124.

мастеровых и работных людей, основным занятием которых стала работа на горных заводах.

Для «побуждения» к работе этой подневольной массы людей на заводах поддерживалась суровая дисциплина, обеспечивавшаяся самыми жестокими средствами и свирепыми телесными наказаниями. В ход шли розги, палки, кнут, батоги, колодки, рогатки, цепи, кандалы. Наиболее строптивых отправляли в рудники на подземные работы, ссылали на поселение в Сибирь.

Уральские крепостные рабочие никогда не мирились с каторжными условиями труда, жестокой эксплуатацией и произволом заводчиков. Подневольный тяжёлый, изнурительный труд, скудное питание, жестокая палочная дисциплина, произвол заводчиков и их администрации вызывали протест мастеровых и работных людей. На Урале почти никогда не прекращались выступления горнозаводских рабочих. Уральские крепостные рабочие приняли активное участие в крестьянской войне 1773–1775 гг. под руководством Е. И. Пугачёва.

Произведения устного народного творчества уральских рабочих, записанные краеведами-фольклористами, показывают, что в их среде очень долго, вплоть до XX в., сохранялись песни и предания, свидетельствующие о сочувствии рабочих Пугачёву, который «с барами расправлялся круто: порол, вешал, головы рубил». «Напугали Пугачём, а нам было нипочём... Голытьба тут догадалась, к Емельяну собиралась...»⁵¹.

Выступления против властей и заводчиков, волнения и стачки рабочих жестоко подавлялись, нередко — с применением воинской силы. На Ревдинском заводе в 1841 г. толпа «возмутителей», рабочих-углежогов, требовавших повышения оплаты труда, была рассеяна воинской командой ружейным огнём и выстрелами картечью из пушки, причём, по официальным данным, было убито 33 и ранено 62 человека, а по данным летописи, записанной рабочим Умновым, было «убито 161 человек мужчин, 6 женщин, 2 девочки 13 лет и мальчик», а всего, по свидетельству очевидцев, было убито и ранено 500 человек⁵².

В правительственных кругах, отмечал шеф жандармов А. Х. Бенкендорф, установилось мнение о горнозаводских рабочих Урала как о людях, напитанных «духом своеволия и неповиновения начальству»⁵³.

Крепостные мастеровые и работные люди, урочные работники не только лично зависели от заводоладельцев, но юридически сами являлись, вместе со своими семьями, хозяйством и имуществом, их собственностью. Это был предпролетариат, «мануфактурные рабочие». Число вольнонаёмных, свободных рабочих-пролетариев на Урале тогда было очень невелико.

⁵¹ Урал в его живом слове: Дореволюционный фольклор. С. 255, 256.

⁵² Рабочее движение в России в XIX веке. Сб. док. и материалов. М., 1951. Т. 1. С. 623; Ревдинские были: Из истории Ревдинского метизно-металлургического завода. Свердловск, 1960. С. 25.

⁵³ Записка шефа жандармов А. Х. Бенкендорфа министру финансов Е. Ф. Канкрину // Горловский М. А. Горный город Екатеринбург. Свердловск, 1948. С. 123.

Исходным рубежом формирования уральского фабрично-заводского рабочего класса стало падение крепостного права. В горнозаводской промышленности, являвшейся основной отраслью хозяйства края, процесс классовообразования выразился в формировании на базе крепостных рабочих крепостнической эпохи пролетариата капиталистической машинной индустрии.

После отмены крепостного права освободились и порвали связь с заводами 227,5 тыс. бывших крепостных:

— 130 тыс. душ муж. пола крестьян владельческих имений, выполнявшие на заводах «посылочные работы»;

— 62 тыс. мастеровых, непрременных и урочных работников, занявшиеся всецело сельским хозяйством, торговлей и кустарными промыслами;

— 35,5 тыс. престарелых, дворовых, канцелярских служащих.

В результате при заводах создался относительно стабильный, устойчивый контингент вольнонаёмных рабочих, из которого в последующем стал формироваться горнозаводской пролетариат.

Основу рабочего класса края составило пролетарское ядро из квалифицированных потомственных рабочих, вокруг которого группировался широкий слой неквалифицированных и вспомогательных рабочих, ещё не порвавших с землёй и домашним хозяйством, но с развитием капиталистических отношений представители и этого слоя всё в большем количестве пополняли ряды пролетариата. Одновременно в состав рабочего класса стали вливаться выходцы из разорившихся крестьян, кустарей и других слоёв⁵⁴.

По реформе 1861 г. мастеровые уральских горных заводов получили усадебные участки и по одной десятине покосов на ревизскую душу, а также участки пахотной земли, если они их имели (что было редко). За усадьбы и наделы рабочие должны были выплачивать выкупные и оброчные платежи, обеспечить заводы постоянной дешёвой рабочей силой. Предоставление усадеб и земельных наделов должно было привязать рабочих к заводам.

При составлении уставных грамот заводовладельцы «отрезали» значительную часть земель, которыми рабочие пользовались в дореформенное время (на частных заводах — почти $\frac{2}{3}$, на казённых — более $\frac{1}{10}$). Чтобы не наделять вспомогательных рабочих полевым наделом, владельцы заводов мошеннически зачислили большинство их в разряд мастеровых. По уставным грамотам мастеровые должны были получить в два раза меньше земли, чем имели её до реформы⁵⁵.

Опубликование Манифеста и Положений 19 февраля 1861 г. вызвало на Урале волну возмущений горнозаводского населения. Мастеровые и сельские работники не верили в подлинность опубликованных документов, не повиновались местным властям, не принимали уставные грамоты, отказывались платить

⁵⁴ Гаврилов Д. В. Об особенностях формирования пролетариата Урала в период домонопольистического капитализма (1861–1900 гг.) // Развитие промышленности и рабочего класса горнозаводского Урала в досоветский период. Свердловск, 1962. С. 42–50.

⁵⁵ Горовой Ф. С. Падение крепостного права на горных заводах Урала. С. 217, 311.

выкупные платежи и подати, выполнять натуральные повинности, требовали предоставления им в бесплатное пользование покосов, выгонов. Для подавления их волнений и стачек посылались войска и казаки⁵⁶.

Ввиду замедленных темпов развития горнозаводской промышленности в пореформенный период, существования среди горнозаводского населения большой резервной армии безработных и полубезработных, приток на металлургические заводы новых рабочих был затруднён. Исключение составили некоторые заводы Северного Урала и вновь построенные. На старых металлургических заводах рабочие на 90–95 % состояли из местных мастеровых. Это сохранялось вплоть до 1917 г.

По данным переписи фабрично-заводских рабочих 1929 г., на Урале среди рабочих, поступивших на работу до 1905 г., выходцы из рабочих семей составляли у металлургов 83,6 %, у металлистов — 83,4 %, выходцы из крестьян — 14,2 и 11,9 %, выходцы из кустарей, мелких торговцев и т. п. — 1,1 и 2,6 %. Эти цифры подтверждают, что, в отличие от рабочего класса других промышленных районов России, рабочий класс Урала формировался в пореформенный период в основном не из крестьян, а из бывших крепостных рабочих, связанных с горнозаводской промышленностью трудом нескольких поколений, обладавших устойчивым спектром рабочих традиций.

Несмотря на исключительно тяжёлые и опасные условия труда на металлургических заводах и рудниках, рабочие понимали значение заводов, считали себя неотъемлемой и необходимейшей составной частью заводского хозяйства, гордились заводами, своей работой на заводах. «Ай, да вы, заводы, вы, мои заводы раскирпичные, ай, да мы, работающий народ», — пелось в одной из песен уральских рабочих. Рабочие отчётливо осознавали, что все материальные богатства создавались их руками, их трудом: «Вы скажите ради бога, где демидовска дорога?.. Шириною в три аршина, по ней бегают машины. Не сама машина ходит, машинист машину водит»⁵⁷. «Не сами Демидовы руду искали, не сами плавили да до дела доводили. А ведь тут много зорких глаз да умелых рук требовалось»⁵⁸.

В пореформенный период численность рабочих в горнозаводской промышленности Урала стала расти, особенно значительным её рост был в период промышленного подъёма 90-х гг. XIX в. Численность рабочих в горнозаводской промышленности Урала составляла в 1860 г. 181,6 тыс., в 1865 г. — 125,4 тыс., в 1885 г. — 187,8 тыс., в 1900 г. — 308,1 тыс., т. е. к концу XIX в., по сравнению с 1860 г., она возросла на 70 %, по сравнению с 1865 г. — в 1½ раза.

Очень быстро в пореформенный период увеличивалась численность рабочих в фабрично-заводской (негорнозаводской) промышленности. В 1900 г. в ней было занято уже 37 тыс. чел. Появился новый крупный отряд

⁵⁶ *Гаврилов Д. В.* Рабочее движение на Урале в период отмены крепостного права: его масштабы, характер, особенности // Рабочие России в эпоху капитализма: сравнительный порайонный анализ. Ростов-на-Дону, 1971. С. 283–296.

⁵⁷ Урал в живом слове: Дореволюционный фольклор. С. 49, 88.

⁵⁸ *Бажов П. П.* Избранные произведения: В 2 т. М., 1964. Т. 2. С. 324.

рабочих-железнодорожников (в 1900 г. — 31 тыс.). На речном транспорте, в связи с развитием пароходства и сокращением сплава на плотках и барках, число судорабочих резко уменьшилось (в 1860 г. — 68 тыс., в 1900 г. — 14,3 тыс.). Черно-рабочих, подёнщиков, землекопов, лесных рабочих и т. п. в 1860 г. насчитывалось 40 тыс., в 1900 г. — 17,1 тыс. В 1900 г. общая численность наёмных рабочих на Урале составляла 497,5 тыс., т. е. полмиллиона человек⁵⁹.

Рост численности рабочих сопровождался усилением их концентрации на крупных предприятиях и в центрах фабрично-заводской промышленности. В 1900–1901 гг. на Урале на предприятиях с числом рабочих более 500 было занято: на металлургических и металлообрабатывающих заводах — 83,1 % всех рабочих, на каменноугольных коях — 71,5 %, на медных рудниках — 50,9 %, на железных рудниках — 36,7 %, на золотоплатиновых приисках — 31,7 % всех рабочих.

На предприятиях с числом рабочих более 1 тыс. было сосредоточено 59,2 % всех горнозаводских, горных и фабричных рабочих. На Пермском пушечном (Мотовилихинском) заводе работало 10,9 тыс. чел., на Надеждинском — 9,2 тыс. и т. д. Основная масса уральских рабочих была сосредоточена не в городах, а в заводских, рудничных и приисковых посёлках.

Среди других промышленных районов страны Урал выделялся высоким производственным стажем (30–40 и более лет) рабочих — металлургов, металлистов, горняков, высоким удельным весом рабочих, проработавших длительные сроки на одном предприятии.

В пореформенный период значительно возросли грамотность и культурный уровень рабочих. Удельный вес грамотных рабочих на Урале с 7–10 % в 60-е гг. XIX в. повысился в 1897 г. до 41,7 %. Более грамотными и культурными были городские рабочие, рабочие крупных предприятий, технически лучше оснащённых отраслей промышленности — металлообрабатывающей, машиностроительной, полиграфической. Грамотные и культурные, политически более развитые рабочие составляли авангард рабочего класса Урала, за которым шли средние и «низшие» слои.

Рабочий класс Урала был многонациональным. В 1897 г. среди рабочих русские составляли 89,5 %, башкиры — 4,9 %, татары — 2,9 %, коми-зыряне — 0,6 %, удмурты — 0,3 %⁶⁰.

Политически рабочие были почти совершенно бесправны. Условия найма на работы и правила внутреннего распорядка обязывали рабочих «беспрекословно повиноваться» всем требованиям заводской администрации. Мастера, смотрители и управители обращались с рабочими грубо, притесняли и оскорбляли их, применяли кулачную расправу⁶¹.

⁵⁹ Гаврилов Д. В. Рабочие Урала в период домонополистического капитализма, 1861–1900 (Численность, состав, положение). М., 1985. С. 30, 34, 36, 45.

⁶⁰ Там же. С. 48–53, 59, 108, 124, 126, 129.

⁶¹ Положение рабочих Урала во второй половине XIX — начале XX века. Сб. док. М.; Л., 1960. С. 254, 326, 333, 335 и др.; Екатеринбургская неделя. 1891. № 22. С. 488 и др.

Уральские заводовладельцы, благодаря своему экономическому и финансовому могуществу, неизменной поддержке высших правительственных сфер, держали в полной зависимости от себя губернаторов и местные власти. В. В. Берви-Флеровский писал: «Горнозаводчики посредством своих связей... парализовали губернаторов и заставляли их действовать в своём направлении; тем же оружием они подчинили себе мировых посредников... Рабочий, над которым такая могучая организация, чувствует себя совершенно беззащитным...»⁶².

Местные чиновники и полиция находились на жаловании горнозаводчиков и усердно исполняли любую их волю. Начальник Пермского губернского жандармского управления в политическом обзоре губернии за 1884 г. писал: «Все исправники и подведомственные мне чины получают от заводчиков, которые в Пермской губернии почти все имеют миллионные операции, жалование в таких кушах, что некоторые исправники могут получить вместе с получаемым содержанием от казны до 7000 рублей в год, что равняется губернаторскому содержанию... Весьма сомнительно, чтобы полицейские чины при таких делах были беспристрастны и не были сторонниками заводчиков»⁶³.

Верными лакеями заводчиков и фабрикантов были окружные инженеры и фабричные инспекторы, в обязанность которых входило осуществлять «заботливость русского императорского правительства о рабочих классах». Они всегда становились на сторону предпринимателей, помогали полиции подавлять стачки и волнения рабочих, были, как говорили о них рабочие, «полицейскими служителями», «фабричными урядниками».

Несмотря на тяжёлые и опасные условия труда, скудное материальное обеспечение, бесправие, обездоленность, уральские рабочие отличались трудолюбием, проявляли высокую трудовую энергию, изумительное мастерство, творческое отношение к труду, стремились отыскать, как писал П. П. Бажов, «живинку во всяком деле».

Талантливые доменные мастера опытным путём «на слух» в совершенстве овладевали секретами доменной плавки, определяли наиболее рациональный состав шихты, умело регулировали ход металлургического процесса. В горячих цехах — кричных, пудлинговых, мартеновских, литейных, прокатных, листокапельных, работая с жидким расплавленным, нагретым до высокой температуры, раскалённым металлом, где требовались большая физическая сила, осторожность, точность движений, проявляли изумительную ловкость и высокое мастерство. Каслинские мастеровые прославились на весь мир как замечательные мастера высокохудожественного чугунного литья. Мировую славу Уралу принесли его искусные камнерезы и гранильщики, достигшие высокого совершенства в технике обработки цветных камней⁶⁴.

⁶² Берви-Флеровский В. В. Избранные экономические произведения. Т. 1. С. 325.

⁶³ ГАСО. Ф. 49. Оп. 1. 1885. Д. 6. Л. 208 — 208 об.

⁶⁴ Гаврилов Д. В. «Ай, да мы, работающий народ»: Трудовые и культурные традиции горнозаводских рабочих Урала в XVIII — начале XX в. // Четвёртые Татищевские чтения: Тезисы докладов и сообщений. Екатеринбург, 2002. С. 8–17.

Своими высококвалифицированными рабочими, мастерами-умельцами Урал славился на всю Россию. Высококвалифицированные уральские рабочие, писал в 1884 г. горный инженер И. Н. Урбанович, разбирались «нарасхват»: «Тагильского и мотовилихинского рабочего можно встретить и на Алтае, и на механических и сталерельсовых заводах Петербурга, и в южнорусском заводе Пастухова, словом, во всех концах Российской империи»⁶⁵.

Тяжёлые и опасные условия труда на металлургических заводах, рудниках, приисках, промыслах, необходимость взаимовыручки спланивали рабочих, приучали к взаимопомощи, развивали чувство товарищества, коллективизма. В трудовых коллективах формировались такие качества рабочих, как организованность, солидарность, интернационализм, особая пролетарская психология, выраженная в формуле: «один за всех — все за одного».

Социальная консолидация рабочих и осознание ими общности интересов воодушевляли их на совместную борьбу за свои права. В качестве средства самозащиты от притеснений слишком ретивых мелких служащих («шоши»), на Урале существовала традиция их «ученья», заключающаяся в коллективном избивании их вне заводской территории под каким-нибудь незначительным предлогом⁶⁶.

Уральские рабочие, как свидетельствовали современники, отличались сознанием своей силы, уверенностью в себе, независимостью, «держались с большим достоинством», и когда во время конфликтов с заводоуправлениями, волнений и стачек выдвигали свои экономические, а затем и политические требования, то твёрдо, упорно и настойчиво добивались их удовлетворения⁶⁷.

Рабочий класс Урала уже в конце XIX в. представлял собой серьёзную, внушительную социально-политическую силу. Социально-экономическое положение, несправедливое, низкий жизненный уровень толкали рабочих на борьбу за улучшение своего материального положения, за отстаивание своих прав.

В пореформенный период произошло увеличение номинальной, а в некоторой степени — и реальной заработной платы рабочих. В период с 1861 по 1900 г. среднегодовая заработная плата рабочих в горнозаводской промышленности региона увеличилась на 50–100% и более, а стоимость жизни возросла в меньшей степени — на 10–40%. Это свидетельствует о некотором повышении материального положения рабочих, но это повышение было небольшим. Жизненный уровень уральских рабочих оставался невысоким, недалеко ушёл от бедного, нищенского уровня крепостнического времени⁶⁸.

Большая масса низкооплачиваемых рабочих еле-еле сводила концы с концами. Некоторым подспорьем для рабочих были их домашнее хозяйство, огород, покос. Но домашнее хозяйство имело почти исключительно натуральный характер, обеспечивало семью в лучшем случае овощами и молочными продуктами,

⁶⁵ РГИА. Ф. 37. Оп. 5. 1884. Д. 2045. Л. 10 — 10 об.

⁶⁶ Бажов П. П. Уральские были // Бажов П. П. Сочинения: В 3 т. М., 1952. Т. 3.

⁶⁷ Эссен М. М. Первый штурм. М., 1957. С. 46.

⁶⁸ Гаврилов Д. В. Рабочие Урала в период монополистического капитализма. С. 225.

оно не могло стать источником для покрытия самых элементарных расходов рабочей семьи на покупку необходимых продуктов питания и жизненного обеспечения (хлеб, крупу, чай, сахар, соль, одежду, обувь и т.д.). Кроме того, в конце XIX в. значительная часть рабочих уже не имела домашнего хозяйства, покосов, коров.

Между тем потребности уральских рабочих, материальные и духовные, к тому времени значительно выросли. Поэтому, несмотря на рост реальной заработной платы, разрыв между получаемой рабочими зарплатой и необходимым для удовлетворения потребностей уровнем расходов всё более увеличивался, что неизбежно вело к росту недовольства рабочих, нарастанию социальной напряжённости, создавало благоприятную почву для роста революционных настроений, вело к подъёму рабочего и революционного движения.

В регионе и стране нарастало острое социальное неравенство, увеличивался разрыв между господствующей элитой и трудящимися массами. Среди рабочих имели невероятный успех и вызывали их возмущение сообщения нелегальных листовок различных политических партий со сведениями об образе жизни, дворцах, богатствах членов царского семейства, великих князьях, занимавших высокие государственные должности с невероятными зарплатами, но числившихся на них только номинально, их разгульном образе жизни. Рабочие наглядно наблюдали жизнь своих заводовладельцев и давали им нелюбимые оценки, что показал П. П. Бажов в своих очерках о Сысертских заводах.

В песнях рабочих богатая и праздная жизнь заводовладельцев противопоставлялась тяжёлой и убогой жизни самих рабочих: «Ох, Демидов, уж умён, умён, умён! И за это он начальством отличён. Получил он званья итальянские... Он кручинушки не ведаёт, по три раза в день обедает. А на приисках рабочие пески моют дни и ночи, щи хлебают с тухлым мясом, запивают кислым квасом»⁶⁹. Можно представить степень бедности и нищеты рабочих, считавших верхом материального благополучия, что их заводчик «по три раза в день обедает».

О росте антиправительственных и революционных настроений среди рабочих свидетельствуют фольклорные материалы, запечатлевшие их взгляды и мнения, оценки происходивших событий, правдиво отражающие картину их жизни и быта. «Мы собрались здесь толпою, — пелось в «Чёрмоозской марсельезе», — просить получше нам прожить, прибавки дать к подённой плате, жердьём, дровами наделить». В рабочих массах росла ненависть к господствующему классу и его прислужникам, к дельцам, к иностранцам — «культуртрегерам». «Что за вор, за злодей... наши деньги берёт, кровь народную пьёт?.. То наш поп, да кулак, да чиновник». «Был, кажись мне, что из швабов иль тевтонец, словом “ман”. У нас много этих гадов, набивающих карман»⁷⁰.

Стремительно падал авторитет царской власти. Нарастала волна ненависти к монархии, к царскому самодержавию. «Кто у нас на троне? — Чучело в короне.

⁶⁹ Урал в живом слове: Дореволюционный фольклор. С. 87.

⁷⁰ Там же. С. 27, 209, 264.

Эфто царь, эфто царь, православный государь». «Всероссийский император — царь жандармов и шпииков, всероссийский провокатор, покровитель всех дворян, для рабочих — царь-убийца, царь-убийца — для крестьян».

В песнях, распеваемым рабочими, давались неприглядные характеристики представителям династии Романовых. «Первый Павел, император, был чухо-нец-узурпатор. Про Вторую Катерину говорят, как про скотину. По России прошёл слух — Миротворец* наш протух. Вся Россия голодует, Николай водкой торгует»⁷¹.

В рабочих массах росло убеждение об антинародном характере и гнилости существовавшего политического режима: «Всё, что лживо и фальшиво, правит всей страной, а что честно, справедливо, топчется ногой». Росла уверенность в неизбежности падения царского самодержавия и существовавшего социально-политического строя: «Но настанет пора и проснётся народ, разогнёт он могучую спину, на подворье к царю он тогда принесёт здоровей и покрепче дубину». «Народ везде встал за свободу, сокрушит твой подлый трон, долю лучшую народу завоюет в битве он».

Рабочие заверяли о их готовности к борьбе против угнетателей. Из песни сысертских рабочих «Цапля»**»: «Научи избыть подлюгу, мы к тому готовые». Из песни мотовилихинских рабочих: «Но близок уж час, и мы отомстим, оружие себе мы достанем!» Звучали призывы к объединению всех рабочих для борьбы против царского самодержавия: «Дружно, братцы, мы встанем, встанем поскорей, от оков освободимся, и — долой царей»⁷².

В конце XIX — начале XX в. жандармские и полицейские отчёты и донесения полны сообщений о массе заведённых дел «об оскорблении Его Императорского Величия» и жалобами, что все заборы исписаны лозунгом «Долой самодержавие!». Нынешним сторонникам установления у нас в стране конституционной монархии (ярким пропагандистом этой затеи является философ Игорь Чубайс, брат Анатолия Чубайса), а также поклонникам мифа про процветавшую монархическую «Россию, которую мы потеряли», следовало бы почитать эти отчёты и донесения и понять разницу между реальной действительностью и созданными их воображением привлекательными розовыми легендами.

Мизерные земельные наделы, полученные горнозаводским населением по реформе 1861 г., — усадебные участки, покосы, выгоны, а иногда (очень редко, притом если позволяли почвенно-климатические условия) и небольшое количество пашни, и собственное домашнее хозяйство, не обеспечивая рабочих средствами существования, в то же время прочной цепью прикрепляли их к заводам. Не решаясь бросить собственный дом, огород, земельный участок, рабочий упорно держался за «свой» завод, переносил нужду и притеснения, шёл

* Миротворец — император Александр III. Николай — император Николай II.

⁷¹ Урал в живом слове: Дореволюционный фольклор. С. 27, 271, 272, 275.

** Цапля — птица в гербе владельцев Сысертских заводов.

⁷² Урал в живом слове: Дореволюционный фольклор. С. 263, 271, 272.

к заводовладельцу в самую жестокую кабалу. Средством приобретения заводовладельцами рабочих рук на Урале в пореформенный период являлись не только наём, но и полукрепостнические «отработки».

Рабочие всецело зависели от произвола заводовладельцев. Право на работу в заводе, аренду покосов, отпуск леса и дров получали лишь рабочие, беспрекословно подчинявшиеся заводской администрации. На Строгановских заводах велись особые послужные списки, в которых поведение рабочих и служащих оценивалось отметками «отличное», «весьма хорошее», «удовлетворительное» и т. п. На ряде заводов (Михайловском, Юрюзанском и др.), чтобы получить работу, рабочий, даже если у него не было собственной лошади, должен был предварительно нарубить и доставить в завод определённое количество куренных дров. Малейшее неповиновение заводской администрации каралось увольнением с работы, лишением покосов, выгонов, права получения леса и дров и т. п.⁷³

Рабочие несли в пользу заводовладельцев множество различных мелких поборов. На заводах графа С. А. Строганова рабочий не мог молотить хлеб, пасти корову или овцу, собирать грибы и ягоды в лесу и т. п., пока не приобретёт соответствующего билета. У кого не было денег, тот должен был за билет отработать на углежжении, лесозаготовках и т. п. Краевед рассказывает: «Коровы ходили с оплаченной биркой на рогах. Каждая корзина грибов, каждая подвешенная в лесу пчелиная колода снабжались особыми металлическими бирками... Всякие были бирки (разовые, месячные, сезонные) и на всякую «тварь и потребу»: овечьи, коровьи, пчелиные, грибные, ягодные, рыболовные»⁷⁴.

Дисциплина, поддерживаемая полукрепостническими методами, подкреплялась элементами «патерналистской» системы, демонстрацией «заботы заводовладельцев о своих рабочих». Рабочим, отработавшим на заводских работах определённое количество дней в году, обычно не менее 180–220, заводовладельцы предоставляли бесплатно или по пониженным ценам лесные материалы и покосы.

Рабочие получали бесплатно дрова на отопление своих жилищ, бесплатно или за пониженную плату — необходимые им лесные материалы (брёвна, жерди, колья), пользовались бесплатным лечением и бесплатным обучением (там, где имелись основанные заводовладельцами больницы и школы), могли получить за небольшие проценты ссуды, в казённых и некоторых частных горных округах им предоставлялись небольшие пенсии по старости или в случае потери работоспособности.

Заводовладельцы (чем они обычно гордились) выделяли средства на строительство церквей, дарили церквям и монастырям иконы и священные реликвии.

Для заводов и их населения воля заводовладельца являлась единственным законом. Отсюда вполне понятно рабование, которое проявлялось служащими и рабочими по отношению к заводовладельцам. В первые пореформенные

⁷³ Гаврилов Д. В. Положение рабочих // История Урала в период капитализма. С. 137.

⁷⁴ Малков Ф. М. В старом Очёре: Записки краеведа. Пермь, 1959. С. 143.

десятилетия на некоторых заводах по-прежнему проводились торжественные встречи изредка приезжавших на свои заводы владельцев — с колокольным звоном, преподнесением «хлеб-соли» и т. п.

В 1863 г. П. П. Демидов, посетивший свои Нижнетагильские заводы, как красочно описал это событие Д. Н. Мамин-Сибиряк в романе «Горное гнездо», был встречен, не доезжая до заводского посёлка, колокольным звоном, ему преподнесли хлеб-соль, заводские служащие и рабочие выпрягли из экипажа лошадей и две версты тащили экипаж с барином на себе.

На ряде заводов ежегодно устраивались за счёт заводовладельцев для всех рабочих в какой-нибудь религиозный праздник или в день рождения заводовладельца торжественные обеды. В такой день останавливались все работы. Утром рабочие в праздничных одеждах шли в церковь, а затем сразу несколько тысяч мужчин (без женщин) садились за приготовленные под открытым небом обеденные столы, и начиналось «столование» — пир. Всем раздавались большими порциями пироги, щи, жареная говядина и после каждого кушанья — вино и пиво. Такие обеды должны были показывать «отеческую заботу» заводовладельцев о своих рабочих и «единство» интересов рабочих и заводовладельцев⁷⁵.

С появлением в России в 1870-х гг. «рабочего вопроса» в официальной и буржуазной печати стала пропагандироваться теория об отсутствии на Урале фабрично-заводского рабочего класса, пролетариата и коренном отличии уральских рабочих от рабочих других промышленных районов России и Западной Европы. Это отличие авторы видели в прикреплении уральских рабочих к заводам, их связи с землёй и домашним хозяйством.

Высокопоставленный правительственный чиновник А. Лоранский в статье, опубликованной в Брюсселе в 1876 г., утверждал, что российское правительство не упускает случая для улучшения положения горнорабочих на казённых заводах, эти его «благородные усилия» вызывают «взрыв филантропии» со стороны уральских горнозаводчиков. По его словам, положение уральских рабочих было чуть ли не идеальным «в настоящем, им нечего опасаться и за своё будущее», т. к. они «имеют свой дом, усадьбу с огородом, очень часто — часть луга, а некоторые из них и достаточное количество земли, чтобы заниматься сельским хозяйством»⁷⁶.

Директор Горного департамента Н. А. Иосса в 1881 г. заявил: «Горнозаводские рабочие Урала не представляют собой кочующего бездомного народа, подобно рабочим других местностей Центральной и Южной России, не представляют из себя толпы пролетариев, как в Западной Европе; большая часть имеет усадьбу и клочок земли под покосами и живёт собственным хозяйством»⁷⁷. Подобную

⁷⁵ Мельников П. И. (Мельников-Печерский). Дорожные записки на пути из Тамбовской губернии в Сибирь // Отечественные записки. СПб., 1840. Т. 12. № 9. Отд. 7. С. 4–5.

⁷⁶ Цит. по: Абрамов П. Образование и обеспечение быта рабочих в России // Вестник Европы. СПб., 1879. № 1. С. 355.

⁷⁷ Иосса Н. А. Выступление в прениях по докладу Д. К. Чернова // Записки императорского русского технического общества. СПб., 1881. Т. 1. С. 59.

точку зрения высказал в 1899 г. и Главный начальник Уральских горных заводов П. П. Боклевский⁷⁸.

Ещё более колоритно и выразительно обрисовал положение уральских рабочих и характер их взаимоотношений с заводовладельцами известный уральский общественный деятель, экономист, правовед, историк, официальный историограф уральских горнозаводчиков, позднее — один из членов правления Нижнетагильских горных заводов В. Д. Белов.

«Урал, — писал Белов, — силён рабочим, которого воспитала “самобытная” история... Рабочий на других заграничных или даже петербургских фабриках и заводах чужд интересам этих заводов: сегодня он здесь, а завтра в другом месте... Он и хозяин завода — два вечных врага...

Совсем в другом положении рабочий уральских заводов: он местный житель, имеющий тут при заводе и свою землю, и своё хозяйство, наконец, свою семью. С благосостоянием завода тесно, неразрывно связано и его собственное благосостояние... И вот, он готов переживать годы, готов работать из половины рабочей платы... он готов идти со своим хозяином на всякие соглашения, лишь бы только остаться при заводе.

Таким образом, между уральскими рабочими и заводами — неразрывная связь; отношения их те же, что были и прежде, до их освобождения от крепостной зависимости; переменилась только форма этих отношений... Принцип прежней крепости сменился великим принципом взаимной пользы»⁷⁹.

Пропагандируемой горнозаводчиками идее «гармонии интересов рабочих и заводовладельцев», «великому принципу взаимной пользы», установлению социального мира, классовой гармонии в пореформенный период сильно мешали низкий уровень оплаты труда на всех заводских работах, неурегулированность поземельных отношений, незавершённость поземельного устройства горнозаводского населения, что в значительной мере дестабилизировало социальную ситуацию.

После перехода от крепостнического к вольнонаёмному труду денежная оплата труда рабочих стала повышаться. С 1860–1870-х гг., чтобы улучшить экономические показатели своих предприятий, интенсифицировать труд, заводовладельцы стали использовать материальные стимулы, вводить доплаты за выделку металлов свыше установленной нормы, за сбережение угля, за уменьшение угара чугуна при переделе его в железо, что способствовало повышению зарплат квалифицированных рабочих.

Тем не менее общий уровень заработной платы рабочих в течение всего пореформенного периода оставался очень низким, был обусловлен их прикреплением к земле и заводам, был результатом их полной зависимости от горнозаводчиков,

⁷⁸ Боклевский П. П. Перспективы Уральской горной промышленности. Екатеринбург, 1899. С. 15.

⁷⁹ Белов В. Д. Кустарная промышленность в связи с уральским горнозаводским делом // Труды Комиссии по исследованию кустарной промышленности России. СПб., 1887. Вып. XVI. С. 8–9.

отдалённости и изолированности региона. Зарплаты с трудом обеспечивали скудный жизненный уровень рабочих⁸⁰.

«Пермские губернские ведомости» сообщали, что после отмены крепостного права положение заводских мастеровых оказалось «очень и очень незавидным», «бедственным», их «отрадные надежды» «на хорошие платы» и «лучшую жизнь» не оправдались⁸¹.

В. В. Берви-Флеровский, побывавший на Урале в 1860-х гг., писал, что семейному работнику было не из чего платить подати, покупать соль и одежду. «Если у него двое детей, то у него и на хлеб не достанет... Немудрено, что в Пермской губернии дети мрут как мухи, что фабричное население там недовольно и ожесточено»⁸².

«И теперь ещё, — писал в 1872 г. Р. С. Попов, — степень вознаграждения тяжёлого горнозаводского труда часто переходит пределы благоразумия: семейный работник и до сих пор ещё нередко получает так мало, что не может питаться достаточно даже чёрным хлебом, не говоря уже о мясе и т. д.»⁸³.

«Вестник Народной воли» сообщал в 1884 г., что уральские рабочие «зарабатывают далеко ниже того минимума, который необходим им для прокормления. Вследствие этого они постоянно в долгу у заводчика, так что всё, что имеет какую-нибудь ценность, всё это периодически продаётся с молотка на уплату долга и податей. Вот вам... и пролетариат. Чем он хуже европейского? По-моему, даже почище...»⁸⁴.

Одним из средств понижения зарплат рабочих и поддержания дисциплины на предприятиях были штрафы и произвольные вычеты. На заводах, рудниках, приисках существовала детально разработанная система штрафов. Штрафовали буквально по любому поводу: за поломку машин или инструментов; за опоздание на работу или самовольную отлучку с неё; за «несоблюдение чистоты и опрятности»; за «нарушение тишины криком, шумом, бранью»; за «непослушание»; за «невыполнение дневной нормы выработки» и т. п.⁸⁵

В 1891 г. на 16 заводах Красноуфимского уезда из 16 тыс. рабочих было оштрафовано более 5 тыс. чел., т. е. около $\frac{1}{3}$ всех рабочих⁸⁶.

Тяжёлой и разорительной для рабочих формой штрафования было бракование железа. За выработку железа, признанного «браком», заработная плата рабочим не платилась, хотя это железо продавалось самими заводоуправлениями всего

⁸⁰ Гаврилов Д. В. Рабочие Урала в период монополистического капитализма. Глава 5.

⁸¹ *Северский житель*. Несколько слов о жителях Северского горного завода // Пермские губернские ведомости. 1863. 1 февраля. № 5. С. 18–19.

⁸² Берви-Флеровский В. В. Положение рабочего класса в России // Берви-Флеровский В. В. Избранные экономические произведения. М., 1958. Т. 1. С. 408–410, 434.

⁸³ Попов Р. С. Через Урал до Балтики // Гражданин. 1872. 18 сентября. № 20. С. 86.

⁸⁴ Н. М. Положение рудокопов и заводских рабочих на Урале // Вестник Народной воли. Женева, 1884. № 2. С. 172.

⁸⁵ Положение рабочих Урала во второй половине XIX — начале XX века. С. 327–329, 333–341, 476 и др.

⁸⁶ Правда об уральской горнозаводской промышленности // Екатеринбургская неделя. 1896. 17 октября. С. 993.

на 10% дешевле первосортного «годного» железа. Выгода от бракования была очень значительной, поэтому заводоуправления не только чрезмерно строго браковали выработанное рабочими железо, но и умышленно зачисляли в брак большое количество совершенно годного железа. На Кыштымских заводах в 1897–1898 гг. в брак было зачислено от 10 до 17% листового и от 17 до 34% сортового железа и, следовательно, от $\frac{1}{10}$ до $\frac{1}{3}$ труда рабочих осталось неоплаченным⁸⁷.

Широко применялись на уральских заводах примитивно-хищнические методы снижения заработной платы — обсчитывание, обмеривание и обвешивание рабочих.

Жестоким и зловещим бичом для рабочих была безработица. В пореформенный период уральская горнозаводская промышленность развивалась замедленными темпами, прирост населения обгонял спрос на рабочую силу. Прикрепление рабочих к заводам, замкнутость и оторванность региона от других промышленных районов страны затрудняли миграцию. При заводах образовался избыток рабочих, создавалась большая постоянная резервная армия безработных. По данным Пермского земства, в 1897 г. из 147426 чел. горнозаводских мастеровых в возрасте от 18 до 55 лет на заводских работах было занято 72327 чел., или 49,1% трудоспособного мужского населения⁸⁸.

Некоторая часть горнозаводского населения занималась кустарными промыслами или находила себе какие-нибудь занятия на стороне, однако в большинстве заводских посёлков всегда имелось большое число полностью безработных.

Специфической особенностью Урала были т.н. «гулевые дни». В заводах, где существовал излишек рабочих рук, рабочие работали по очереди: проработав неделю, рабочий затем одну или две недели «гулял», т.е. оставался без работы, чтобы дать возможность поработать другому рабочему. По сведениям губернской земской управы, из 81 металлургического завода Пермской губернии только на 22 заводах не было «гулевых дней», в 2 заводах они составляли до 10% рабочего времени, в 20 заводах — до 25%, в 24 заводах — до 50%, в 13 заводах — до 75% и выше⁸⁹. Работа с «гулевыми днями» совершенно лишала рабочего возможности иметь сколько-нибудь сносный заработок.

Предоставление работы рабочим рассматривалось заводовладельцами как «одолжение», «благотворительность» с их стороны. Чтобы не потерять с трудом доставшуюся ему работу, рабочий вынужден был мириться с низкой заработной платой, сносить всевозможные издевательства и оскорбления заводской администрации.

Из-за размеров заработной платы между рабочими и заводовладельцами постоянно шла упорная борьба. Во время волнений и стачек рабочие неизменно

⁸⁷ ГАСО. Ф. 47. Оп. 1. 1898. Д. 448. Л. 37.

⁸⁸ Материалы к выяснению вопроса об обеспечении горнозаводского населения Пермской губернии в продовольственном отношении. Пермь, 1900. С. 16–25.

⁸⁹ Там же. С. 29–30.

требовали повышения заработной платы, отмены штрафов и произвольных вычетов. Рост в пореформенный период культурного и образовательного уровня рабочих и, следовательно, их материальных и духовных потребностей увеличивал разрыв между получаемой рабочими зарплатой и необходимым для удовлетворения их потребностей уровнем расходов, что неизбежно вело к росту недовольства рабочих, к обострению классово-борьбы между трудом и капиталом на Урале⁹⁰.

Основным источником существования для рабочих семей являлись заводские заработки, посторонние доходы, в т. ч. и доходы от домашнего хозяйства имели второстепенное значение.

Домашнее хозяйство (собственный дом, приусадебный участок, огород, домашний и рабочий скот), земля (покос, иногда, очень редко — пашня), льготы, предоставляемые заводоладельцами (бесплатно получаемые дрова, лесные материалы и т. п.) служили для рабочих, при очень низком уровне заработной платы, существенным материальным подспорьем.

Они позволяли рабочим поддерживать в той или иной мере свой прожиточный минимум на определённом (довольно низком) уровне, помогали им продержаться в случае полной или частичной безработицы, но в то же время вынуждали их идти на компромиссы, соглашения со своими хозяевами, что пока, до поры до времени, обеспечивало стабильность существовавшей тогда на Урале социально-политической и экономической системы.

Однако домашнее хозяйство уральского горнозаводского рабочего в лучшем случае лишь на $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{3}$ обеспечивало потребности рабочей семьи. Нельзя не учитывать также, что оно имело исключительно натуральный характер, вся его продукция целиком потреблялась самой рабочей семьёй.

Кроме того, многие рабочие не имели домашнего хозяйства, покосов, коров. Главной статьёй расходов рабочих семей было питание, на которое уходило $\frac{3}{5}$ семейного бюджета, на одежду и обувь шла $\frac{1}{5}$ бюджета, на отопление и содержание собственного дома — $\frac{1}{10}$, оставшаяся $\frac{1}{10}$ часть уходила на подати и повинности, керосин, мыло, праздничные и другие расходы.

По данным земской подворной переписи 1885–1887 гг. в Екатеринбургском уезде, расположенном в благоприятной для занятий сельским хозяйством местности, на 23 металлургических заводах из 6 799 семей, занимавшихся заводскими работами, только 751 семья (11 %) имела пашню, причём лишь 164 семьи (2,4 %) засеивали по 5 и более десятин, т. е. могли существовать за счёт занятий сельским хозяйством; 112 семей (1,6 %) имели землю, но сдавали её в аренду или запускали свой надел; 3 213 семей (47,3 %) имели только покос; 2 723 семьи (40,1 %) были безземельными, не имели покосов и пашни, следовательно, их домашнее хозяйство ограничивалось лишь огородом⁹¹.

⁹⁰ Доклад о русском социал-демократическом движении Международному социалистическому конгрессу в Париже 1900 г. Женева, 1901. С. 35–36.

⁹¹ Сборник статистических сведений по Екатеринбургскому уезду Пермской губернии. Екатеринбург, 1891.

К концу XIX в. процесс пролетаризации среди уральских рабочих зашёл довольно далеко. На уральских заводах сложилась значительная группа рабочих (около 40–50%), совершенно лишённых каких бы то ни было средств к существованию, кроме собственных рук. Горнозаводский Урал уже в конце XIX в. был подлинно пролетарским краем⁹².

О тяжёлом материальном положении уральских рабочих в конце XIX в. свидетельствуют данные земских подворных переписей. В материалах земской переписи 1891 г. в Красноуфимском уезде Пермской губернии сообщалось: Верхнесергинский и Козинский заводы — «население бедно»; Бисертский завод — «население живёт очень бедно... Платы низкие»; Михайловский завод — «население завода в главной массе своей живёт бедно»; Нижнесергинский завод — «работ мало; заработки незначительны» и т. д.⁹³

В 1899 г. Пермская губернская земская управа констатировала, что на многих заводах губернии «заработные платы спускаются нередко ниже минимума естественно необходимых потребностей человека»⁹⁴.

В конце XIX в. заработная плата уральских рабочих была значительно ниже, чем в Петербурге и других промышленных районах Центральной России. На Юге России в 1897 г., по данным «Вестника финансов, промышленности и торговли», средняя годовая заработная плата рабочих была в два и даже в три раза выше, чем на Урале⁹⁵.

В пореформенный период на Урале из бывшего крепостного горнозаводского населения — мастеровых, непременных и урочных работников, тесно связанных с горнозаводским производством трудом нескольких поколений, — начал формироваться горнозаводской пролетариат Урала, отличавшийся историческим происхождением, особым социальным обликом, особым менталитетом. Д. Н. Мамин-Сибиряк писал об уральских рабочих: «Фабрика рядом поколений выработала совершенно особенный тип заводского фабричного, который в состоянии вынести нечеловеческий труд»⁹⁶.

Земельные наделы и расчисты, предоставленные мастеровым и сельским работникам по реформе 1861 г., не были отграничены на местности. В пореформенный период население расширяло своё землепользование путём самовольной расчистки под покосы лесов и кустарников. Проведение землеустроительных работ по отграничению наделов, проводившееся в горнозаводском районе в 1880–1890-х гг., сопровождалось урезкой земель горнозаводского населения, отводом ему неудобных, худших земель, различными мошенничествами со стороны

⁹² Гаврилов Д. В. Рабочие Урала в период домонополистического капитализма. С. 139.

⁹³ Материалы для статистики Красноуфимского уезда Пермской губернии. Казань, 1894. Вып. 5. Ч. 1. Заводский район. С. 50, 51, 53, 55.

⁹⁴ Записка Пермской губернской земской управы о мерах к обеспечению горнозаводского населения в продовольственном отношении. Пермь, 1901. С. 81, 82.

⁹⁵ Вестник финансов, промышленности и торговли. СПб., 1897. № 17. С. 265.

⁹⁶ Мамин-Сибиряк Д. Н. Горное гнездо // Мамин-Сибиряк Д. Н. Полное собр. соч.: В 20 т. Екатеринбург, 2007. Т. 3. С. 84.

заводоуправлений. Намечаемые к отводу населению наделы значительно отличались от существовавшего фактического землепользования.

Горнозаводское население оказало решительное сопротивление проведению землеустроительных работ, упорно отстаивало свои права на земельные угодья. Мастерские и сельские работники, не подчиняясь постановлениям межевых чиновников и земских начальников, продолжали самовольно пользоваться отмежёванными от них землями⁹⁷.

Заводоуправления составляли сотни протоколов о «самовольных» сенокосениях и порубках. Земские начальники по этим протоколам накладывали на рабочих штрафы, сажали «самовольщиков» под арест. Лесная стража жестоко расправлялась с «самовольщиками»: избивала их, сжигала заготовленное ими сено и построенные на покосах балаганы вместе с находившимся в них имуществом. Конфискация у рабочих имущества за штрафы по исполнительным листам сопровождалась неимоверной жестокостью полиции.

Рабочие во время своих выступлений против властей и горнозаводчиков, в ходе волнений и стачек постоянно, наряду со своими чисто рабочими, пролетарскими требованиями, неизменно выдвигали аграрные требования о предоставлении им земельных участков в собственность или пожизненное бесплатное пользование, освобождение их от платежей, прекращение преследований за «незаконное» пользование землёй и покосами и т. п.

Однако выдвижение рабочими аграрных требований не было борьбой за переход к сельскохозяйственному труду, переход в крестьянское состояние, а было борьбой за улучшение материального положения, за освобождение от полукрепостнической, полуфеодальной зависимости от заводов.

В среде горнозаводского населения энергично происходил процесс имущественного расслоения: некоторые бывшие мастерские становились мелкими хозяйчиками, подрядчиками, торговцами и т. п., другие разорялись, становились пролетариями. Многие, не находя работу в своём заводе, бросали свои дома и земельные участки и уходили на другие заводы или на отхожие промыслы. По сведениям волостных правлений, затребованных окружным инженером III Западно-Екатеринбургского горного округа, в 1897 г. в Нижнесергинском заводе имелось 109 заколоченных домов, в Михайловском заводе — 80, в Верхнесергинском заводе — 25⁹⁸.

Становилась слабее привязанность рабочих к земле и к «своим» заводам, росла подвижность рабочих, шло разрушение патриархальных отношений. Квалифицированные рабочие, получавшие более высокую заработную плату, позволявшую обходиться без дополнительных доходов, стали отказываться, особенно молодые рабочие, от ведения домашнего хозяйства, требовавшего немало личного труда.

⁹⁷ Положение рабочих Урала во второй половине XIX — начале XX века. 1861–1904: Сборник документов. С. 84–85; Урал. Екатеринбург, 1897. 2 мая. № 37.

⁹⁸ ГАСО. Ф. 47. Оп. 1. 1897. Д. 390. Л. 34, 35, 38.

Экономическая и социальная роль домашнего хозяйства уральских рабочих в конце XIX в. резко падает. Всё большее число уральских рабочих с ростом их политической сознательности начинали понимать, что борьба за аграрные требования, мелкие льготы, предоставляемые заводовладельцами, не может значительно улучшить их материальное и социальное положение. «Сами рабочие в этот период, — писал С. П. Сигов, — уже не видели в проведении землеустройства (которое могло дать лишь юридическое оформление прав на то, чем они всегда владели) сколько-нибудь серьёзного улучшения их положения. Кризис девятисотых годов и революция 1905 г. многому научили и уральских рабочих, которые всё больше встают на путь организованной классовой борьбы»⁹⁹.

Всё это вело к постепенному разрушению воспетой В. Д. Беловым «неразрывной связи» уральских рабочих со «своими» заводами и «своими» заводовладельцами. Уральские горнозаводчики — в условиях глубокого кризиса уральской горнозаводской промышленности в пореформенный период, её технико-экономической отсталости, нежелания поступиться своими доходами и вкладывать средства в модернизацию своих предприятий — не могли остановить эти процессы. Социальный мир и социальное согласие на уральских заводах всё чаще сменялись конфронтацией.

В 1890-х гг. массовая борьба уральских рабочих за улучшение экономического положения становится постоянным явлением. Урал превращался в крупный очаг рабочего движения. Быстро росла массовость движения, стачки принимали всё более наступательный характер.

В первых рядах бастующих рабочих шли металлурги и металлисты, которые своими выступлениями «раскачивали» остальную массу рабочих, втягивали её в движение. Позднее в борьбу активно вступили текстильщики и рабочие мелких промышленных предприятий (типографий и т. п.). Ведущую роль в рабочем движении занимали рабочие крупных металлургических заводов, выступавшие наиболее решительно и наиболее организованно. Крупные заводы и фабрики Екатеринбурга, Перми, Златоуста в конце XIX в. стали основными очагами социал-демократической пропаганды среди рабочих¹⁰⁰.

К началу XX в. классовая борьба на Урале достигла большого накала. Уральские рабочие от экономической борьбы начали переходить к политической борьбе, устанавливали связи с революционными политическими партиями и группами (социал-демократами, эсерами, анархистами).

Такова была диспозиция главных социально-политических сил региона — властей, предпринимателей и рабочих — на поле социальных боёв, на котором в 1861–1900 гг. развернулась борьба между трудом и капиталом, шло нарастание конфронтации, приведшее к революциям 1905–1907 и 1917 гг.

⁹⁹ Сигов С. П. Очерки по истории горнозаводской промышленности Урала. Свердловск, 1936. С. 232.

¹⁰⁰ Гаврилов Д. В. Рабочее движение и первые социал-демократические организации на Урале в конце XIX века (1885–1900 гг.) // Учёные записки Шадринского пед. ин-та. Вып. 7. История, филология. Курган, 1963. С. 102–111.

ГЛАВА 7

КРАХ ИЛЛЮЗИЙ О «ГАРМОНИИ ИНТЕРЕСОВ»

С 1895 г. в России начался качественно новый, более высокий по своему уровню период возникновения массового рабочего движения с участием социал-демократии, когда рабочее движение зарождалось в своей новейшей, массовой форме, освещённое светом научных теорий. Начало новому периоду положили грандиозные стачки петербургских рабочих в 1895–1896 гг., прошедшие под руководством петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», в которых участвовало несколько десятков тысяч рабочих.

Петербургские стачки 1895–1896 гг., особенно мощная стачка 35 тыс. текстильщиков в мае–июне 1896 г. с требованием выплаты заработной платы за дни «коронационных торжеств» и сокращения рабочего дня, т. н. «знаменитая петербургская промышленная война», и январская стачка 1897 г. 20 тыс. рабочих с выставлением этих же требований, оказали огромное влияние на рабочее движение всей страны. Напуганное размахом этих стачек, правительство вынуждено было 2 июня 1897 г. издать закон о сокращении рабочего дня на фабриках и заводах до 11½ часов и установлении обязательных праздничных и воскресных дней отдыха¹.

После петербургских стачек рабочие стачки приняли «повальный характер». Их распространение по всей России свидетельствовало о глубине поднимавшегося народного движения. Непрерывные массовые стачки, начавшиеся с 1895 г., явились началом полосы народных революций, последовавших в 1905–1907 и 1917 гг. Стачки 1895–1896 гг. показали рабочим, как им следует вести борьбу за свои интересы и добиваться успехов, научили их понимать политическое положение и политические нужды рабочего класса. Понимание рабочими своего положения и своих нужд явилось исходным моментом для превращения российского пролетариата из «класса в себе» в «класс для себя».

Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» дал мощный толчок к объединению социал-демократических кружков и групп в такие же союзы и в других городах страны. Социал-демократические организации повсеместно переходили от пропаганды в кружках к агитации в широких рабочих массах.

¹ 3 ПСЗ. Т. XVII. 1897. № 14231. СПб., 1900. С. 355–356.

Быстрый подъём рабочего движения в регионе обратил на себя внимание уральских нелегальных марксистских кружков и групп, которые повсеместно устанавливают связи с рабочими. На Урале начинается массовое рабочее движение с участием социал-демократов, происходит соединение рабочего движения с социализмом. Социал-демократическая агитация и политическое руководство социал-демократов придали рабочему движению большой размах, широкое политическое значение.

Распространение марксизма встретило ожесточённое сопротивление народников. Народничество стало важным идейным препятствием на пути утверждения марксизма. Только окончательно преодолев народническую идеологию, можно было расчистить почву для социал-демократического движения. Победа марксизма над народничеством и «легальным марксизмом» имела большое значение для соединения рабочего движения с социализмом.

Между тем даже во второй половине 1890-х гг., когда влияние народничества в стране уже сильно упало, на Урале народники всё ещё продолжали сохранять значительные позиции. Это особенно проявилось в активной публицистической и практической деятельности уральских легальных народников. Социальной опорой долгого сохранения в крае народнических взглядов являлась социально-экономическая отсталость Урала, наличие здесь многочисленных остатков крепостничества в деревне и горнозаводской промышленности, существование широкого слоя мелких собственников — кустарей, рабочих, связанных с землёй и домашним хозяйством, и т. п.

В. И. Ленин в статье «Кустарная перепись 1894–1895 гг. в Пермской губернии и общие вопросы “кустарной” промышленности» (1897 г.)², опубликованной в легальной печати, подверг критике взгляды уральских легальных народников, показал антинаучность и вздорность их утверждений о некапиталистическом характере кустарных предприятий в Пермской губернии, выявил в мелком производстве противоречия, свойственные товарному, рыночному хозяйству, указал, что кустарные помыслы были уже вовлечены в орбиту товарно-денежных отношений и развивались по закономерностям капиталистического производства, привели к расколу кустарей на противоположные классы — буржуазию и пролетариев.

В. И. Ленин отметил, что попытки либеральных народников укрепить кустарную промышленность при помощи кооперативных организаций, банков, кредитных товариществ, рационализации труда и подобных мероприятий приводили на деле лишь к помощи и содействию «хозяйственному мужичку», «мелкому фабрикантику» или скупщику, были в состоянии только усилить и развить буржуазию.

На Урале в среде интеллигенции и учащейся молодёжи продолжали действовать нелегальные кружки, придерживавшиеся народнической идеологии. В середине 1890-х гг. в Перми и Екатеринбурге между марксистами и народниками

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 317–424.

происходили острые дискуссии, революционная интеллигенция разделилась на сторонников и противников марксизма³.

Стремление революционеров различных политических направлений объединить силы для общего натиска на самодержавие вело к тому, что периоды борьбы между марксистами и народниками сменялись их временными союзами. Таким был возникший в 1897 г. в Челябинске и Златоусте «Уральский рабочий союз», представлявший союз социал-демократов с народниками — мирное «сожительство» их в рамках одной организации.

Стачечная волна, поднявшаяся в стране вслед за петербургскими стачками 1895–1896 гг., охватила и горнозаводский Урал. В отличие от предыдущего периода, когда уральские рабочие вели в основном оборонительную борьбу, большинство выступлений рабочих во второй половине 1890-х гг. имело активный, наступательный характер, что свидетельствовало о серьёзном переломе в рабочем движении Урала.

Рост рабочего движения, нарастание конфронтации между рабочими и заводчиками, обострение в регионе социальной напряжённости не прошли мимо внимания полиции и жандармерии, постоянно отмечались ими в своих донесениях и отчётах. Но они мало беспокоили самих владельцев предприятий, проживавших по-прежнему в беспечности и благодущии. Их главной заботой в своём большинстве был только размер доходов от принадлежавших им владений.

Эти благостные настроения уральских заводчиков очень хорошо выразил известный уральский горный деятель и публицист, позднее — официальный историограф уральских горнозаводчиков, В. Д. Белов.

«Рабочий на других заграничных или даже петербургских фабриках и заводах, — писал Белов, — чужд интересам этих заводов... Он и хозяин завода — два вечных врага... Совсем в другом положении рабочий уральских заводов: он местный житель, имеющий тут при заводе и свою землю и своё хозяйство, наконец, свою семью. С благосостоянием завода тесно, неразрывно связано и его собственное благосостояние...

Между уральскими рабочими и заводами неразрывная связь; отношения их те же, что были и прежде, до их освобождения от крепостной зависимости; переменилась только форма этих отношений, не более. Принцип прежней крепости сменился великим принципом взаимной пользы»⁴.

Однако святая вера в непоколебимость существующего социально-политического строя, в нерушимость «великого принципа взаимной пользы», в «гармонию интересов» заводчиков и рабочих постепенно иссякала, оказывалась иллюзией, исчезающим призраком, миражом, мифом.

³ Трапезников В. Н. Из истории Пермского подполья // Борьба за власть. Пермь, 1924. Т. 2. С. 50; Воспоминания Ф. Ф. Сыромолотова // ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 2259. Л. 49.

⁴ Белов В. Д. Кустарная промышленность в связи с уральским горнозаводским делом // Труды Комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. СПб., 1887. Вып. 16. С. 8–9.

В конце XIX в. уральская древесноугольная металлургия, медленно и с большим опозданием осуществлявшая техническое перевооружение, обременённая пережитками крепостничества, оказалась неспособной успешно конкурировать с коксовой металлургией Западной Европы и Юга России и была оттеснена Югом России на второй план. Уральское железо стало вытесняться не только с внешнего, но и с внутреннего рынка, с традиционных рынков Поволжья и Центральной России.

Для выживания в условиях обострившейся конкуренции уральским заводам требовалось осуществить обновление своей техносферы, внедрить новую технику и новые технологии, приспособиться к новым условиям рынков, поднять производительность и экономическую эффективность своих предприятий. Для этого требовались крупные капиталовложения, но заводладельцы не имели желания инвестировать в свои заводы накопленные капиталы и предпочитали искать выход из финансовых затруднений в правительственной поддержке, в сокращении производства, усилении эксплуатации своих рабочих, что вызывало со стороны рабочих всё более твёрдый, уверенный отпор.

Основным очагом стачечного движения на Урале во второй половине 1890-х гг. продолжала оставаться Пермская губерния. В 1896–1897 гг., в период наибольшего подъёма общероссийской стачечной волны, в стачечное движение стали активно втягиваться заводы Уфимской губернии — Златоустовские казённые, Катавские князей Белосельских-Белозерских, Симские Балашевых. В Вятской губернии стачечное движение было ещё по-прежнему слабым, рабочие Оренбургской губернии продолжали выражать свои протесты подачей прошений и бегством с приисков.

В начале 1895 г. произошла крупная стачка на Михайловском заводе Сергинско-Уфалейского округа в Красноуфимском уезде Пермской губернии. Причиной стачки явились притеснения рабочих со стороны управителя завода Г. А. Гуляева, отличавшегося непомерной жестокостью. Гуляев начал свою служебную карьеру ещё при крепостном праве и в течение 42 лет занимал различные должности на казённых и частных уральских заводах, в т. ч. 12 последних лет находился в должности управляющего Михайловским заводом. Этот служака крепостного времени водворил в Михайловском заводе «самую строгую дисциплину»⁵.

О жестокости существовавших на заводе порядков и тяжёлом, бесправном и унижительном положении рабочих свидетельствует небольшой бытовой эпизод, описанный газетой «Екатеринбургская неделя».

В суде рассматривалось дело по обвинению рабочего Макарова в оскорблении им управителя завода Г. А. Гуляева. Как выяснилось во время судебного заседания, «оскорбление» управителя завода состояло в том, что Макаров, будучи три года назад без всякой причины уволенным с работы, переживал острую нужду, распродал имущество и все эти три года периодически, через месяц, ходил к Гуляеву просить вновь принять его на работу, но всегда получал отказ.

⁵ ГАСО. Ф. 47. Оп. 1. 1895. Д. 316. Л. 5 об.

Наконец, управитель приказал выгнать Макарова из конторы, не впускать его в черту заводской ограды и, кроме того, отдал под суд.

«Ведь горе меня заставило просить у тебя работы-то, Григорий Антоныч!» — говорил на суде Макаров и, заливаясь слезами и кланяясь Гуляеву в ноги, продолжал: «Ну прости меня, коли так, грешного, если я тебя обидел своими просьбами, но только, ради бога, дай мне работы!»

Задушевный рассказ и слёзы старика Макарова тронули публику до глубины души, но несколько не повлияли на управителя-самодура.

«Что ты мне кланяешься, старик? Я, ведь, не бог и не царь. Кланяйся им, а я тебя всё равно на работу не возьму», — сказал он⁶.

Особенную ненависть рабочих Гуляев вызвал несправедливыми штрафами и произвольными увольнениями с работы. Уволенные оставались без каких-либо средств к существованию, но это ничуть не беспокоило управителя. Гуляев накладывал на рабочих тяжёлые штрафы за поломки машин и механизмов. Даже окружной инженер вынужден был признать полную несправедливость этих штрафов, т.к. поломки происходили не по вине рабочих, а «от несовершенства технических устройств»⁷. Здания листокатального и листобойного цехов были настолько ветхими, что поминутно угрожали падением, и работать в них приходилось с риском для жизни⁸.

Последней каплей, переполнившей чашу терпения рабочих, были правила внутреннего распорядка, составленные заводской администрацией на основании закона 9 марта 1892 г. Рабочие решительно выступили против включения в эти правила статей о денежных взысканиях «за прогул», «за нарушение порядка», «за неисправную работу», «порчу машин и материалов». Как справедливо полагали рабочие, эти правила открыли бы ещё более широкий простор для производства заводской администрации⁹.

1 января 1895 г. около 800 рабочих листокатального и листопробивного цехов отказались принять правила внутреннего распорядка и прекратили работу, заявив, что «по новому уставу работать не желают»¹⁰. Забастовка двух основных цехов, в которых было занято около 80% всех рабочих завода, привела к полной остановке всего завода. Гуляев вынужден был вызвать окружного инженера Н. П. Коженкова и главноуправляющего Сергинско-Уфалейскими заводами А. В. Андреевского.

Вечером 3 января в присутствии станového пристава, полицейских урядников и стражников, волостного старшины и сотских состоялось объяснение Коненкова и Андреевского с забастовавшими рабочими. Рабочие потребовали отмены взысканий за порчу изделий и механизмов, исключения из правил внутреннего распорядка денежных взысканий, жаловались на непрочность заводских зданий

⁶ Екатеринбургская неделя. 1895. 8 января. № 2. С. 36–37.

⁷ Там же. Л. 6 об.

⁸ Там же. Л. 14.

⁹ Там же. Л. 9.

¹⁰ Там же. Л. 1.

и опасность работы в них. Они решительно потребовали немедленного смещения с должности ненавистного им управляющего завода Гуляева, заявив, что до удовлетворения их требования они работы не возобновят¹¹.

Решительное заявление рабочих вызвало среди властей растерянность. Зная по опыту предыдущих стачек, что рабочие сдержат своё слово и, следовательно, завод снова длительное время будет бездействовать, управляющий заводами Андреевский решил пожертвовать Гуляевым. На следующий день рабочим было объявлено, что Гуляев со службы увольняется, и 10 января они возобновили работу¹². Правила внутреннего распорядка, вывешенные в цехах, «во избежание дальнейших беспорядков со стороны рабочих», были сняты¹³. Администрация приступила к ремонту и перестройке зданий листокатального и листопробивного цехов, выделив на это 136 тыс. руб.

Стачка окончилась победой рабочих. Увольнение по требованию забастовавших рабочих управляющего Гуляева, в течение 12 лет притеснявшего михайловских рабочих, наглядно показало силу организованной стачки.

Летом 1895 г. длительная и упорная стачка произошла на Шайтанском заводе наследников полковника П. В. Берг в Екатеринбургском уезде. Управляющий заводом немецкий инженер Б. Э. Бабель приказал рабочим пудлингового цеха продолжать работу во время останковки завода на страду, но отказался прибавить на это время заработную плату рабочих на 1 коп. за пуд выработанного железа, как это делалось прежде. В ответ на это 85 пудлинговых рабочих 1 июля прекратили работу и разошлись по домам. Руководила стачкой группа рабочих из 9 чел. — Е. Д. Стахов, А. А. Кормильцев и др. Встретив сопротивление, управляющий решил пойти на уступку. 15 июля он пригласил пудлинговых рабочих и объявил им, что на время страды прибавляет плату на 1 коп. Однако рабочие потребовали прибавку в 1 коп. установить не временно, а навсегда. Управляющий отказался удовлетворить это требование, и рабочие снова разошлись по домам¹⁴.

Тогда заводоуправление вместо забастовавших рабочих пригласило на работу в пудлинговом цехе рабочих из Бисертского завода, назначив им плату значительно выше той, которую просили местные рабочие. Однако бисертцы проработали всего несколько дней. Узнав о причине отказа от работы местных рабочих и считая их требования справедливыми, они отказались от работы и, получив расчёт, ушли обратно домой.

После этого заводоуправление пригласило рабочих из Ревдинского завода. Ревдинцы, в отличие от бисертцев, не только согласились стать штрейкбрехерами, но, прибыв в завод и напившись пьяными, начали оскорблять шайтанских рабочих, обзывая их «арестантами», а их завод — «арестантским». Шайтанцы,

¹¹ Там же. Л. 10.

¹² Там же. Л. 11.

¹³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 20. 1898. Д. 696. Л. 66 об.

¹⁴ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. 1895. Д. 586. Л. 1 — 2 об.

в свою очередь, обзывали ревдинцев их традиционным прозвищем — «голубятниками»¹⁵. Между шайтанскими и ревдинскими рабочими 6 августа завязалась драка. «Перебьём вас, ежели будете работать», — заявили шайтанцы. Штрейкбрехеры были с завода прогнаны¹⁶.

Стачка продолжалась 45 дней. Заводуправление, убедившись, что все его попытки сломить забастовку с помощью штрейкбрехеров с других заводов потерпели крах, вынуждено было пойти на уступки: оно согласилось удовлетворить требования рабочих, и они приступили к работе¹⁷.

С 28 мая по 4 июня 1895 г. бастовали 300 рабочих Троицкой сварочно-катальной фабрики Добрянского завода графа С. А. Строганова, требовавшие увеличения заработной платы. Руководили стачкой рабочие Баранов и Таинцев. Стачка продолжалась 8 дней, но окончилась поражением рабочих: заводуправление в категорической форме отказалось удовлетворить требования рабочих¹⁸.

Менее организованно и менее настойчиво вели борьбу рабочие рудников. 10 марта 1895 г. забастовали 120 рабочих Королевского (Макаровского) железного рудника, находившегося в Нижнеисетской казённой даче. Причиной стачки послужила задержка им выплаты заработной платы в течение более месяца. Рабочие бастовали пять дней, подали прошение окружному инженеру, но не получив расчёта, оставили рудник¹⁹.

В мае 1895 г. произошла стачка рабочих на казённом Гороблагодатском железном руднике. Кушвинская заводская контора наняла для работ на руднике 140 чел. татар Белебеевского и Бирского уездов Уфимской губернии, обещая платить им по 9 руб. в месяц. Кроме того, рабочие договаривались добывать руду из «разбористой», т. е. мягкой породы, а их заставили добывать её из твёрдых кварцевых пород. Рабочие проработали месяц, но когда наступил срок выдачи заработной платы, им стали выдавать всего лишь по 7 руб. 50 коп. Рабочие 5 мая забастовали, потребовав от заводуправления соблюдения условий найма, а 7 мая почти все ушли домой²⁰.

Обе эти стачки свидетельствуют, что тёмные, малосознательные чернорабочие, вчерашние крестьяне, загнанные голодом и нуждой на рудники, ещё не могли подняться до понимания необходимости организованной борьбы за свои требования и свой протест смогли выразить лишь в форме самовольного ухода с рудников.

В 1896 г. стачечная борьба на Урале принимает ещё больший размах. В этом году произошли стачки рабочих в Михайловском, Нижнеисетском, Нижнесергинском, Серебрянском, Верхнесалдинском, Пожевском, Юго-Камском заводах

¹⁵ Там же. Л. 3 — 3 об.

¹⁶ Судебная хроника // Русские ведомости. СПб., 1896. 21 марта. № 80.

¹⁷ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. 1895. Д. 586. Л. 3 об. — 4.

¹⁸ ГАПК. Ф. 186. Оп. 4. 1895. Д. 76. Л. 98–99; Ф. 551. Оп. 1. Д. 5. Л. 47–49.

¹⁹ ГАСО. Ф. 46. Оп. 1. 1895. Д. 94. Л. 6 — 6 об.

²⁰ ГАПК. Ф. 162. Оп. 1. 1890. Д. 42. Л. 70 — 70 об.

и Коллоткинской мешёчно-ткацкой фабрике в Пермской губернии, в Златоустовском и Юрюзанском заводах Уфимской губернии.

Бурное стихийное выступление рабочих произошло на Юрюзанском заводе. Заводуправление резко сократило производство на заводе, в результате чего многие рабочие остались без работы (если ранее на заводе работало от 800 до 1000 чел., то в 1896 г. — всего до 150 чел.). Местная заводская администрация, в особенности низшие служащие, предоставляла работу в первую очередь своим родственникам, знакомым и т. п. Для того, чтобы получить работу в горячих цехах, каждый рабочий предварительно должен был нарубить и вывезти для завода за определённую плату известное количество дров, независимо от того, имеет ли он лошадей, так что многие рабочие, чтобы иметь работу, вынуждены были нанимать за себя подрядчиков; при этом, получая за доставленные дрова по 4 руб. за куб. сажень, они платили от себя по 5 руб., а иногда и более.

Лишившиеся не по своей воле работы рабочие теряли право бесплатного получения дров и должны были платить за них деньги. Заводуправление сдавало работы по перевозке грузов подрядчикам, которые раздавали их по частям за низкую цену рабочим. Пользуясь большим излишеством рабочих рук, служащие допускали «дерзкое обращение с рабочими», «разного рода притеснения». Заводская контора произвольно уменьшала условленные за работы платы, так, например, за перевозку руды вместо условленных 4½ коп. за пуд контора рассчитала рабочих по 4 коп.²¹

27 марта 1896 г. 40 рабочих Юрюзанского завода, явившись в квартиру управителя завода Поразинского, потребовали немедленно пустить в ход пудлинговый и сварочный цеха и выдать им, по случаю пасхи, по заведённому обычаю, денег на водку, угрожая, в случае неисполнения их требований, не допустить отправки чугуна из Юрюзанского в Катавский завод.

Управитель завода отклонил требования рабочих, но когда он направился в завод, на пути к заводу его встретили другие рабочие, человек 100, которые, соединившись с прежними, окружили управителя и настойчиво стали требовать увеличения работ и выдачи денег на водку, а также стали избивать плотинного мастера К. И. Абаимова, высказывая «против него крайнее неудовольствие за разные допускаемые им притеснения рабочим и неправильности по службе».

Явившийся на шум полицейский урядник разогнал толпу и сопроводил управителя до квартиры. Между тем толпа рабочих стала избивать лесничего А. Л. Абаимова и гналась за ним, но была остановлена тем же полицейским урядником. Через несколько дней на сходе рабочие заявили местной полиции, что «никаких домогательств силою и вообще беспорядков они не допустят, но путём просьб будут настаивать и пред заводуправлением и пред правительством об обеспечении их работами»²².

²¹ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. 1896. Д. 2675. Л. 4 — 6 об.

²² ГАРФ. Ф. 102. 2 дел-во. 1896. Д. 15. Ч. 13. Л. 5–7. Еженедельные записки. 1896. Д. 29. Л. 111–112; РГИА. Ф. 37. Оп. 65. 1896. Д. 2675. Л. 2 — 3 об.; ГАСО. Ф. 24. Оп. 20. 1896. Д. 691.

Опасаясь более серьёзных «осложнений и беспорядков», уфимский губернатор, «кроме принятия обычных мер к предупреждению нарушений населением порядка», обратился к заводууправлению князей Белосельских-Белозерских, сообщив об этом одновременно в Департамент полиции, с предложением восстановить заводские работы до прежних размеров или «предоставлять земельные угодья и топливо из заводских дач и тем жителям завода, кои по недостатку работ не будут заняты ими на заводе».

Управляющий заводами князей Белосельских-Белозерских обещал, что работы на заводах «будут увеличены, а земельные угодья розданы мастеровым в том порядке, как это совершалось прежде»²³.

С 8 по 14 апреля 1896 г., в течение недели, бастовали рабочие рельсопрокатной фабрики (120 чел.) Усть-Катавского завода тех же князей Белосельских-Белозерских, протестовавшие против недостатка работ и незагруженности рабочих на заводе. Заводууправление обещало увеличить объём работ²⁴.

Короткая, но решительная и настойчивая стачка весной 1896 г. произошла на Златоустовском заводе. Инициаторами её были 70 рабочих Большого прокатного цеха, находившиеся под влиянием революционно настроенных молодых мастеров, выпускников Уральского горного училища А. С. Тютёва, П. И. Земскова и братьев П. и В. Авладеевых. Рабочие потребовали повышения заработной платы и введения 8-часового рабочего дня. Администрация частично удовлетворила требования, увеличив зарплату, но оставила прежним 12-часовой рабочий день²⁵.

В Михайловском заводе с 1 по 9 апреля 1896 г. бастовали рабочие листопробивного цеха (около 400 чел.), требовавшие повышения заработной платы и облегчения условий труда. Прежде в заводе листовое железо прокатывалось из мягкого кричного железа, поэтому большая часть листов выходила высшими, более высоко оплачиваемыми сортами, и заработок рабочих поэтому был более или менее сносным. С введением мартеновского производства прокатка листового железа стала производиться из более твёрдого и плотного мартеновского металла, ввиду чего листы стали выходить одних низкооплачиваемых сортов. Поэтому, «пробивая или выправляя теперь в течение дневной смены то же самое и даже большее против прежнего количества листов или пудов, мастеровые стали получать за свой труд вдвое меньшую против прежнего плату»²⁶.

В заводе существовал большой избыток рабочих рук, и рабочие после недели работы должны были одну или две недели «гулять», т. е. оставаться без работы, что ещё более ухудшало их положение. В погоне за заработком рабочие вынуждены были «складки» железа, пускаемые в пробивку или правку, делать очень

Л. 1, 6 — 9 об.; Металлисты Урала накануне и в период 1905 года. Сборник документов и материалов. Свердловск, 1926. С. 52–53.

²³ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. 1896. Д. 2675. Л. 7–8, 11–12.

²⁴ ГАРФ. Ф. 102. 2 дел-во. 1896. Д. 15. Ч. 13. Л. 15–16.

²⁵ Металлисты Урала накануне и в период 1905 года. С. 17.

²⁶ Екатеринбургская неделя. 1896. 5 мая. № 17. С. 359.

тяжёлыми — весом в 50 и даже 100 пудов. Переноска и пробивка таких складок требовала от рабочих чрезмерных физических усилий и быстро подрывала их силы²⁷.

16 марта рабочие листопробивного цеха потребовали у администрации, чтобы сдельная плата была им увеличена²⁸. Они заявили, что желают получать «такую плату, которая бы действительно оплачивала этот тяжёлый труд и была бы достаточной для их пропитания с семьями как в рабочие дни, так и во время невольного периодического «гулянья»²⁹.

Рабочие предупредили, что если их требования не будут удовлетворены, то с 1 апреля они прекратят работу. Получив отказ, рабочие вечером 31 марта прекратили работу и разошлись по домам. Они потребовали от заводоуправления установить им гарантированную подённую плату: мастеру — 1 руб. 40 коп., работнику — 1 руб. в смену. Кроме того, они потребовали также, чтобы складки для пробивки железа набирались не более 30 пудов весом и чтобы работа по их навешиванию производилась бы не ими, а отдельными рабочими³⁰.

Заводоуправление согласилось делать складки железа по 30 пудов, навеску их производить отдельными рабочими, но решительно отказалось увеличить заработную плату. Эти уступки не удовлетворили рабочих, и они продолжали забастовку.

7 апреля в завод приехал окружной инженер Н. П. Коженков, который объявил рабочим, что если они не прекратят стачки и будут продолжать требовать увеличения заработной платы, то их труд будет заменён машинами или заводоуправление вместо них пригласит рабочих со стороны, а если они «произведут бунт», то «в завод поставят солдат, а население заставят содержать их»³¹.

Решительный отказ заводоуправления увеличить заработную плату и запугивания окружного инженера поколебали рабочих. Видя безуспешность своей борьбы, они согласились принять предложенные заводоуправлением условия. Заводоуправление согласилось временно, до страды, установить гарантированную плату — мастеру по 1 руб. 20 коп., работнику — 80 коп. за смену, складки делать по 30 пудов, производить навеску их отдельными рабочими. 10 апреля рабочие возобновили работу³².

1 апреля 1896 г. забастовали 60 рабочих кричного цеха Нижнеисетского казённого завода, потребовавшие увеличить им заработную плату за выковку листовой болванки на 1½ коп. за пуд, а именно — платить 12½ коп. вместо существовавшей платы в 11 коп. Рабочие бастовали 8 дней, до 8 апреля, и добились удовлетворения своего требования³³.

²⁷ ГАСО. Ф. 47. Оп. 1. 1896. Д. 362. Л. 9.

²⁸ ГАПК. Ф. 162. Оп. 1. 1896. Д. 43. Л. 30 об.

²⁹ Екатеринбургская неделя. 1896. 5 мая. № 17. С. 359.

³⁰ ГАСО. Ф. 47. Оп. 1. 1896. Д. 362. Л. 4.

³¹ Там же. Л. 7.

³² Там же. Л. 3.

³³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 17. 1896. Д. 2426. Л. 308–309.

Летом 1896 г. произошла длительная стачка на Пожевских заводах (Пожевском и Елизавето-Пожевском), принадлежавших Всеволожским. Рабочие этих небольших, заброшенных в глуши заводов подвергались жестокой эксплуатации, были опутаны густой сетью крепостнических пережитков. Для рабочих, выработавших на заводах 220 смен в году, была установлена особая «льгота» — лесные материалы (строевой лес, жерди, колья, дрова) предоставлялись им по пониженным ценам. Однако ввиду частых остановок заводов из-за отсутствия чугуна и тяжёлых условий труда, большинство рабочих не выработывало необходимого количества смен и «льготы» лишалось. Заработная плата рабочих была очень низкой.

В 1895 г., при заключении с заводоуправлением условий на работы на следующий год, рабочие Пожевского и Елизавето-Пожевского заводов (более 800 чел.) потребовали увеличить им заработную плату или отпускать лесные материалы бесплатно, сократить число рабочих дней, необходимых для получения «льготы», с 220 до 180–200. Требования рабочих не были удовлетворены³⁴. В июне 1896 г. более 800 рабочих Пожевских заводов снова выдвинули эти же требования, а когда заводоуправление отказалось их удовлетворить, объявили забастовку, продолжавшуюся с 15 июня по 3 октября, т.е. в течение 3½ месяцев³⁵.

Чтобы расколоть забастовавших, заводоуправление 3 июля объявило, что норма рабочих дней снижается до 190, а также согласилось всем «прилежным» рабочим вернуть деньги за дрова и покосы, уже удержанные с рабочих, но рабочие продолжали забастовку. Лишь после того, когда заводоуправление издало новую инструкцию по сортировке листового железа, увеличивавшую заработную плату, рабочие согласились снова приступить к работе³⁶.

Крупное выступление рабочих, направленное против расчётных книжек, произошло на Верхнесалдинском заводе Нижнетагильского округа. В ответ на распоряжение помощника управляющего заводом вывесить в цехах таблицы с правилами, извлечёнными из расчётных книжек, не принятых рабочими, 650 рабочих завода объявили забастовку, продолжавшуюся с 28 июля по 1 августа 1896 г. Забастовка охватила весь завод, за исключением, чтобы не остановить производственный процесс, двух цехов — доменного и мартеновского, рабочие которых тоже выражали намерение присоединиться к бастующим. Создалась угроза остановки доменной и мартеновских печей, т.е. полной остановки всего завода. Напуганная администрация распорядилась вывешенные в цехах правила убрать, и рабочие возобновили работу³⁷.

С 11 по 26 августа 1896 г., 15 дней, бастовали 50 рабочих кричного цеха Серебрянского казённого завода, протестовавшие против выдачи им плохого чугуна, из которого они не могли выработать необходимого количества железа,

³⁴ ГАПК. Ф. 176. Оп. 1. 1895. Д. 870. Л. 23.

³⁵ ГАПК. Ф. 434. Оп. 1. 1897. Д. 1. Л. 344 об.

³⁶ ГАПК. Ф. 176. Оп. 1. 1896. Д. 866. Л. 54–55, 58 об. — 59.

³⁷ ГАПК. Ф. 162. Оп. 1. 1896. Д. 43. Л. 50 об.

и поэтому их заработок был очень мал. После проволочки требование рабочих было удовлетворено³⁸.

Стачка рабочих (830 чел.) с требованием увеличения заработной платы произошла в 1896 г. в Нижнесергинском заводе³⁹.

В августе 1896 г. на Нижнетагильском заводе рабочие доменного цеха, угрожая стачкой, требовали сократить рабочий день с 12 до 8 часов, но их требование не было удовлетворено⁴⁰.

Осенью 1896 г. произошла забастовка на мешочно-ткацкой фабрике купца Жирыкова, расположенной в д. Колюткиной Екатеринбургского уезда, на которой работало около 200 рабочих. Работавшие на фабрике не были обеспечены медицинской помощью; помещения для жилья при фабрике отсутствовали, рабочим приходилось жить на частных квартирах, нанимаемых у местных крестьян; заводоуправление отпускало в счёт заработной платы товары из фабричной лавки по очень высокой цене, намного превышавшей рыночную. Условия труда на фабрике были исключительно тяжёлыми. Рабочим мокроватерного отделения приходилось работать в полуподвальном помещении, которое совершенно не отапливалось, в нём даже отсутствовали печи⁴¹.

16 октября рабочие мокроватерного отделения объявили забастовку, а на следующий день 14 рабочих, прибыв в Екатеринбург, обратились с жалобой к фабричному инспектору. Рабочие требовали, чтобы в их рабочем помещении была поставлена печь и чтобы выдавали зарплату деньгами, не заставляли их брать вместо денег товарами из фабричной лавки, оплачивали частные квартиры, организовали медицинскую помощь. Забастовка продолжалась 3 дня, требования рабочих были удовлетворены, и они приступили к работе⁴².

Осенью 1896 г. организованное массовое выступление рабочих произошло на казённом Златоустовском заводе, одном из самых крупных уральских металлургических и оружейных заводов. В нём приняли участие сочувствовавшие рабочим служившие на заводе прогрессивно настроенные молодые техники, выпускники Уральского горного училища, выходцы из рабочих семей, группировавшиеся вокруг выпускников училища А. С. Тютева и В. Г. Рогожникова. Молодые техники были связаны между собой дружественными и родственными связями, первоначально их деятельность не выходила «за границы народнического либерализма»⁴³.

Молодые техники сочувствовали рабочим, вели с ними беседы о тяжёлом положении рабочего класса, угнетении его капиталистами, занимались в заводе

³⁸ ГАПК. Ф. 162. Оп. 1. 1896. Д. 43. Л. 30 об.; ГАРФ. Ф. 102. ДП. 4 дел-во. Д. 50. Ч. 2. Л. 111.

³⁹ ГАПК. Ф. 36. Оп. 10. 1898. Д. 3. Л. 33.

⁴⁰ ГАПК. Ф. 162. Оп. 1. 1896. Д. 43. Л. 51.

⁴¹ РГИА. Ф. 23. Оп. 30. 1896. Д. 61. Л. 4 – 5 об.

⁴² Там же. Л. 5 – 5 об.

⁴³ Четин В.Е. О возникновении и деятельности Златоустовского рабочего кружка // Из истории Южного Урала и Зауралья. Челябинск, 1971. Т. V. С. 8.

культурно-просветительной работой, открыли легальную библиотеку для рабочих, читали рабочим запрещённые сочинения, распространяли среди них некоторые нелегальные издания, развернули борьбу с администрацией за интересы рабочих сначала в обществе потребителей, а затем в «горнозаводском товариществе»⁴⁴.

От культурно-просветительной работы молодые мастера перешли к пропаганде и агитации в рабочей среде и распространению на заводе нелегальной литературы.

«96-й год, — сообщал позднее корреспондент в «Уральскую газету», — был... годом открытого выступления рабочих на борьбу за улучшение своего положения. В этом отношении появление новых брошюр “о штрафах”, “8-ми часовом рабочем дне” и других много способствовало развитию самосознания среди рабочих и созданию рабочего движения в Златоусте. Таким образом, часть Златоустовских рабочих уже могла в то время относиться сознательно к происходящим событиям в России и оказывать влияние на массу. С другой стороны, и местные события толкали рабочую массу на путь чисто экономической борьбы. Общих вопросов, которые затрагивали интересы всех рабочих, было много»⁴⁵.

Борьба рабочих Златоустовского завода развернулась вокруг соблюдения заводоуправлением «Высочайше утверждённого» Положения 8 марта 1861 г. Согласно Положению, на уральских казённых горных заводах создавались «горнозаводские товарищества», имевшие преимущественно благотворительные цели: «попечение о рабочих в болезни, старости и домашних несчастиях, призрение вдов и сирот» и т.п. Правление «горнозаводского товарищества» называлось Приказом и состояло из председателя, назначаемого заводоуправлением, и четырёх членов, избираемых на три года членами горнозаводского товарищества из своей среды.

Горнозаводскому попечительному приказу предоставлялось право третейского суда между заводоуправлением и рабочими, «рассмотрение и обсуждение недоразумений и споров, могущих возникнуть между заводоуправлением и работающими в оном людьми относительно исполнения работ, удовлетворения за оные жалованием или задельною платою, следующих на основании договора вычетов и штрафов и соблюдения общеустановленного по закону порядка» (ст. 61 Положения 8 марта 1861 г.)⁴⁶.

Заводоуправление совершенно не считалось с Положением 8 марта 1861 г. и даже не знало точно его содержания, не знало, какие изменения внесены в него за прошедшие со времени его издания 35 лет⁴⁷.

С половины 1896 г. заводоуправление приступило к возобновлению договоров с рабочими, а в сентябре потребовало от всех рабочих получения расчётных

⁴⁴ ГАРФ. Ф. 102. 7 дел-во. 1898. Д. 277. Л. 10 — 10 об., 38 — 38 об., 72 — 72 об.; Ф. 1762. Оп. 5. Д. 104. Л. 6–14; ЦГА РТ. Ф. 51. Оп. 6. Д. 740. Л. 203–209.

⁴⁵ Уральская газета (г. Екатеринбург). 1907. 13 января.

⁴⁶ 2 ПСЗ. Т. XXXVI. № 36719.

⁴⁷ ЦГА РБ. Ф. 187. Оп. 1. Д. 134. Т. 1. 1896. Л. 396 об. — 397.

книжек. Условия найма, напечатанные в новых расчётных книжках, существенно отличались от прежних. В новых расчётных книжках были изъяты пункты о том, что не явившийся на заводские работы пользуется всеми правами, предоставленными по Положению 8 марта 1861 г., и что все недоразумения и споры между рабочими и заводоуправлением разбираются горнозаводским приказом.

В расчётные книжки был внесён новый пункт о коллективной ответственности рабочих за пропажу имущества из цеха и кладовых; рабочие должны были бесплатно выполнять обязанности дневальных по цеху и дежурных по заводу; поднимать и опускать, в необходимых случаях, запоры у плотины. Новые расчётные книжки выдавались за плату в 10 коп., тогда как согласно Положению 8 марта 1861 г. их следовало выдавать бесплатно⁴⁸.

На сентябрьском собрании членов «горнозаводского товарищества» рабочие решительно отказались брать новые расчётные книжки, а для выработки условий найма постановили избрать депутатов, которым поручили совместно с представителями от заводоуправления составить проект новых условий и представить его на общее собрание членов горнозаводского товарищества. После собрания были избраны депутаты от всех цехов — по два от каждого цеха, всего около 60 чел., — которые собирались и обсуждали проект условий.

Попытка рабочих добиться участия в выработке условий найма встретила решительное противодействие администрации, действовавшей до тех пор по своему полному произволу, не придерживаясь каких-либо правил и законов. Заводоуправление решило в корне пресечь самочинное вмешательство «горнозаводского товарищества» во взаимоотношения между рабочими и заводской администрацией, принудив рабочих насильственными мерами принять новые расчётные книжки.

В первых числах октября 1896 г. по заводу было объявлено, что выдача зарплаты за сентябрь месяц будет производиться только по новым расчётным книжкам. Заводоуправление рассчитывало, что, нуждаясь в деньгах, рабочие согласятся взять расчётные книжки. Но этого не произошло. Рабочие всех цехов и даже рассыльные в конторе и прислуга в домах управителя завода и Горного начальника решительно отказались брать расчётные книжки.

14 октября депутаты от рабочих послали в Петербург министру земледелия и государственных имуществ телеграмму, в которой протестовали против незаконной задержки заработной платы и принуждения принять новые расчётные книжки с изменёнными условиями найма на работы. Телеграмма была составлена цеховыми мастерами Ф. А. Рябовым, В. Г. Рогожниковым и В. В. Агарковым, предварительно её редактировал А. С. Тютев⁴⁹.

Не дождавшись ответа на телеграмму, рабочие 15 октября прекратили работу и направились на площадь перед заводом, к заводской конторе, где потребовали

⁴⁸ Письмо из Златоуста // Степной край (г. Омск). 1897. 27 апреля. № 43. С. 1; ЦГА РБ. Ф. 187. Оп. 1. Д. 134. Т. 1. 1896. Л. 395.

⁴⁹ ЦГА РБ. Ф. 187. Оп. 1. Д. 134. Т. 1. 1896. Л. 384 об. — 385.

немедленной выдачи заработной платы. Толпа рабочих насчитывала до 1 000 чел. Управитель завода Ботышев и помощник Горного начальника Н. Т. Евглевский пытались путём угроз и уговоров заставить рабочих принять новые расчётные книжки, но встретили решительный отпор. Брань, крики, пререкания продолжались около двух часов.

Рабочие твёрдо стояли на своём, отказывались брать расчётные книжки и настаивали на немедленной выдаче заработной платы. Наконец, вызванный на завод, ввиду «угрожающего поведения толпы», жандармский ротмистр Вальтер, «сообразившись с обстоятельствами, рекомендовал выдать жалованье немедленно». Администрация вынуждена была принять это предложение и распорядилась начать выдачу заработной платы. После получения заработной платы рабочие приступили к работам⁵⁰.

Хотя стачка рабочих была быстро прекращена, положение на заводе продолжало оставаться напряжённым. Прибывший на следующий день на завод начальник Уфимского губернского жандармского управления полковник М. М. Громыко доносил, что «хотя работы на заводе продолжались по-прежнему, но общее впечатление указывало на возбуждение рабочей среды»⁵¹.

Вечером 18 октября, когда помощник Горного начальника Евглевский обходил завод, кем-то из рабочих в темноте в него была брошена 12-фунтовая шайба, которая ушибла ему правую руку. Бросивший шайбу вслед за этим скрылся⁵².

Стачка окончилась победой рабочих, и это подняло их настроение, продемонстрировало силу коллективных выступлений. После выдачи заработной платы мастер В. А. Авладеев говорил рабочим: «Вот теперь видно, как легко и удобно действовать толпой»⁵³.

Власти приняли все меры к тому, чтобы не допустить новых выступлений рабочих. Начальник Уфимского губернского жандармского управления полковник Громыко 17 октября пригласил в заводскую контору мастеров А. С. Тютёва, Ф. А. Рябова, В. Г. Рогожникова, В. А. Авладеева и Б. В. Агаркова, которых считал организаторами выступления рабочих, и заявил им, что «их вредная деятельность замечена и на случай повторения беспорядков на заводе они будут первыми ответчиками за все последствия»⁵⁴.

«Уральская газета» позднее сообщала, что вызвав А. С. Тютёва и других мастеров, «полковник Громыко прямо заорал: “Вам будет первая палка на спину, если ещё повторится что-либо подобное. Я здесь представитель царя и могу делать что хочу!”»⁵⁵ 20 октября состоялось совещание заводоуправления с участи-

⁵⁰ ГАРФ. Ф. 102. 3 дел-во. 1896. Д. 606. Ч. 3. Л. 205–207; Д. 371. Л. 1–3; 7 дел-во. Оп. 195. Д. 277. Л. 9 – 9 об.; ГАСО. Ф. 24. Оп. 18. 1886. Д. 4972. Л. 2 – 3 об., 59–61; ЦГА РБ. Ф. 187. Оп. 1. 1896. Д. 134. Т. 1. Л. 384–385.

⁵¹ ЦГА РБ. Ф. 187. Оп. 1. 1896. Д. 134. Т. 1. Л. 384 об.

⁵² Там же. Л. 388.

⁵³ Там же. Л. 385.

⁵⁴ Там же. С. 386.

⁵⁵ Уральская газета (г. Екатеринбург). 1907. 13 января.

ем жандармского ротмистра, на котором обсуждался вопрос о предотвращении выступлений рабочих на будущее время. Одновременно помощник Горного начальника обещал жандармским офицерам подыскать тайных агентов среди рабочих завода⁵⁶.

Заводская администрация обратилась к жандармским властям с просьбой о высылке из завода мастеров — руководителей рабочих. Начальник Уфимского губернского жандармского управления тоже считал, что «для дисциплинирования и вразумления заводского населения необходима административная высылка некоторых намеченных личностей... это произведёт полезное впечатление и надолго успокоит заводский район»⁵⁷.

Однако чтобы не обострять отношений с рабочими, власти не решились пока применять такую меру.

В ноябре 1896 г. в Златоустовский завод приезжал чиновник особых поручений при Уральском горном управлении статский советник Коновалов для разбора жалоб рабочих в их телеграмме министру земледелия и государственных имуществ. Им были вызваны рабочие, подписавшие телеграмму министру, а затем собраны все цеховые депутаты, около 60 чел., в беседе с которыми он вынужден был признать, что расчётные книжки должны заготавливаться за счёт завода, а не горнозаводского приказа, и выдаваться рабочим бесплатно, но посоветовал в следующий раз обращаться по инстанциям, а не прямо к министру⁵⁸.

После этого на заводе наступило затишье, продолжавшееся ноябрь, декабрь 1896 и январь 1897 г.

В том же 1896 г. произошли стачка рабочих на небольшом Юго-Камском заводе и волнение рабочих Екатерининских рудников в Верхотурском уезде, протестовавших против кабальных условий найма на работы⁵⁹.

В конце 1896 — начале 1897 г. в Пермской и Уфимской губерниях произошёл ряд волнений, связанных с проведением Первой Всероссийской переписи населения.

Проведение переписи было, безусловно, прогрессивным мероприятием, но осуществлялось оно самодержавно-бюрократическим аппаратом и в условиях жестокого полицейского гнёта, травли «инородцев» и было встречено народными массами, особенно национальными меньшинствами, с большим недоверием. Трудящиеся считали, что данные переписи будут использованы царскими чиновниками для прикрепления их к месту жительства, для увеличения налогов, для насильственного обращения мусульман в христианство⁶⁰.

Среди татар д. Агафоновской, Юлаевой, Бердыкаевой и Калтаевой Агафоновской волости, д. Усть-Баяк Ювинской волости Красноуфимского уезда,

⁵⁶ ЦГА РБ. Ф. 187. Оп. 1. 1896. Д. 134. Т. 1. Л. 397 — 397 об.

⁵⁷ Там же. С. 385 об.

⁵⁸ Письмо из Златоуста // Степной край (г. Омск). 1897. 27 апреля. № 43. С. 1; ЦГИА РБ. Ф. 187. Оп. 1. 1896. Д. 134. Т. 1. Л. 409.

⁵⁹ ГАПК. Ф. 162. Оп. 1. 1896. Д. 43. Л. 50.

⁶⁰ Там же. Л. 31.

в Асовской волости Кунгурского уезда и среди башкир Буринской волости Шадринского уезда в Пермской губернии и башкир Мензелинского и Белебеевского уездов Уфимской губернии произошли волнения, выразившиеся в сопротивлении властям и нападениях толп татар и банкир на старост и переписчиков.

В Агафоновской волости Красноуфимского уезда и Асовской волости Кунгурского уезда Пермской губернии сопротивление переписи приняло такие размеры, что уездным исправникам, срочно выехавшим в эти волости, «удалось успокоить население только угрозами потребовать войска, а, главным образом, воздействием на мулл»⁶¹.

«Если бы названные исправники, — доносил помощник начальника Пермского губернского жандармского управления в Красноуфимском и Кунгурском уездах, — действовали не энергично и в то же время не сдержанно, волнение могло бы кончиться кровопролитием»⁶².

В Мензелинском и Белебеевском уездах Уфимской губернии «волнения... удалось прекратить без крайних мер и перепись, в общем, была окончена своевременно и успешно» лишь благодаря тому, что «в деле этом немалую помощь администрации оказало магометанское духовенство... принимавшее деятельное участие в успокоении и вразумлении своих единоверцев»⁶³.

Серьёзные волнения, охватившие свыше 2000 чел., во время переписи произошли среди рабочих Александровского завода П. П. Демидова и Кизеловского завода, Кизеловских и Губахинских каменноугольных копей княгини Е. Х. Абамелек-Лазаревой в Соликамском уезде Пермской губернии. Они были вызваны «опасением некоторых рабочих о том, что будто бы их будут приписывать к тем местностям, где застанет перепись»⁶⁴.

Выступления рабочих против переписи сочетались с протестом против жестокой эксплуатации рабочих заводоладельцами и их администрацией. Пользуясь темнотой и забитостью рабочих национальных меньшинств (татар, башкир и др.), администрация подвергала их особенно жестокой эксплуатации: заставляла выполнять наиболее грязные и тяжёлые работы, платила ничтожную заработную плату. В имении княгини Абамелек-Лазаревой работало около тысячи татар; большинство их было занято на тяжёлых и вредных для здоровья подземных работах в коях и рудниках.

3 января 1897 г., когда началась подготовка к переписи, все рабочие-татары, работавшие в имении княгини Абамелек-Лазаревой, прекратили работу и «поголовно потребовали расчёта для ухода домой»⁶⁵. Уход татар грозил полной остановкой каменноугольных копей. Администрация забила тревогу. Главноуправляющий Н. А. Пивинский отправил в Петербург князю С. С. Абамелек-Лазареву телеграмму, в которой просил князя обратиться за содействием

⁶¹ Там же.

⁶² Там же. 1898. Д. 44. Л. 16 об.

⁶³ РГИА. Ф. 1263. Оп. 2. 1899. Д. 5391. Л. 570 — 570 об.

⁶⁴ ГАПК. Ф. 36. Оп. 10. 1898. Д. 3. Л. 43 об.

⁶⁵ РГИА. Ф. 880. Оп. 1. 1897. Д. 735. Л. 156.

к министру внутренних дел; сам же он обратился за помощью к пермскому губернатору⁶⁶.

Власти немедленно откликнулись на эти призывы о помощи. 9 января губернатор разрешил провести перепись в имении Абамелек-Лазаревой «по документам», без опроса населения⁶⁷. Кроме того, для «успокоения» рабочих-татар был срочно привезён мулла. Однако обе эти меры не привели к прекращению волнений. Как докладывал управляющий угольными копиями, «мулла, выписанный второпях из Перми, как человек незнакомый, не мог возбудить полного доверия к своим словам, и большинство татар уехали в самое важное для работы время»⁶⁸.

Ввиду ухода рабочих-татар, добыча угля на Княжеских коях сократилась наполовину⁶⁹.

Резко обострилась социальная ситуация в горнозаводских районах в связи с проведением в жизнь закона 19 мая 1893 г. «О завершении поземельного устройства мастеровых и сельских работников посессионных горных заводов в Уральских горнозаводских округах»⁷⁰.

Проведение землеустроительных работ по отграничению наделов, начавшееся в посессионных округах — в 1895 г. в Верхисетском и Сысертском, а в 1896 г. и в других, сопровождалось урезкой земель горнозаводского населения, отводом ему неудобных, худших земель, различными мошенничествами со стороны заводоуправлений. Ссылаясь на присутствие на участке даже незначительного количества поросли или кустарника, заводоуправления объявляли такие участки лесом и требовали сохранения их за собой. «Доверенные заводовладельцев, — свидетельствовали современники, — оспаривали право населения положительно на каждый клоч земли, на каждую поросль, находящуюся на покосах отдельных домохозяев»⁷¹.

Намечаемые к отводу населению наделы значительно отличались от существовавшего фактического землепользования. Так, население Нейво-Шайтанского завода владело 10 571 дес. земли, заводоуправление же соглашалось предоставить ему в надел только 4 945 дес.⁷²

Ввиду того, что закон не определил, на какую душу — наличную или ревизскую — производится отвод выгонов, заводовладельцы решили отводить их на ревизскую душу, хотя со времени последней ревизии (1858 г.) население возросло более чем в два раза.

Горнозаводское население оказало решительное сопротивление проведению в жизнь закона «О завершении землеустройства». Мастеровые и сельские работники созывали самовольные сходы, подавали во все инстанции сотни прошений

⁶⁶ РГИА. Ф. 880. Оп. 1. 1897. Д. 735. Л. 156.

⁶⁷ Там же. Л. 97.

⁶⁸ Там же. Оп. 3. 1897. Д. 27. Л. 132 об.

⁶⁹ Там же. Оп. 1. 1897. Д. 733. Л. 100.

⁷⁰ 3 ПСЗ. Т. XIII. 1893. № 9628.

⁷¹ Урал Северный, Средний и Южный: Справочная книга / Составитель Ф. П. Доброхотов, с участием В. А. Весновского и В. С. Зыбина. Петроград, 1917. С. 173–175.

⁷² РГИА. Ф. 1291. Оп. 3. 1900. Д. 2085. Л. 61.

с просьбами об оставлении за ними земельных участков, не подчиняясь постановлениям межевых чиновников и земских начальников, продолжали самовольно пользоваться отмежеванными от них землями. Заводоуправления составляли сотни протоколов о «самовольных» сенокосениях и порубках⁷³.

Земские начальники по этим протоколам накладывали на рабочих штрафы, сажали «самовольщиков» под арест. Лесная стража жестоко расправлялась с «самовольщиками»: избивала их, сжигала заготовленное ими сено или разбрасывала его по земле, сжигала построенные на покосах балаганы вместе с находившимся в них имуществом, запахивала, т. е. сознательно портила покосы.

Не меньшими жестокостями сопровождалось отбирание имущества за штрафы по исполнительным листам. Полицейские силой врываются в дома, избивали «самовольщиков» и членов их семей, отбирали одежду и домашние вещи, уводили скот, ломали и увозили надворные постройки.

«Если бы начать описывать, как происходило и происходит земельное устройство мастеровых и сельских работников в посессионных горных заводах, — писали журналисты В. А. Весновский и В. С. Зыбин, — ...какую чудовищную массу горя, лишений, обид и страданий пережило и претерпело население; какое огромное количество людей поплатилось ссылками, тюрьмами и арестами; какое невероятное разорение чинилось краю, если бы всё это начать описывать, то получилась бы огромная книга»⁷⁴.

Министр земледелия и государственных имуществ А. С. Ермолов, совершивший в 1895 г. поездку по Уралу, докладывал царю, что на всех без исключения частных заводах он «был буквально завален просьбами, ходатайствами и заявлениями крестьян по их поземельным делам, не взирая на мои указания, что они должны со своими претензиями обращаться к их непосредственному начальству — земским начальникам или в крестьянские учреждения»⁷⁵.

Самовольные сенокосения и порубки в частновладельческих дачах с каждым годом принимали всё более массовый и ожесточённый характер. В Михайловском заводе в 1897 г. было составлено 6 тыс. протоколов на самовольные сенокосения и порубки⁷⁶. В имении графа П. П. Шувалова в 1895 г. было составлено 1717 протоколов о нарушениях лесного устава, в 1896 г. — 1879, в 1897 г. — 2121. Нередко одни и те же лица привлекались за нарушения лесного устава по многу раз. За пять лет в имении Шувалова было возбуждено дел во 2-й раз — на 904 чел., в 3-й раз — на 389 чел., в 4-й раз — на 188, в 5-й — на 112 и т. д.⁷⁷ В Верхнесалдинском заводе с 1 января по 1 октября 1899 г. заводской конторой было составлено 1182 протокола⁷⁸.

⁷³ ГАСО. Ф. 643. Оп. 3. 1899. Д. 2425. Л. 8; и др.

⁷⁴ Урал Северный, Средний и Южный. С. 168.

⁷⁵ Положение рабочих Урала во второй половине XIX — начале XX века. С. 124.

⁷⁶ Корреспонденция из Михайловского завода // Урал (Екатеринбург). 1897. 18 апреля. № 86.

⁷⁷ РГИА. Ф. 1092. Оп. 1. 1898. Д. 1108. Л. 3–10, 12 об.

⁷⁸ ГАСО. Ф. 643. Оп. 3. 1899. Д. 2425. Л. 8.

Широкий размах приобрели порубки населением горнозаводских лесов. В ноябре 1897 г. мастеровые Чёрмозского завода произвели массовую самовольную порубку владельческого леса, вырубив за один день в сосновом бору княгини Абамелек-Лазаревой 400 деревьев⁷⁹.

За четыре года (1895–1898) в посессионных округах Пермской губернии было составлено до 70 тыс. протоколов о «самовольных» порубках и почти столько же — о «самовольном» пользовании пашнями и покосами⁸⁰.

Фактически в конце XIX в. в горнозаводских районах Урала развернулась настоящая широкомасштабная, ожесточённая «аграрная война».

Рабочие во время своих выступлений против властей и горнозаводчиков, в ходе волнений и стачек постоянно, наряду со своими чисто рабочими, пролетарскими требованиями, неизменно выдвигали аграрные требования о предоставлении им земельных участков в собственность или пожизненное бесплатное пользование, освобождении их от платежей, прекращении преследований за «незаконное» пользование землёй и покосами и т. п.

Рабочие Михайловского завода, объявив в 1892 г. забастовку, протестовали против обязанности рубить и доставлять в завод дрова. Крупные волнения в 1893–1894 гг. в Нижнетагильском заводе, подавленные с помощью войск, были направлены против попыток взыскать с рабочих недоимки за пользование земельными наделами. Массовые волнения рабочих на ряде заводов в 1893–1894 гг., в связи с введением расчётных книжек, были вызваны опасением, что взявшие книжки лишатся земельного надела. Рабочие Пожевских заводов в 1895–1896 гг. требовали увеличить заработную плату или отпускать бесплатно лесные материалы⁸¹.

В начале января 1897 г. произошла стачка 50 рабочих кричного цеха в Серебрянском казённом заводе, вызванная остановкой работ из-за отсутствия заказов и нерегулярной подвозки чугуна. Рабочие потребовали расширить работы и увеличить заработную плату. В завод была вызвана полиция, но, несмотря на «вмешательство» полиции, администрации пришлось удовлетворить требования рабочих. Стачка окончилась «весьма скоро и без всяких недоразумений»⁸².

В феврале–марте 1897 г. возобновились волнения рабочих в Златоустовском заводе. 8 февраля 1897 г. состоялось собрание членов «Горнозаводского товарищества» (1500 чел.), которое прошло «весьма шумно, с громкими выражениями неудовольствия со стороны рабочих»⁸³. Рабочие потребовали освобождения от должности председателя горнозаводского приказа помощника Горного начальника Россинского, который грубо обращался с рабочими и старался

⁷⁹ РГИА. Ф. 880. Оп. 1. 1897. Д. 735. Л. 175.

⁸⁰ Урал Северный, Средний и Южный. С. 175.

⁸¹ Гаевлов Д. В. О землепользовании горнозаводских рабочих Урала в конце XIX века // Из истории крестьянства и аграрных отношений на Урале. Свердловск, 1963. С. 109.

⁸² ГАПК. Ф. 162. Оп. 1. 1898. Д. 44. Л. 16 об.

⁸³ ЦГА РБ. Ф. 187. Оп. 1. 1897. Д. 134. Т. 1. Л. 409.

действовать в делах приказа единолично, не считаясь с мнением остальных выборных членов.

При обсуждении годового отчёта рабочие отказались принять на счёт «Горнозаводского товарищества» расход в 300 руб. за печатание расчётных книжек и 1 120 руб. на содержание членов товарищества, получивших болезнь или увечье на заводских работах. Собрание постановило не утверждать отчёт до тех пор, пока заводоуправление не внесёт эти неправильно потраченные суммы в кассу горнозаводского приказа⁸⁴.

Рабочие потребовали бесплатной выдачи расчётных книжек, исключения из условия найма пункта о коллективной ответственности за кражи на заводе, признания заводоуправлением предоставленного Положением 8 марта 1861 г. горнозаводскому приказу права рассмотрения недоразумений и споров между рабочими и заводоуправлением.

Они просили также уменьшить размер погашения ссуд, получаемых ими из горнозаводского приказа; подчинить пенсионный капитал приказа контролю самих рабочих; изменить порядок получения дров, который не позволял своевременно вырубить и вывезти положенные им по Положению 8 марта 1861 г. 5 куб. м дров; заявили жалобу на заводского доктора за небрежное отношение к больным и т. д.

Председательствовавший на собрании Горный начальник В. А. Писарев почувствовал себя дурно и закрыл собрание, назначив новое на 10 февраля. 10 февраля собрание продолжалось под председательством Евглевского и «прошло менее шумно»⁸⁵.

Ввиду того, что администрация отклонила все ходатайства и просьбы рабочих, была послана телеграмма Главному начальнику Уральских горных заводов П. П. Боклевскому следующего содержания: «Общее собрание членов Златоустовского товарищества просит... разъяснить, могут ли они пользоваться правами, предоставленными статьями Положения 8 марта 1881 года»⁸⁶.

12 февраля рабочим была зачитана ответная телеграмма Боклевского, в которой поручалось объявить рабочим, что «такие вопросы неуместны, противозаконны; если выходки продолжатся, то закрою товарищество». Однако далее Боклевский обещал сам приехать в завод и лично разобрать ходатайства рабочих. Пообещал: «Заслуживающие уважения удовлетворю»⁸⁷.

Боклевский приехал в Златоустовский завод 27 марта. Разобрав сущность конфликта между рабочими и заводоуправлением, он вынужден был предложить администрации «придерживаться Высочайше утверждённого Положения 8 марта 1861 года».

⁸⁴ Там же. Л. 410; Письмо из Златоуста // Степной край (г. Омск). 1897. 27 апреля. № 43. С. 4.

⁸⁵ Письмо из Златоуста // Степной край (г. Омск). 1897. 27 апреля. № 43. С. 4; ЦГА РБ. Ф. 187. Оп. 1. 1897. Д. 134. Т. 1. Л. 410 — 410 об.

⁸⁶ ЦГА РБ. Ф. 187. Оп. 1. 1897. Д. 134. Т. 1. Л. 410 об.

⁸⁷ Там же. Л. 414.

Относительно выдвинутых рабочими требований Боклевский объявил депутатам от цехов, что впредь расчётные книжки будут выдаваться рабочим бесплатно; пункт условий найма, устанавливающий коллективную ответственность рабочих за заводское имущество, согласился изменить таким образом, чтобы рабочие отвечали лишь за имущество, находившееся у них на руках, но не за то, которое находится в закрытых помещениях и кладовых; согласился, чтобы земская дорожная повинность уплачивалась заводоуправлением, и распорядился для этой цели дополнительно выплачивать каждому рабочему в год по 24 коп.; согласился, чтобы дежурство по заводу или цеху оплачивалось, так же и работа по поднятию и опусканию запоров у плотины, чтобы подённая плата за праздничные дни была на 50 % выше обычной; обещал позаботиться об открытии школ для детей рабочих.

Требования рабочих о повышении подённой и сдельной заработной платы рабочих «до более нормального уровня, при котором возможно было для рабочего более или менее сносное удовлетворение своих потребностей и вообще существование по-человечески» и о рассмотрении всех недоразумений и споров между рабочими и заводоуправлением горнозаводским приказом были Боклевским решительно отклонены. Им были отклонены также требования рабочих о лечении семейств членов горнозаводского товарищества за заводской счёт, об отводе рабочим покосов, о возвращении рабочим при увольнении с завода их взносов в кассу товарищества⁸⁸.

Уральское горное правление, встретив организованное и упорное движение рабочих, вынуждено было пойти на уступки по второстепенным вопросам, но отклонило главные требования рабочих — о повышении заработной платы и об участии горнозаводского приказа в рассмотрении конфликтов между рабочими и заводоуправлением.

Мизерные уступки не удовлетворили рабочих. Принятые Боклевским меры, доносил начальник Уфимского губернского жандармского управления в Департамент полиции, «временно успокоили заводских рабочих, хотя, по слухам, вполне не удовлетворяют их претензий»⁸⁹. Борьба рабочих с заводоуправлением продолжалась.

Из Златоустовского завода волнения перекинулись в соседний казённый Кусинский завод. Как установили жандармы, в последних числах октября или в первых числах ноября 1896 г. рабочим Кусинского завода П. Шереметьевым была получена в г. Златоусте от какого-то мастера-«уральца» (т. е. выпускника Уральского горного училища) «Выписка прав, предоставленных горнозаводским мастерам по Положению 8 марта 1861 года». Правда, сам Шереметьев на допросе не подтвердил этот факт, а заявил, что осенью 1896 г. «подъехал к его

⁸⁸ Письмо из Златоуста // Степной край (г. Омск). 1897. 23 и 25 апреля. №41 и 42; ЦГА РБ. Ф. 187. Оп. 1. 1897. Д. 134. Т. 1. Л. 421 — 421 об.; ГАСО. Ф. 24. Оп. 18. Д. 4972. 1897. Л. 75–76.

⁸⁹ ЦГА РБ. Ф. 187. Оп. 1. 1897. Д. 134. Т. 1. Л. 423.

дому человек, назвавший себя златоустовским жителем, и передал ему эту выписку и сказал... «вот вам правило хлопотать по этой бумаге пенсию», а сам поехал, но Шереметьев этого человека нигде не видал и не знает»⁹⁰.

Полученная из Златоуста «Выписка» взбудоражила кусинских рабочих. С этой «выписки» рабочими в первых числах января 1897 г. было написано от имени членов общества заявление и подано управителю завода, в котором рабочие указывали на нарушения заводоуправлением Положения 8 марта 1861 г. Заводоуправление никак не реагировало на это заявление. Возбуждение рабочих росло и вылилось в открытое выступление.

16 февраля 1897 г. на собрании членов «Горнозаводского товарищества» Кусинского завода рабочие «стали уличать» лесничего Шахурина в том, что он отводит им лесные участки очень далеко, за 25 вёрст, и в очень неудобных местах — на горе, куда невозможно въехать на лошади, или в болотистых местах; запрещает возить из лесу сухостойные и гнилые дрова, задерживает их с этими дровами и штрафует или сажает под арест, и потребовали отстранения его от должности. Управитель завода обещал отвести участки для рубки дров в более удобных местах и ближе расположенных к заводу, а также разрешил возить беспрепятственно сухостойные дрова, чем и успокоил рабочих⁹¹.

Очень остро развернулась борьба рабочих с заводской администрацией на соседних Катавских заводах князей Белосельских-Белозерских.

В Катав-Ивановском заводе недовольство рабочих было вызвано большой безработицей в заводе, низкой заработной платой, притеснениями и жестоким обращением мастеров и управителя завода. Управитель завода Гринберг обращался с рабочими исключительно грубо, часто бил их тростью; за малейшую провинность и даже за то, что при встрече с ним рабочий по рассеянности не снял шапку, — увольнял с работы.

Гринберг обязал рабочих за бесценок возить в завод дрова; назначил для каждого рабочего норму вывоза рельсов на станцию, даже для тех, которые не имели лошадей, и из боязни, чтобы их не прогнали с работы, безлошадные рабочие должны были нанимать за себя подрядчиков, добавляя им от себя по 50 коп. — 1 руб. С неработающих на заводе взыскивались деньги за топливо и за выгон скота. За работу в праздничные дни Гринберг стал рассчитывать как за обыкновенные дни, тогда как раньше платили полуторную плату⁹².

20 апреля 1897 г. рабочие рельсопрокатного цеха Катав-Ивановского завода (около 150 чел.), придя на работу, узнали, что их подённая плата уменьшена на 20 коп. Рабочие отказались приступить к работе и послали мальчиков сообщить об этом рабочим других цехов. Рабочих рельсопрокатного цеха поддержали рабочие бессемеровского, мартеновского, малопрокатного, токарного и других

⁹⁰ Там же. Л. 417 об. — 418.

⁹¹ Там же. Л. 416 — 417 об.

⁹² Металлисты Урала накануне и в период 1905 года. С. 54–55; ЦГА РБ. Ф. 187. Оп. 1. 1897. Д. 560. Л. 14–16.

цехов, которые тоже бросили работу и присоединились к забастовавшим. Забастовал весь завод, на котором работало 2 200 чел., за исключением доменного цеха, рабочие которого продолжали работать⁹³. На сельском сходе рабочие потребовали на него земского начальника и заявили ему жалобы на снижение заработной платы и грубость управителя Гринберга.

На другой день, 21 апреля, когда Гринберг шёл в завод, у проходной его встретила толпа рабочих рельсопрокатного цеха в количестве около 40 чел., которые стали просить рассчитать их за праздничные дни полуторной платой. Гринберг отказал им в этом, заявив: «убирайтесь к чёрту, на ваше место будет много рабочих!», а затем по привычке ткнул железной тростью одного из рабочих, чтобы дали ему путь для прохода. Но тут кто-то из рабочих вырвал у него из рук трость, и этой тростью рабочие стали избивать Гринберга, последний бросился в проходную, но его настигли, смяли и продолжали избивать руками.

Затем толпа постепенно увеличивалась и направилась к дому управляющего заводами, где снова предъявила свои жалобы и требования вышедшим к ним управляющему заводами Фигнеру, его помощнику Тенчинскому, бухгалтеру Плевинскому и земскому начальнику Шеховскому. Управляющий заводами согласился выплачивать заработную плату по-старому, но отказался уволить Гринберга. Возмущённые рабочие тут же отправились толпой и послали телеграмму губернатору, требуя его приезда в завод⁹⁴.

Руководителями рабочих были уволенные с работы рабочие Я. М. Полушкин, К. Н. Больщиков и И. П. Горбунов, которые собирали рабочих вокруг себя, ходили по домам, уговаривая рабочих не сдаваться, настаивать на своих требованиях. Губернатор доносил: «...были моменты, когда рабочие готовы были приступить к работам, но достаточно было нескольких слов со стороны Полушкина, чтобы заставить их вновь упротствовать»⁹⁵.

23 апреля был созван новый сельский сход, на котором окружной инженер в присутствии исправника, земского начальника, жандармского офицера и станового пристава пытался уговорить рабочих прекратить стачку и приступить к работе, но его уговоры успеха не имели. Высказав свои жалобы и «неудовольствия», рабочие снова решительно потребовали освобождения Гринберга от должности управителя, заявляя, что «Гринберг не переменится», а затем с криками разошлись со схода⁹⁶.

25 апреля вечером в завод приехал губернатор в сопровождении товарища прокурора и следователя по важнейшим делам. Выслушав жалобы уполномоченных рабочих, губернатор с согласия управителя заводов объявил, что заработная плата рабочих будет оставлена в прежнем размере, а Гринберг временно

⁹³ ГАРФ. Ф. 102. 2 дел-во. 1897. Д. 15. Ч. 5. Л. 16–19; ГАСО. Ф. 24. Оп. 20. Д. 694. 1897. Л. 20–24; ЦГИА РБ. Ф. 187. Оп. 1. 1897. Д. 560. Л. 12, 160.

⁹⁴ ЦГА РБ. Ф. 187. Оп. 1. 1897. Д. 560. Л. 2–3, 12 об., 14 об. — 15.

⁹⁵ Там же. Л. 2 об.

⁹⁶ Металлисты Урала накануне и в период 1905 года. С. 54; ЦГА РБ. Ф. 187. Оп. 1. 1897. Д. 560. Л. 19; ГАСО. Ф. 24. Оп. 20. Д. 694. 1897. Л. 20–24.

отстранён от управления заводом. Губернатор разъяснил уполномоченным рабочим «незаконность их требования удаления Гринберга и самовольного прекращения работ», их «отношение к заводууправлению по вопросам, касающимся обеспечения работой и снабжения населения провиантом, топливом и угольями». Успокоенные обещаниями губернатора, 26 апреля утром рабочие всех цехов приступили к работе⁹⁷.

Стачка рабочих, продолжавшаяся 5 дней, окончилась победой рабочих, но она была временной и неустойчивой. Власти, немного выждав, учинили над рабочими расправу. 12 мая И. П. Горбунов, Я. и М. Полушкины, К. Н. Большиков и И. С. Киселёв как «подстрекатели», оказывающие «на население вредное влияние», были арестованы и отправлены в тюрьму. Позднее по распоряжению министра внутренних дел Я. Полушкин, К. Н. Большиков, И. П. Горбунов и И. С. Киселёв были отправлены на два года в ссылку⁹⁸.

Стачка катав-ивановских рабочих оказала воздействие на рабочих соседнего Усть-Катавского завода, где тоже произошла забастовка. «Забастовка на этом заводе, — доносил окружной инженер Зеленцов Главному начальнику Уральских горных заводов, — ...в значительной степени может быть названа отголоском и вызвана примером беспорядков в Катавском заводе»⁹⁹.

Положение рабочих Усть-Катавского завода было очень тяжёлым. В заводе существовала большая безработица, заработная плата была низкой, администрация всячески притесняла рабочих. Чтобы получить право бесплатного пользования топливом, каждый рабочий должен был отработать на заводе в году не менее 150 смен, а в случае невыполнения этой нормы — за каждые недостающие 10 дней должен нарубить одну куренную сажень дров. Рабочие, не выполнившие этих условий, даже не по своей вине, не имевшие возможности вследствие безработицы отработать в заводе положенное число подёнщин или не нарубившие известного количества дров, — лишались права бесплатного пользования топливом, ремонтного леса и земельных угодий¹⁰⁰.

Волнения в Усть-Катавском заводе начались 26 апреля 1897 г. Поводом для них послужили катастрофа на заводском пароме во время переправы через р. Юрюзань, которая произошла из-за ветхости и неисправности парома и сопровождалась человеческими жертвами, и известия о забастовке на Катав-Ивановском заводе. Рабочие высказывали своё возмущение и угрожали побоями плотинному М. С. Скрыбенскому, который держал паром в аренде, но не делал его ремонта. На следующий день волнение переросло в стихийную стачку¹⁰¹.

⁹⁷ Металлисты Урала накануне и в период 1905 года. С. 55.

⁹⁸ ГАРФ. Ф. 124. Оп. 7. 1897. Д. 145. Л. 11; ЦГА РБ. Ф. 187. Оп. 1. 1897. Д. 560. Л. 30.

⁹⁹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 20. Д. 691. 1897. Л. 27 об. — 28; Металлисты Урала накануне и в период 1905 года. С. 59.

¹⁰⁰ ЦГА РБ. Ф. 187. Оп. 1. 1897. Д. 560. Л. 12 об. — 13, 19 об., 22 об.

¹⁰¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 20. Д. 691. 1897. Л. 29–30; Металлисты Урала накануне и в период 1905 года. С. 58.

27 апреля утром, явившись на работу, рабочие отказались работать на прежних условиях. Они избили «за строгий дозор» двух сторожей, затем вышли из завода и все толпой человек до 400 направились к дому служащего конторы С. А. Сутягина, чтобы побить его и разгромить его дом, но увидели на плотине арендатора парома плотинного М. С. Скрябенского, задержали его и, столкнув по каменной лестнице вниз к реке, избили.

На другой день, утром 28 апреля, собравшись в заводе, рабочие к работе не приступали и стали стовариваться, чтобы просить увеличения заработной платы и заявить губернатору жалобу на то, что с неработающих на заводе взыскивают плату за топливо и за выгон скота¹⁰².

В этот же день, 28 апреля, в завод приехал уфимский губернатор. Рабочие подали ему прошение, в котором жаловались на притеснения заводской администрации, требовали увеличения заработной платы и увольнения управителя завода Жуковского и служащего Сутягина. Рабочие заявляли, что по истечении двух недель, которые они обязаны отработать согласно условий найма, за прежнюю плату они работать не будут. В завод был вызван усиленный наряд полиции, и в ночь на 29 апреля «подстрекатели» Н. С. Гнусарев, И. Е. Кулагин и И. Д. Кондрин по распоряжению губернатора были арестованы и отправлены в уфимскую тюрьму¹⁰³.

Трёхдневная стихийная, неорганизованная забастовка усть-катавских рабочих кончилась их поражением. 29 апреля работы в заводе возобновились на прежних условиях; наиболее активные участники стачки и волнений были отданы под суд. Приговором городского съезда семеро рабочих были приговорены к аресту на 3 месяца и пятеро к аресту на две недели. Приговор этот был обжалован уездному съезду, который одного из подсудимых оправдал, пятерых приговорил к аресту на 3 месяца и четверых — к аресту на 2 недели. По отбытии тюремного заключения Н. С. Гнусарев, И. Е. Кулагин и И. Д. Кондрин по распоряжению министра внутренних дел были отправлены в ссылку на два года¹⁰⁴.

Стачки на Катавских заводах ярко демонстрируют характерную особенность стачечной волны 1895–1897 гг. Начавшись на одном заводе, стачка обычно вызывала выступления рабочих на соседних заводах. Вместе с тем стачки на Катавских заводах были стихийными, неорганизованными, сопровождались элементами бунтарства (избиение управителя завода, служащих, сторожей и т. д.). Рабочие действовали недостаточно дружно, сплочённо. В Усть-Катавском заводе после ареста Н. С. Гнусарева, И. Е. Кулагина и И. Д. Кондрина часть рабочих стояла за то, чтобы продолжать стачку и добиваться освобождения арестованных руководителей стачки, но остальные рабочие отказались поддержать их, говоря,

¹⁰² ГАРФ. Ф. 102. 2 дел-во. 1897. Д. 15. Ч. 5. Л. 14, 30; РГИА. Ф. 1405. Оп. 530. Д. 1059. Л. 28; ГАСО. Ф. 24. Оп. 20. Д. 691. Л. 27 об. — 28; Оп. 16. 1897. Д. 1038. Л. 5 — 5 об.; Урал (г. Екатеринбург). 1897. Август. № 174; Металлисты Урала накануне и в период 1905 г. С. 58.

¹⁰³ ЦГА РБ. Ф. 187. Оп. 1. 1897. Д. 560. Л. 3, 19 об. — 20; ГАРФ. Ф. 102. 2 дел-во. 1897. Д. 15. Ч. 1. Л. 19–21.

¹⁰⁴ Металлисты Урала накануне и в период 1905 года. С. 59.

«что о них хлопотать, они сами начали и нас смутили волноваться, так пушай сами и оправдываются»¹⁰⁵.

Весной и летом 1897 г. продолжались стачечные выступления рабочих в Пермской и Вятской губерниях. 13–14 мая 1897 г., в течение двух дней, бастовали 60 рабочих сварочных печей Верхнесалдинского завода в Верхотурском уезде Пермской губернии, требовавшие выплатить задержанную им зарплату. Требование рабочих было удовлетворено¹⁰⁶.

27–29 мая 1897 г. бастовали 500 рабочих на строительстве Пермь-Котласской железной дороги в Вятской губернии, выступавших против невыполнения подрядчиками условий найма, тяжёлых условий труда и его низкой оплаты. При вербовке им обещали тёплые бараки для жилья, хороший заработок и даже «квасок вволю во время работы». На деле работать пришлось в болотистом грунте, зарплата была в 2 раза меньше обещанной. Рабочие потребовали выполнения даваемых им обещаний, улучшения жилищных условий, повышения расценок. 27 мая рабочие не вышли на работу и выставили свои требования. Подрядчики отказались их выполнить. Получив отказ, большинство рабочих ушло со строительства. По распоряжению губернатора у моста через Вятку были выставлены полицейские кордоны, которые стали возвращать ушедших обратно на строительные участки¹⁰⁷.

Летом 1897 г. волнения охватили наиболее отсталый слой уральского пролетариата — рабочих торфяных промыслов. Торфяные рабочие подвергались исключительно жестокой, бесчеловечной эксплуатации. Рабочий день на торфяниках продолжался не менее 14 часов, а сама работа была очень тяжёлой и грязной. Заработная плата была ничтожной. Жили рабочие в шалашах и землянках, в страшной тесноте и грязи. На них всегда была сплошная кора грязи, а тело покрыто какими-нибудь накожными болезнями¹⁰⁸.

Однако и среди торфяных рабочих, этих «современных илотов»*, отброшенных чуть ли не к первобытному состоянию, росло чувство протеста против жестокой эксплуатации. 10 июня 1897 г. 400 торфяных рабочих, работавших на болоте близ Нижнетагильского завода в Верхотурском уезде Пермской губернии, возмущённые невыдачей им заработной платы за две недели, «всем скопом» отправились с жалобой к земскому начальнику. Коллективное выступление рабочих настолько напугало власти и подрядчика, что уже на следующий день зарплата рабочим была выдана¹⁰⁹.

¹⁰⁵ ЦГА РБ. Ф. 187. Оп. 1. 1897. Д. 560. Л. 20 об.

¹⁰⁶ ГАПК. Ф. 162. Оп. 1. 1898. Д. 44. Л. 22 — 22 об.

¹⁰⁷ Очерки истории Кировской организации КПСС. Киров, 1965. Ч. 1. С. 32–33; *Наймущин В. В.* Рабочее движение в Вятской губернии в конце XIX — начале XX века // Из истории рабочего класса Урала. Сб. статей. Пермь, 1961. С. 247.

¹⁰⁸ Торфяной промысел на Урале // Урал (г. Екатеринбург). 1897. 29 августа. № 191.

* Илоты — бесправное, низшее сословие в античной Спарте.

¹⁰⁹ ГАПК. Ф. 162. Оп. 1. 1897. Д. 44. Л. 22 — 22 об.

Активно включился в стачечную борьбу городской пролетариат. В сентябре 1897 г. произошли две стачки рабочих на промышленных предприятиях г. Екатеринбурга — фабрике Злоказовых и заводе Ятеса.

Екатеринбург, являвшийся административным центром уральской горной промышленности, представлял значительный торгово-промышленный и культурный центр края.

В конце 1890-х гг. в городе находилось 19 фабрик и заводов и 321 ремесленное заведение. В Екатеринбурге имелось более 3 тыс. промышленных рабочих, из них в заведениях фабрично-заводской промышленности с числом рабочих более 100 чел. было занято 2 137 чел. Наиболее крупными предприятиями в городе были: суконная фабрика братьев Злоказовых (597 рабочих), льнопрядильно-ткацкая фабрика братьев Макаровых (483 чел.), спичечная фабрика Ворожцова и Логинова (446 чел.), чугунолитейный и механический завод Ятеса (302 чел.). В железнодорожных мастерских Пермь-Тюменской железной дороги работали 350–600 рабочих. Около 3 тыс. чел. были заняты в мелких кустарных заведениях.

Рядом с городом был расположен Верхисетский металлургический завод (ВИЗ), на котором трудились 3 932 чел., в т.ч. в черте заводской ограды 1 656 чел., на вспомогательных работах — 2 276 чел. На расположенных близ Екатеринбурга Берёзовских золотых приисках были заняты 2 543 чел. Неподалёку находились в с. Арамильском — Знаменская суконная фабрика братьев Злоказовых (445 чел.), льнопрядильно-ткацкие фабрики купца Жириякова в деревнях Черноусовой (376 чел.) и Колюткиной (280 чел.), в с. Камышенском — Крестовоздвиженская суконная фабрика купца Ушакова (120 чел.), стекольный и винокурный заводы, несколько больших мельниц (от 35 до 80 рабочих).

Всего в Екатеринбурге и его окрестностях только на предприятиях, насчитывавших 100 и более рабочих, трудилось более 10 тыс. чел.¹¹⁰ Высокая концентрация рабочих в городе и его окрестностях способствовала росту их организованности и сплочённости, облегчала развёртывание среди них социал-демократической пропаганды и агитации.

Положение екатеринбургских городских и фабричных рабочих было исключительно тяжёлое. Рабочий день продолжался 10–12 часов, заработная плата была низкой. Жили рабочие в тесных и грязных казармах и каморках, плохо питались, часто болели. Среди ткачей свирепствовал туберкулез, который ещё молодыми сводил их в могилу¹¹¹.

2 сентября 1897 г. рабочим стригального отделения суконной фабрики Злоказовых было объявлено, что подённая плата с 40 коп. снижается до 30 коп. Это известие вызвало среди рабочих большое возмущение, и 9 рабочих тотчас

¹¹⁰ Список фабрик и заводов Европейской России. СПб., 1903. С. 62–744; Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1900 г. СПб., 1903. С. 29, 35; ГАПК. Оп. 10. 1898. Д. 3. Л. 17–20, 41–42; РГИА. Ф. 48. Оп. 1. 1904. Д. 227. Л. 248.

¹¹¹ Очерки истории Свердловска. Свердловск, 1958. С. 101, 112–113; Искра (Женева). 1903. 22 октября. № 51; Города России в 1904 году. СПб., 1906. С. 195.

же бросили работу, возбудив «волнение» также и среди женщин, работавших в стригальном отделении и на секретях.

Это фактически вызвало остановку всей фабрики с 800 рабочими. Инициаторы стачки — 9 рабочих — отправились с жалобой к фабричному инспектору и заявили ему протест против нарушения администрацией условий найма. Однако фабричный инспектор нашёл, что администрация поступила «вполне законно», и предложил всем недовольным взять расчёт. После четырёхдневной остановки фабрики 5 сентября рабочие вернулись на работу¹¹².

9 сентября 1897 г. объявили забастовку 25 рабочих слесарного и токарного цехов машиностроительного и чугунолитейного завода Ятеса. Рабочие требовали выдать по 30 руб., обещанных администрацией при найме их на работу в Перми. Администрация отказалась удовлетворить требование рабочих, двое из них вернулись в Пермь, а остальные 11 сентября приступили к работе¹¹³.

Обе эти стачки были стихийными, экономическими, число их участников было невелико. Но они знаменовали переход пролетариата крупнейшего промышленного центра Урала — Екатеринбурга — к систематической стачечной борьбе с предпринимателями.

15–16 сентября 1897 г. происходили стачка и волнения рабочих Нижнетагильского Медного рудника, вызванные временным прекращением работ. Рабочие толпой в 600 человек отправились к управителю и добились возобновления работ в руднике¹¹⁴.

В 1897 г. острая борьба между рабочими и заводской администрацией, принявшая характер открытой классовой борьбы, развернулась на Златоустовском заводе. Особенностью рабочего движения в Златоустовском заводе было то, что борьбу рабочих возглавила социал-демократическая организация, была принята первая на Урале попытка соединения рабочего движения с социализмом.

Нелегальный революционный кружок социал-демократического направления в Златоусте возник в 1896–1897 гг. Точных данных о времени его возникновения нет. Сведения о возникновении кружка и начале его деятельности противоречивы. По воспоминаниям П. И. Земскова, «в Златоусте с 1896 года организовалась заводская ячейка, которая жила, развивалась и намечала план работы», ввела у себя небольшие членские взносы¹¹⁵.

По воспоминаниям В. Г. Рогожникова, «весной же 1897 года была выделена группа наиболее сознательных рабочих и служащих для связи с другими организациями и более широкой работы», в которую вошли мастера А. С. Тютев, Д. С. Тютев, П. И. Земсков, В. Г. Рогожников, В. А. и П. А. Авладеевы и рабочие Е. Е. Кондратьев, И. Д. Плечев, М. А. Гордеев, т. е. лишь с этого времени

¹¹² РГИА. Ф. 23. Оп. 30. 1897. Д. 61. Л. 6 — 6 об.

¹¹³ Там же. Л. 6 об. — 7 об.

¹¹⁴ ГАПК. Ф. 162. Оп. 1. 1897. Д. 44. Л. 22.

¹¹⁵ Воспоминания П. И. Земскова // ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. 1924. Д. 1634. Л. 2.

деятельность златоустовских революционеров приняла организованный и планомерный характер¹¹⁶.

По сведениям Приложения к мандату Уральской группы социал-демократов, присланному группе «Освобождение труда» в 1900 г., «организационное оформление» социал-демократической группы в Златоустовском заводе произошло ещё позже, в конце 1897 г.¹¹⁷ Весной 1897 г., как свидетельствует в своих воспоминаниях В. Г. Рогожников, златоустовцы установили связь с Челябинским революционным кружком¹¹⁸.

Сведения о времени возникновения, составе и политической направленности Челябинского кружка тоже очень противоречивы. И. И. Годлевский, один из наиболее активных членов этого кружка, в своих воспоминаниях пишет, что «зимой 1896 года в Челябинске, на службе управления постройки Сибирской железной дороги, собралась группа лиц, так или иначе прикосновенных к разным революционным течениям (землевольтцы, народовольцы, марксисты)»¹¹⁹.

Эту дату обычно истолковывают как образование в 1896 г. в Челябинске «Уральского рабочего союза»¹²⁰. Но Годлевский этого не утверждал, да и странно предположить, что группа из интеллигентов, да ещё и разных политических направлений — землевольтцев, народовольцев, могла присвоить себе название «рабочего союза».

В воспоминаниях И. И. Годлевского «Уральский рабочий союз» начинает фигурировать лишь в конце 1897 г. На основании его воспоминаний можно лишь утверждать, что в 1896 г. в Челябинске возник революционный кружок, организационно, по-видимому, ещё не оформленный («собралась группа лиц»). Нам неизвестно, как этот кружок назывался. Но трудно предположить, чтобы этот чисто интеллигентский кружок, не ставящий перед собой каких-либо пролетарских целей, не связанный с рабочими, принял уже при своём возникновении название «Уральский рабочий союз». Кроме того, нельзя не принять во внимание, что название «Союз» должно было означать объединение каких-то кружков и такое название не могла принять на себя небольшая «группа лиц». Совершенно очевидно, что «Уральский рабочий союз» и его название возникли позже.

Политическая направленность Челябинского кружка точно не выяснена. Утверждения некоторых советских авторов и официальных партийных изданий того времени, что это был марксистский кружок, не подкреплены никакими

¹¹⁶ Воспоминания В. Г. Рогожникова // ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. 1924. Д. 2118. Л. 3.

¹¹⁷ Исторический архив. М., 1955. № 6. С. 6.

¹¹⁸ ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. 1924. Д. 2118. Л. 3.

¹¹⁹ Годлевский И. И. Из воспоминаний о первом Уральском рабочем союзе // Каторга и ссылка. М., 1928. № 8–9. С. 56.

¹²⁰ Очерки истории Челябинской областной партийной организации. 1917–1967. Челябинск, 1967. С. 32–33; Очерки истории большевистских организаций Южного Урала. 1883–1917. Челябинск, 1972. С. 52; Рыжиков А. С. Уральский рабочий союз. 1896–1899. Челябинск, 1967. С. 32–33; Матушкин П. Г. Ленин об Урале: Исторический очерк. Челябинск, 1969. С. 55.

фактами¹²¹. Заслуживает серьёзного внимания указание, что кружок, или по крайней мере часть участников кружка, в то время и позже придерживались программы партии «Народное право»¹²². В пользу этого говорит и его разношёрстный состав, и оговорённое при установлении контактов с Златоустовским кружком право распространять литературу «разных революционных изданий, без различия партий».

Судя по воспоминаниям И. И. Годлевского, Челябинский кружок не проявлял какой-либо активности вплоть до весны 1897 г., когда он через В. Г. Рогожников и А. С. Тютёва вошёл «в связь с Златоустовской рабочей организацией» и помог ей опубликовать в газете «Степной край», издававшейся в г. Омске, несколько статей, рассказывавших о борьбе златоустовских рабочих с заводоуправлением.

Удачная стачка 15 октября 1896 г. и успешная борьба с заводоуправлением в «Горнозаводском товариществе» показали силу коллективных выступлений рабочих, подняли их настроение, воодушевили на дальнейшую борьбу за свои права, за улучшение материального положения. Заведующий прокатными цехами В. А. Пшеничнов сообщал, что «за последнее время (год, полтора)» рабочие Златоустовского завода стали «в высшей степени требовательными и слишком надеющимися (по многим понятным и всем очевидным причинам) на силу всей массы рабочих... и при всяком случае делали те или другие попытки, часто в угрожающей стачками форме, добиться новых увеличений в платах, уменьшения числа рабочих часов и т. д.»¹²³.

Наиболее активно выступили рабочие Большого прокатного цеха. Рабочий день в цехе продолжался 12 часов, «работа... была, — отмечал и. д. судебного следователя 1-го участка Златоустовского уезда Гульдман, — тяжёлая, огневая, невыносимая, а заработок, несмотря на это, был крайне незначителен и сам по себе, и по сравнению с заработками других цехов завода»¹²⁴.

28 апреля 1897 г. рабочие Большого прокатного цеха отказались от работы, потребовав установления для них 8-часового рабочего дня и увеличения заработной платы, введения гарантированного минимума подённой заработной платы в 50 коп.¹²⁵

Переговоры между рабочими и администрацией длились с 6 до 10 часов утра. Управитель завода Евглевский уже склонялся удовлетворить требования рабочих, но заведующий прокатными цехами В. А. Пшеничнов «запротестовал против какого бы то ни было компромисса, настаивая при этом на самом радикальном... средстве покончить все возникшие недоразумения с рабочими остановкой

¹²¹ Рыжиков А. С. Уральский рабочий союз. С. 32; и др.

¹²² Задачи агитации на Урале // Искра (Женева). 1903. 1 августа. № 45.

¹²³ ЦГА РБ. Ф. 187. Оп. 1. 1897. Д. 136. Л. 33 об.

¹²⁴ Там же. Л. 108 — 108 об.

¹²⁵ Корреспонденция из Златоуста // Степной край (г. Омск). 1897. 9 мая. № 48; ЦГА РБ. Ф. 187. Оп. 1. 1897. Д. 136. Л. 8.

фабрики с прекращением работ в течение двух дней, после которых рабочие откажутся от своих претензий»¹²⁶.

Однако Евглевский отклонил вариант «радикального средства» и решил пойти на уступки. Всем рабочим цеха подённая заработная плата была повышена на 5 коп., т. е. на 6–10 %, а двум рабочим — варовщикам у газовой печи — на 10 коп. (17 %). В среднем по цеху подённая заработная плата была увеличена на 9,2 %¹²⁷. Число рабочих в цехе было увеличено на восемь человек. Добившись этих уступок, рабочие согласились снова приступить к работе¹²⁸.

Уступки, сделанные администрацией, были очень небольшими. «Заводоуправление, — писал и. д. судебного следователя 1-го участка Златоустовского уезда Гульдман, — ...предприняло паллиативную меру, сделав незначительную надбавку к плате и увеличив число рабочих в цехе на восемь человек, окончательного же урегулирования поднятого рабочими вопроса о количестве работы и о плате за неё так и не было сделано»¹²⁹. Уступки не удовлетворили рабочих, которые хотя и продолжали работать, но заявляли, что «посмотрят, что выйдет из данной им надбавки»¹³⁰.

Кратковременная, но успешная стачка рабочих Большого прокатного цеха оказала влияние на рабочих других цехов. В половине мая 1897 г. рабочие пудлингового цеха отказались работать на старых условиях и тоже потребовали введения 8-часового рабочего дня и увеличения сдельных и подённых плат. Однако когда они узнали, что заводоуправление не только отказало в их требовании, но и, ввиду невыгодности пудлингового производства, намерено даже закрыть пудлинговый цех, они не стали настаивать на своих требованиях и продолжали работать на старых условиях¹³¹.

Успешная стачка рабочих Большого прокатного цеха и сочувственные отклики на неё со стороны рабочих других цехов активизировали деятельность складывающейся в Златоустовском заводе нелегальной революционной группы. Через члена челябинской группы А. А. Белякова златоустовцам удалось опубликовать в омской газете «Степной край» корреспонденцию с описанием стачки рабочих Большого прокатного цеха и большую статью, в которой рассказывалось о борьбе рабочих Златоустовского завода с заводоуправлением в «Горнозаводском товариществе»¹³².

Получив вместо гонорара несколько сот номеров газеты, златоустовцы разослали их по различным уральским заводам. Благодаря этому сведения о забастовке златоустовских рабочих и об их упорной борьбе за свои права и улучшение

¹²⁶ Корреспонденция из Златоуста // Степной край (г. Омск). 1897. 9 мая. № 48.

¹²⁷ ЦГА РБ. Ф. 187. Оп. 1. 1897. Д. 136. Л. 47, 50 об.

¹²⁸ Корреспонденция из Златоуста // Степной край (г. Омск). 1897. 9 мая. № 48.

¹²⁹ ЦГА РБ. Ф. 187. Оп. 1. 1897. Д. 136. Л. 106.

¹³⁰ Там же. Л. 10.

¹³¹ Там же. Л. 37.

¹³² Письмо из Златоуста // Степной край (г. Омск). 1897. 25 и 27 апреля. № 42 и 43; Корреспонденция из Златоуста // 9 мая. № 48.

материального положения в «Горнозаводском товариществе» широко разнеслись по всему Уралу¹³³.

Опубликование статей и массовая рассылка газеты, по воспоминаниям И. И. Годлевского, «взбудоражила стоячее болото» и «работа закипела»¹³⁴.

В мае 1897 г., как утверждает И. И. Годлевский, златоустовцы «тесно вошли в контакт с челябинской группой. Состоялся небольшой съезд», точнее сказать — встреча и переговоры представителей двух групп, на которой был выработан план дальнейшей работы¹³⁵.

Челябинская группа «взяла на себя организацию правильной доставки из-за границы и центра литературы разных революционных изданий, без различия партий, издание прокламаций по вопросам экономического и политического положения уральского рабочего, организацию нелегальной типографии, посылку особых агитаторов на заводы, рудники и промыслы по требованиям с мест»¹³⁶.

Из этого можно сделать вывод, что организационного объединения челябинской группы и златоустовцев пока ещё не произошло — договорившись о совместных действиях и распределив между собой обязанности, обе группы сохранили свою самостоятельность, причём челябинцы, как это видно из содержания их соглашения, остались на народоправческих позициях (что наглядно проявилось в оговоренном ими условии о распространении литературы «разных революционных изданий, без различия партий»).

Златоустовская группа усилила свою пропагандистскую и агитационную деятельность среди рабочих. В мае–июне 1897 г., как доносил в Департамент полиции начальник Уфимского губернского жандармского управления, «на внутренних стенах и других укромных углах заводских зданий появлялись надписи, возбуждающие рабочих к предъявлению своих требований массовыми забастовками», сопровождавшиеся девизом: «Рабочие всех стран, соединяйтесь!»¹³⁷

Будучи вынужденной уступить рабочим Большого прокатного цеха, согласившись увеличить им подённую плату, администрация, как показали дальнейшие события, действовала неискренне, и в действительности вовсе не хотела повышать заработную плату рабочих: она стала рассчитывать рабочих не по подённой, а по сдельной плате, которая оказалась ниже; прибегла к различным ухищрениям, чтобы не допустить повышения заработной платы рабочих.

В июне 1897 г. из-за отсутствия в заводе соответствующего металла рабочим Большого прокатного цеха пришлось выполнять более тяжёлую и сложную работу: вместо прокатки болванок в 8–10 пудов прокатывать болванки весом в 25 пудов, прокатывать пакеты пудлингового железа, стаканчики для шрапнелей, но всю эту работу им зачли за прокатку обыкновенной болванки, и поэтому

¹³³ Годлевский И. И. Из воспоминаний о первом Уральском рабочем союзе. С. 56–58.

¹³⁴ Там же. С. 57.

¹³⁵ ЦДОСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 1510. Л. 3.

¹³⁶ Годлевский И. И. Из воспоминаний о первом Уральском рабочем союзе. С. 57.

¹³⁷ ГАРФ. Ф. 102. 3 дел-во. 1896. Оп. 94. Д. 606. Ч. 3. Л. 309 – 309 об.

«сдельная и, конечно, более выгодная прежде для них плата оказалась ниже по-
дённой»¹³⁸.

Когда рабочим Большого прокатного цеха 2 июля 1897 г. объявили размеры причитавшейся им за июнь месяц заработной платы, они были удивлены, «почему за большее, но их мнению, количество работы в месяц, они получают столько же, сколько ранее получали за меньший, сравнительно, месячный свой труд»¹³⁹.

Рабочие были возмущены явным обчётом их и потребовали для объяснений управителя завода Евглевского, который, однако, отказался прийти в цех и отослал рабочих к заведующему цехом Пшеничному, последний в свою очередь от встречи с рабочими тоже уклонился. Тогда рабочие «совершенно вдруг прекратили работы, оставили цех на полном ходу с разожжёнными печами, в коих были оставлены стальные болванки»¹⁴⁰.

При остановке работ рабочие говорили: «Теперь к случаю — Директор едет» (в этот день вечером ожидался приезд в завод директора Горного департамента и Главного начальника Уральских горных заводов)¹⁴¹. Главными зачинщиками стачки, по сведениям заводоуправления, были рабочие А. Сыромолотов, Г. Мачульский, П. Крутицкий, И. Филимошкин и др.¹⁴²

На следующий день, 3 июля, утром рабочие явились в цех, но к работе не приступили. Управитель завода Евглевский начал переговоры с уполномоченными рабочих, но когда пришедший туда же заведующий цехом Пшеничнов сначала «бросил табуреткой, завертешейся от силы удара по полу», а затем послал пригласить посторонних свидетелей из соседних цехов, уполномоченные отказались дальше вести переговоры и все рабочие толпой в 70 чел. отправились к помощнику уездного исправника, которому заявили жалобу на неправильность сделанного им за июнь месяц расчёта.

Явившемуся на завод для выяснения существа дела помощнику уездного исправника управитель завода Евглевский сообщил, что произошла ошибка и рабочим действительно была недоплачена сумма в 150 руб. (позднее, «по более точным подсчётам», сделанных администрацией, оказалось, что было недоплачено 72 руб.)¹⁴³. Но теперь рабочие не удовлетворились этим, а потребовали установления в цехе 8-часового рабочего дня и повышения заработной платы (цифры прибавки они при этом не называли)¹⁴⁴.

В ночь с 3 на 4 июля в Златоуст приехали директор Горного департамента Н. А. Денисов и Главный начальник Уральских горных заводов П. П. Боклевский. По требованию Боклевского уездный исправник поручил своему помощнику сделать переключку забастовавшим рабочим, чтобы выяснить, кто из них

¹³⁸ ЦГА РБ. Ф. 187. Оп. 1. 1897. Д. 136. Л. 4, 32, 52, 106 об. — 107.

¹³⁹ Там же. Л. 106 об.

¹⁴⁰ Там же. Л. 9.

¹⁴¹ Там же. Л. 55 об.

¹⁴² Там же. Л. 11, 56 об.

¹⁴³ Там же. Л. 4 об., 52 об. — 53, 107 об., 108 об.

¹⁴⁴ Там же. Л. 4 об., 29.

согласен приступить к работе. Такая переключка была произведена утром 4 июля, причём результаты её были следующие.

В июне 1897 г. в Большом прокатном цехе было занято 93 рабочих, в т. ч. 70 мастеровых и 23 вспомогательных рабочих. Об участии в стачке вспомогательных рабочих никаких сведений не имеется, судя по всему, они активного участия в ней не принимали. Но и среди мастеров не было полного единства. На переключке, отказавшись приступить к работе на прежних условиях, 29 рабочих потребовали повышения заработной платы и введения 8-часового рабочего дня, 13 рабочих были готовы довольствоваться только повышением заработной платы, 6 — только установлением 8-часового рабочего дня, 2 — не дали определённого ответа; 2 рабочих согласились приступить к работе на старых условиях и 2 уже работали на заводе.

Кроме того, четверо рабочих-мастеров с начала стачки находились в стороне от забастовавших, не принимали в ней участия. Таким образом, число активных забастовщиков составляло 48 чел.¹⁴⁵

5 июля утром все рабочие Большого прокатного цеха были приглашены в полицейское управление, где уездный исправник снова предложил им приступить к работе, угрожая, в случае отказа, посадить в тюрьму на срок от 2 до 3 и даже до 8 месяцев. Но и эта угроза не оказала на рабочих ожидаемого властями воздействия. Рабочие продолжали требовать повышения заработной платы и установления 8-часового рабочего дня и решительно отказались без удовлетворения этих требований приступить к работе.

Затем рабочие отправились толпой к дому Горного начальника. К ним вышли главный начальник Уральских горных заводов Боклевский и горный начальник Златоустовских заводов Писарев, которые снова стали уговаривать рабочих приступить к работе. Рабочие продолжали настаивать на своих требованиях. Тогда Боклевский приказал всех стачечников на работу больше не принимать и начать против них следствие по обвинению в организации стачки¹⁴⁶.

Однако основная масса забастовавших рабочих по-прежнему действовала твёрдо и решительно. Рабочие энергично пресекали попытки некоторых колеблющихся рабочих вновь вернуться на работу. 5 июля рабочий Н. Мокеев расспрашивал Н. Ростовского, зачем он пришёл работать, грозил ему, и тот на следующий день на работу не пришёл. Рабочие И. Филимошкин и П. Крутицкий 9 июля, стоя недалеко от проходной, отговаривали работать рабочих Панафидина и Лисина¹⁴⁷.

Стачка рабочих Большого прокатного цеха поставила в затруднительное положение другие цеха, которые получали материал из Большой прокатной. Так, снарядный цех должен был отказаться за неимением готового проката от запланированных работ в летний период, Среднепрокатный и Нижнепрокатный цехи

¹⁴⁵ Там же. Л. 5–6.

¹⁴⁶ Там же. Л. 35, 61 — 61 об., 83 об.

¹⁴⁷ Там же. Л. 48, 57.

должны были остановиться на страду на 5–7 дней ранее, чем планировалось. Во всех прокатных цехах заказы, отложенные на первые числа июля, остались не исполненными. В дальнейшем продолжение забастовки грозило ещё большими неприятностями, вплоть до остановки всего завода¹⁴⁸.

Рабочие других цехов завода высказывали явное сочувствие забастовавшим рабочим Большого прокатного цеха. Администрация была сильно обеспокоена возможностью распространения стачки на другие цеха завода. Поэтому, когда вслед за стачкой рабочих Большого прокатного цеха началось волнение среди рабочих Нижнепрокатного цеха, прибегших к угрозе стачки, администрация приняла энергичные меры, чтобы немедленно прекратить это волнение.

5 июля рабочие Нижнепрокатного цеха заявили, что если штрафы за пережог металла не будут уменьшены, то они прекратят работы. Прибывший в цех заведующий прокатными цехами Пшеничнов «нашёл возможным удовлетворить тотчас желание рабочих, при чём заявил им, что к чему какие-то напугивания прекращением работы, когда мне ещё ни слова не было заявлено ни мастером, ни рабочими»¹⁴⁹.

Настроение рабочих всего завода было беспокойное, угрожающее. Рабочий П. А. Уткин заявил на следствии: «Ни в одном цехе нет довольных, никто не получает, как говорят, того, что сработает, и все винят в том начальство»¹⁵⁰. «...Настоящее настроение рабочих Златоустовского завода, — сообщал заведующий прокатными цехами Пшеничнов, — настроение возбуждённое, какое-то геройское... При теперешних условиях жизни Златоустовского завода положительно нельзя ручаться за благополучный исход каждого следующего дня»¹⁵¹.

Администрация завода по указанию Боклевского решила сорвать стачку рабочих Большого прокатного цеха с помощью привлечения штрейкбрехеров из других цехов и соседних заводов. Но этот замысел потерпел неудачу. Наряженные на работу в Большепрокатный цех рабочие Среднепрокатного цеха, которым администрация обещала платить заработную плату на 20% выше, чем ранее платила рабочим Большепрокатного цеха, 6 июля идти работать в Большой прокатный цех отказались, ссылаясь на трудность и непривычность работы, а также на то, «что-де (добавлялось с иронией) вы заставьте работать тех рабочих, которые отказались работать, устроивши забастовку», и прямо советовали: «лучше тем, ушедшим, прибавили бы, так как ушедших рабочих обидели, не дав им ту плату, какая им следует»¹⁵². Не удалось привлечь и рабочих с других заводов¹⁵³.

Революционно настроенные мастера и рабочие, группировавшиеся вокруг А. С. Тютёва, пытались взять в свои руки руководство стихийно вспыхнувшей

¹⁴⁸ ЦГА РБ. Ф. 187. Оп. 1. 1897. Д. 136. Л. 35 — 35 об.

¹⁴⁹ Там же. Л. 37 об.

¹⁵⁰ Там же. Л. 79.

¹⁵¹ Там же. Л. 37 — 37 об.

¹⁵² Там же. Л. 36 — 36 об., 75.

¹⁵³ Там же. Л. 1 об.

забастовкой рабочих Большого прокатного цеха. Они выпустили гектографированную листовку, которая призывала рабочих Большой прокатной держаться дружнее и крепче за свои требования и не выходить на работу до их исполнения администрацией, призывала рабочих к упорной борьбе за то:

«1) чтобы для всех работа была в 3 смены по 8 часов,

2) чтобы плата за день младшим рабочим была не менее 70 коп., а для старших, конечно и более,

3) чтобы за прошлый месяц июнь рассчитали по увеличенной плате»¹⁵⁴.

Вскоре была выпущена вторая гектографированная листовка, обращённая к рабочим Большой прокатной. «Платы вам уже согласился прибавить и сам Главный начальник. Сделают и три смены», — сообщала листовка. Листовка призывала рабочих не верить ни уговорам, ни угрозам начальства, сообщала, что нуждающимся забастовщикам будет оказана материальная помощь. «На хлеб вам будут деньги, — заявлялось в листовке. — Вы уже знаете об этом и только скажите кому следует, кто из вас сейчас нуждается».

Листовка разъясняла рабочим беспечность запугивания их локаутом. «Не верьте, — убеждала листовка, — если начальство будет вам говорить, что оно из других заводов уже выписало рабочих или выпишет. Никто не пойдёт на этот каторжный труд по 12 часов и за такую ничтожную плату. Никто не захочет умирать на 10 или 20 лет раньше. Заводское начальство подождёт-подождёт, да само пойдёт за вами».

Листовка заканчивалась разъяснением значения стачки для рабочих всего завода и выражением уверенности в победе рабочих: «Все заводские рабочие с нетерпением ждут и желают, чтобы вы победили. Вы первые начали борьбу такую и большое вам спасибо скажут за это все, которые кровавым потом добывают себе хлеб. Смелее и дружнее действуйте до конца!»¹⁵⁵

Обе листовки призывали рабочих к упорной борьбе с администрацией за экономические требования, учили рабочих пролетарской солидарности, но они не выдвигали каких-либо политических требований. Однако во время забастовки раздавались призывы выставить и политические требования.

Из листовки «К уральским рабочим по поводу годовщины смерти А. С. Тютёва», распространявшейся в 1902 г., известно, что «во время той стачки 1897 года, в которой участвовал Тютёв, некоторые златоустовские рабочие предлагали своим товарищам требовать не только повышения платы и сокращения рабочего дня, а также требовать и политических прав народу, права издавать свои газеты без разрешения чиновников, права посылать выборных для управления государством. Но тогда большинство златоустовских рабочих не согласилось на это.

¹⁵⁴ Листовка «К рабочим Большой прокатной!» // Приложение к книге: Рыжиков А. С. Уральский рабочий союз. С. 71–72; РГАСПИ. Ф. 283. Оп. 2. Д. 29134. Л. 10 — 10 об.; Златоустовский рабочий (г. Златоуст). 1965. 18 июля и 1 сентября. № 143 и 175.

¹⁵⁵ Листовка «Товарищи рабочие Большой прокатной!» // Приложение к книге: Рыжиков А. С. Уральский рабочий союз. С. 72; РГАСПИ. Ф. 283. Оп. 2 н. Д. 29134. Л. 11 об.; Златоустовский рабочий (г. Златоуст). 1965. 1 сентября. № 175.

Большинство не понимало ещё с полной ясностью, почему рабочему необходимо добиваться не только лучшего корма и большего отдыха, а и тех прав, которыми пользуются все свободные граждане»¹⁵⁶.

Златоустовская революционная группа организовала оказание материальной помощи забастовавшим рабочим Большого прокатного цеха. Стачечникам была оказана денежная помощь (более 100 руб.) рабочими других цехов завода. 100 руб. прислали члены челябинской группы. На имя рабочего Филимошкина были присланы 100 руб. из Петербурга с Путиловского завода. 200 руб. были получены из Петербурга от рабочих Обуховского завода с письмом, начинавшимся словами: «Братцы, не унывайте!»¹⁵⁷

В период стачки за городом, в лесу, проводились сходки рабочих, на которых присутствовало по 200 чел. и более. С речами на них выступали члены Златоустовской революционной группы. Они выдвигали требования «8-часового рабочего дня, самоуправления, свободы стачек, замены капиталистической собственности социалистической», а некие приезжие — знакомые В. Г. Рогожникова — выступали с «требованием насильственного свержения существующего государственного строя и выкрикивали: “Долой самодержавие!”»¹⁵⁸ Но радикальные призывы не были поддержаны участниками забастовки.

Златоустовская группа пыталась вовлечь в движение рабочих других заводов Златоустовского округа и в июле 1897 г., в разгар стачки рабочих Большого прокатного цеха, выпустила листовку «К рабочим Златоустовского, Саткинского и Кусинского заводов». Листовка начиналась с указания на беспочвенность надежд на заботливое отношение к рабочим со стороны начальства и напоминала, что только настойчивыми требованиями можно добиться от властей уступок. «Вы уже убедились, — говорилось в листовке, — как заботится об нас разное начальство. До тех пор, пока мы слёзно просили разных начальников о своих нуждах, они не хотели с нами даже разговаривать как следует. Теперь же, когда мы стали настойчиво требовать того, что нам нужно, мы кое-чего уже добились»¹⁵⁹.

Листовка призывала рабочих потребовать «теперь на всех заводах на первом же общем собрании членов «Товарищества» решения следующих вопросов.

1. Проценты за ссуду вместо 5 должны быть не более $3\frac{1}{2}$ в год. Это требование обосновывалось следующим образом: «С дворян правительство берёт за ссуду только три с половиной... процента. Что же мы-то за грешники, что будем платить из последних крох по пяти... процентов».

2. Обязательные двухпроцентные вычеты с членов вспомогательных касс при оставлении ими работы должны возвращаться им обратно с процентами.

3. Исключение из членов горнозаводского товарищества за неисполнение правил и распоряжений управителя производить только после того, если

¹⁵⁶ ГАРФ. Ф. 102. Особ. отд. 1898. Д. 5. Ч. 3. Лит. «В». Л. 15 об. — 16.

¹⁵⁷ Там же. 7 дел-во. 1898. Д. 277. Ч. 1. Л. 40 об.; Ф. 124. Оп. 7. 1898. Д. 24. Л. 39; РГАСПИ. Ф. 283. Оп. 2 н. Д. 29802. Л. 43; Рабочее движение в России в XIX веке. Т. IV. Ч. 1. С. 729.

¹⁵⁸ ЦГА РТ. Ф. 51. Оп. 6. 1898. Д. 740. Л. 75 — 75 об., 207 об. — 208.

¹⁵⁹ Рабочее движение в России в XIX веке. Т. IV. Ч. 1. С. 722.

предосудительное поведение рабочего было заявлено в штрафной книге не менее двух раз по приговорам попечительного заводского приказа.

4. Параграф о вычетах из заработка за пропажу вещей из цеха должен быть совсем исключён.

5. В члены горнозаводского товарищества должны приниматься все работающие при заводе, а не только те, кто заключил с заводоуправлением письменные условия на срок не менее года.

6. Вместо членов приказа, не защищающих интересов рабочих, должно быть разрешено выбирать новых.

Листовка заканчивалась призывом: «Ради самих себя, ради своих жён и детей подумайте, насколько важны поставленные здесь вопросы. И дружнее все вместе идите и боритесь за своё освобождение от новой крепостной зависимости и за лучшее человеческое существование!»¹⁶⁰

Листовка «К рабочим Златоустовского, Саткинского и Кусинского заводов» представляет большой интерес для выяснения целей, форм и методов борьбы Златоустовского кружка. Обращает на себя внимание тот факт, что изданная в период стачки рабочих Большого прокатного цеха и наибольшего возбуждения рабочих всего завода, листовка не призывала к борьбе за пролетарские требования: повышение заработной платы, 8-часовой рабочий день, улучшение условий труда, не содержала каких-либо политических требований, а всецело ориентировала рабочих на борьбу легальными методами через «Горнозаводские товарищества» за свои узкопрофессиональные, сословные интересы, за права и привилегии, предусмотренные им как горнозаводским мастерским и членам «Горнозаводских товариществ».

В «Горнозаводские товарищества» входили лишь постоянные рабочие, заключившие с заводоуправлением письменные условия. Из 3000 чел., работающих на Златоустовском заводе, членов «Горнозаводского товарищества» было только 1600, т.е. немного более половины¹⁶¹. Все требования, выдвинутые в листовке, были связаны с интересами рабочих как членов «Горнозаводского товарищества» и мелких собственников.

Развёрнутая членами Златоустовского кружка в «Горнозаводском товариществе» легальная борьба в защиту экономических требований и прав, предоставленных горнозаводским мастерским и членам «Горнозаводских товариществ» по «Высочайше утверждённому» Положению о рабочих казённых горных заводов Урала от 8 марта 1861 г., помогла вовлечь в борьбу против заводской администрации широкие слои рабочих, придать ей массовый характер, сообщила выступлениям рабочих Златоустовского завода в 1896–1897 гг. большой вес и политическое звучание. Но эта же самая особенность в действиях Златоустовского кружка явилась и причиной слабости развёрнутого под его руководством рабочего движения.

¹⁶⁰ Листовка за подписью «Товарищи» «К рабочим Златоустовского, Саткинского и Кусинского заводов» // Рабочее движение в России в XIX веке. Т. IV. Ч. 1. С. 722–723.

¹⁶¹ Письмо из Златоуста // Степной край (г. Омск). 1897. 25 апреля. № 42. С. 2.

Как отмечала газета «Искра», когда вспыхнула стачка рабочих в Большом прокатном цехе, а рабочие других цехов выразили им своё полное сочувствие и были готовы их поддержать, Златоустовский кружок, вместо того, чтобы призвать рабочих всего завода к активной стачечной борьбе, выдвинуть политические требования, продолжал уделять главное внимание борьбе в «Горнозаводском товариществе», стремился сосредоточить внимание рабочих на борьбе за предоставление рабочим прав и привилегий, предусмотренных Положением 8 марта 1861 г., ограничился только одной экономической борьбой, не выставил политических задач, что привело в конечном счёте к тому, что движение златоустовских рабочих в конце концов свелось к борьбе за чисто профессиональные требования, не имевшие «ничего общего с политическими требованиями социал-демократии»¹⁶².

Златоустовский кружок пытался расширить свою пропаганду и агитацию за пределы Златоустовского округа и начал зондировать почву для установления революционных связей с другими заводами Урала. «Летом 1897 года, — рассказывал в своих воспоминаниях П. И. Земсков, — мне было поручено Златоустовской группой, с согласия и ведома челябинцев, отправиться на Урал, завязать связь с знакомыми техниками на заводах Урала, и где возможно, распространить нелегальную литературу»¹⁶³.

Получив командировку для ознакомления с техническим оборудованием уральских заводов, Земсков заехал в Челябинск, где получил, кроме имевшейся у него, нелегальную литературу и адреса, а затем посетил Екатеринбург, Нижний Тагил, Левшино, Пермь, Мотовилихинский, Чусовской, Юго-Камский и Чёрмоозский заводы.

В Екатеринбурге Земсков побывал у Полузадовых, которые поддерживали непосредственную связь с Челябинском. В Нижнем Тагиле ему удалось завербовать для ведения революционной работы знакомого техника А. П. Хорькова, служившего мастером в механическом цехе Нижнетагильского завода. Хорьков согласился распространять литературу и вести пропаганду среди рабочих, а также обещал приехать спустя два-три месяца в Златоуст за транспортом литературы. Вербовка Хорькова (оказавшегося впоследствии предателем) была единственным реальным успехом поездки Земскова.

В Перми, как пишет Земсков в своих воспоминаниях, он «вёл определённую беседу с мастером железнодорожных мастерских, чтобы завязать дело с железнодорожными рабочими, но мастер А. Е. Жуков от работы отказался, считая её рискованной для своего благополучия»; в Мотовилихинском заводе знакомого техника он не встретил и передал часть литературы одному учителю; «в Юго-Камском заводе имел адрес к Николаю Николаевичу Четвергову, заводскому мастеру... Четвергов только что окончил военную службу в чине запасного прапорщика и, очевидно, вся пережитая им военная обстановка удерживала его взяться за пропаганду среди рабочих. Словом для меня выяснилось, что связаться

¹⁶² Задачи агитации на Урале // Искра (г. Женева). 1903. 1 августа. №45.

¹⁶³ Воспоминания П. И. Земскова // ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. 1924. Д. 1634. Л. 3.

с Юго-Камским заводом в тот момент не представится возможным»; в Чусовском заводе «завести с кем-либо связь не удалось, так как не было ни кого знакомых»; в Чёрномозском заводе оставил литературу служившему там В. С. Тютеву¹⁶⁴.

Поездка П. И. Земскова выявила трудность развёртывания революционной работы среди уральских рабочих. Подводя итоги своей поездки, Земсков писал: «С одной стороны — верилось, что можно легко “зажечь пожар” и сдвинуть с мёртвой точки рабочий вопрос, а с другой — всюду видно было, как туго завязана была жандармами повязка на глаза рабочих, которая мешала им осознать своё положение и мощь пролетариата. Наши начинания — дать несколько десятков активных работников — встречали большие затруднения, так как заводы имели везде явных и тайных шпионов. В беседах некоторые откровенно называли наше дело “пустой затеей”, “утопией”, говоря, что “через миллионы царских штыков нам не удастся перешагнуть и дальше тюрьмы дело не двинется”»¹⁶⁵.

Стачка рабочих Большого прокатного цеха и развёртывание революционной пропаганды на Златоустовском заводе серьёзно обеспокоили власти. Министр земледелия и государственных имуществ А. С. Ермолов 29 июля 1897 г. особым письмом просил Министерство внутренних дел принять меры «к предупреждению возможного дальнейшего распространения означенной стачки между другими рабочими того же завода»¹⁶⁶.

Министр внутренних дел И. Л. Горемыкин 5 августа 1897 г. предложил уфимскому губернатору, по соглашению с начальником Губернского жандармского управления, принять «все зависящие меры к установлению подстрекателей и руководителей волнения среди златоустовских рабочих с тем, чтобы лица эти, по их выяснении, представлены были... к удалению из пределов Уфимской губернии и вообще Уральского горнозаводского района».

Одновременно, не надеясь особенно на успех полицейских репрессий, министр внутренних дел просил министра земледелия и государственных имуществ принять меры «к изысканию чинами горного ведомства соответственных мер к немедленному упорядочению положения дел на заводе», поскольку «горное начальство... ближе ознакомлено с теми, быть может вполне устранимыми обстоятельствами, которые служат фактическим основанием недовольства рабочих завода». Вместе с тем он обратил внимание органов цензуры «на необходимость большего цензурного воздействия на газету “Степной край” в целях воспрепятствования дальнейшему помещению в названном органе печати тенденциозных корреспонденций из Златоуста по рабочему вопросу»¹⁶⁷.

Полицейские власти и заводская администрация активно принялись за розыски и преследование «подстрекателей» и «смутьянов». Возобновились допросы рабочих Большого прокатного цеха, привлекаемых к судебной

¹⁶⁴ Там же. Л. 3–4.

¹⁶⁵ Там же. Л. 4 — 4 об.

¹⁶⁶ ГАСО. Ф. 24. Оп. 16. 1897. Д. 1038. Л. 1.

¹⁶⁷ Там же. Л. 1 об. — 3.

ответственности по обвинению в организации стачки. 19 августа управитель завода Евглевский предложил мастерам В. Г. Рогожникову, А. С. и Д. С. Тютевым сдать дела. В. Г. Рогожников и Д. С. Тютев вынуждены были уехать в Саратов, на Волжский стальной завод. Проводы их на ст. Златоуст 24 августа, в которых приняло участие около 200 рабочих, превратились в демонстрацию сочувствия революционно настроенным мастерам¹⁶⁸.

25 августа 1897 г. администрации удалось пустить в ход Большой прокатный цех, т. к. нашлось человек 25–30 из других цехов, которые согласились работать в Большой прокатной. Это подействовало на забастовщиков. Опасаясь потерять работу, они начали мало-помалу выходить на работу, при этом их обязывали давать в полиции подписку, что они бросили работу по своему «недоразумению» и что впредь более никаких «скандалов» они не позволят. Постепенно почти все рабочие дали подписку и были приняты на работу, за исключением 2–3 рабочих, отказавшихся от требуемой унижительной подписки¹⁶⁹.

Власти привлекли участников стачки к судебной ответственности. Однако поскольку из 52 рабочих, отказавшихся от работы, только 26 работали по письменному договору, то лишь их оказалось возможным привлечь к суду. Все они обвинялись «в прекращении работ на заводе с целью принудить заводоуправление возвысить заработную плату и изменить другие условия найма». Обвиняемые судились Уфимским окружным судом 30 мая 1898 г. в г. Златоусте и все были приговорены к аресту при полиции сроком на две недели¹⁷⁰.

Организованная, длительная и упорная стачка рабочих Большого прокатного цеха, сочувственно встреченная рабочими всего Златоустовского завода, заняла заметное место не только в уральском, но и российском рабочем движении. Благодаря стачке, рабочим Златоустовского завода удалось добиться осуществления важнейшего требования российского пролетариата — 8-часового рабочего дня.

В докладе русских социал-демократов Международному социалистическому конгрессу, состоявшемуся в Париже в 1900 г., о борьбе златоустовских рабочих за повышение заработной платы и установление 8-часового рабочего дня сообщалось как о значительном событии в рабочем движении страны. «В Златоусте, — отмечалось в докладе, — движение особенно отличается как солидарным и дисциплинированным поведением стачечников, так и достигнутыми результатами. Тамошние рабочие на казённых заводах добились в 1897 году удвоения платы, а в 1898 году — восьмичасового рабочего дня»¹⁷¹.

О забастовке рабочих Большого прокатного цеха и борьбе рабочих Златоустовского завода в горнозаводском товариществе писали, кроме омской газеты

¹⁶⁸ Четин В. Е. О Златоустовских стачках 1897 года // Из истории Южного Урала и Зауралья. Челябинск, 1971. Вып. 5. С. 99.

¹⁶⁹ Письма из Златоуста. Письмо 2-е // Степной край (г. Омск). 1897. 23 ноября. № 131. С. 3.

¹⁷⁰ ЦГА РБ. Ф. 187. Оп. 1. 1898. Д. 137. Л 2 — 7 об., 155 — 163 об.

¹⁷¹ Доклад о русском социал-демократическом движении Международному социалистическому конгрессу 1900 г. в Париже // Революция и РКП(б). Изд. 2-е. М.; Л. 1925. Т. 1. С. 287.

«Степной край», также газета «Урал» (Екатеринбург), журнал «Новое слово» (Санкт-Петербург), материалы о них были опубликованы в заграничных изданиях вольной русской прессы — журналах «Работник», «Рабочее дело» (Женева), «Жизнь» (Лондон)¹⁷².

Стачками на Златоустовском заводе живо интересовался В. И. Ленин. Находясь в 1900 г. в Уфе, В. И. Ленин детально ознакомился с ходом этих стачек и, по свидетельству Э. С. Кадомцева, «говорил о положении рабочих Златоустовского завода так, будто он сам участвовал в стачках»¹⁷³. О стачке на Златоустовском заводе в 1897 г. писала «Искра»¹⁷⁴. Благодаря обширной информации борьба рабочих Златоустовского завода против заводской администрации получила огромный общественный отклик, о ней очень широко стало известно всем рабочим.

Стачка рабочих Большого прокатного цеха была первой стачкой на Урале, руководство которой осуществлялось революционным кружком. Это придало борьбе златоустовских рабочих известную организованность, упорство, позволило добиться от администрации серьёзных уступок. Революционно настроенные мастера и рабочие, группировавшиеся вокруг своего признанного вожака — А. С. Тютеева, организовали материальную помощь нуждающимся стачечникам, распространяли нелегальную литературу, проводили сходки рабочих, вели устную пропаганду, выпустили несколько тектографированных листовок.

Вместе с тем стачка рабочих Большого прокатного цеха имела много слабых сторон. Хотя она и была подготовлена революционной пропагандой в заводе, но вспыхнула стихийно, проходила недостаточно организованно. Только спустя несколько дней после начала стачки рабочие сформулировали и предъявили требования к администрации. Руководивший стачкой революционный кружок по-прежнему уделял главное внимание борьбе в «Горнозаводском товариществе», не выставил политических требований.

Стачка рабочих Большого прокатного цеха летом 1897 г. была чисто экономической и не могла оказать какого-либо серьёзного воздействия на характер и ход всего уральского рабочего движения. Поэтому было бы неверно чрезмерно преувеличивать значение Златоустовской стачки 1897 г., считать её «переломным событием рабочего движения на Урале»¹⁷⁵, ставить её в ряд с Петербургскими стачками 1895–1897 гг.¹⁷⁶

¹⁷² Степной край (г. Омск). 1897. 23, 25 и 27 апреля, 9 мая, 23, 26 ноября, № 41–43, 48, 131–132; Урал (г. Екатеринбург). 1897. 13 сентября; Новое слово (СПб.). 1897. Ноябрь. № 2; Работник (Женева). 1899. № 5–6; Рабочее дело (Женева). 1899. № 2–3; Жизнь (Лондон). 1902. № 1; Уральская газета (г. Екатеринбург). 1907. 13 января.

¹⁷³ Кадомцев Э. С. Мои встречи с Лениным // Узиков Ю. В. И. Ленин в Уфе. Уфа, 1970. С. 57.

¹⁷⁴ Искра (Женева). 1903. 1 августа. № 45.

¹⁷⁵ Рабинович Я. Б. Рабочее движение на Урале в 70–90-х годах XIX века // История Урала. Пермь, 1963. Т. 1. С. 315.

¹⁷⁶ Ильин А. С. Златоустовцы: Научно-исторический очерк. Ростов-на-Дону, 1967. С. 37–38.

После подавления стачки рабочих Большого прокатного цеха члены Златоустовского революционного кружка сосредоточили внимание на борьбе в «Горнозаводском товариществе». 15 сентября 1897 г. состоялось очередное собрание «Горнозаводского товарищества» Златоустовского завода, на которое явилось около 900 рабочих. Собрание должно было утвердить отчёт о действиях кассы «Горнозаводского товарищества» за 1-е полугодие 1897 г. и рассмотреть ряд текущих вопросов, в т. ч. вопрос о выдаче пособий членам товарищества, получившим болезнь или увечье на заводских работах и болевшим свыше двух месяцев.

Рабочие выразили протест против неправильного удержания из кассы товарищества в пользу заводууправления 329 руб. 40 коп. за лекарства рабочим, получившим болезнь или увечье на заводских работах (при разборке рецептов оказалось, что за счёт кассы товарищества должно быть отнесено только 14 руб.), и отказались утвердить отчёт. Кассиром «Горнозаводского товарищества» был избран А. С. Тютев, пользовавшийся огромным авторитетом среди рабочих¹⁷⁷.

Собрание высказалось за то, чтобы рабочие, получившие болезнь или увечье на заводских работах, но не успевшие выздороветь в течение двух месяцев, и в дальнейшем получали пособие за счёт завода, а не из кассы «Горнозаводского товарищества». На собрании был поднят вопрос о рабочих Крутицком и Пирожкове, которые отказались дать подписку и оставались без работы. Собрание потребовало принять их на работу, а также предложило управителю завода «подписку, данную полиции рабочими Большого прокатного стана, упразднить и всех прежних рабочих этого цеха принять в этот же цех на прежние места»¹⁷⁸. Собрание снова просило изъять из условий найма пункт о круговой поруке рабочих за похищенное из цеха имущество.

Обсуждение всех вопросов на собрании сопровождалось острыми дискуссиями. В доказательство своей правоты рабочие ссылались на Положение 8 марта 1861 г., Горный устав, Устав о промышленности и другие законы, требовали читать отдельные статьи законов, вели споры о том или ином понимании данной статьи и т. п. Борьба в «Горнозаводском товариществе» всё более выливалась в казуистические споры об отдельных статьях законов.

3 октября 1897 г. состоялось экстренное общее собрание членов «Горнозаводского товарищества». На нём был зачитан циркуляр Горного департамента, который подтверждал, что рабочим, получившим болезнь на заводских работах и остающимся в больнице более двух месяцев, пособия должны выдаваться не за счёт завода, а за счёт кассы «Горнозаводского товарищества». Собрание не согласилось с таким толкованием и ещё раз подтвердило своё постановление от 15 сентября, настаивая на том, что таким рабочим пособия должны выдаваться за счёт завода¹⁷⁹.

¹⁷⁷ Письма из Златоуста. Письмо 2-е // Степной край (г. Омск). 1897. 23 ноября. № 131. С. 1–4.

¹⁷⁸ Там же. С. 4.

¹⁷⁹ Златоустовские письма. Письмо 3-е // Степной край (г. Омск). 1897. 26 ноября. № 132. С. 2.

7 ноября 1897 г. состоялось новое экстренное собрание членов «Горнозаводского товарищества», на котором «только для сведения» рабочих был зачитан протест Горного начальника на постановление собрания от 15 сентября 1897 г. и сообщено рабочим, что «делу дан ход вполне правильный и законный, т. е. постановления собрания и протест Горного начальника представлены в Горный департамент, коим окончательно разрешается возникшее недоразумение»¹⁸⁰.

Членами Златоустовского кружка (по имеющимся сведениям — А. С. Тютевым) была написана новая статья, рассказывавшая о борьбе рабочих Златоустовского завода против заводоуправления в «Горнозаводском товариществе» осенью 1897 г. и летней стачке рабочих Большого прокатного цеха и с помощью челябинцев опубликована в той же омской либеральной газете «Степной край» под заголовком «Златоустовские письма. Письмо 2-е и 3-е»¹⁸¹. За опубликование этих писем газета «Степной край» была закрыта.

Но было ясно, что борьба рабочих в «Горнозаводском товариществе» явно выдыхалась. Вместо широкой программы борьбы за экономические требования рабочих она теперь свелась к борьбе по узкому и мелкому вопросу о выдаче пособий лицам, получившим болезнь или увечье на заводских работах и проболевшим более двух месяцев, к спорам о толковании отдельных статей законов.

Между тем, после подавления забастовки рабочих Большого прокатного цеха, ввиду усилившихся преследований и репрессий, деятельность революционеров в заводе была очень затруднена. «Приходилось настолько конспиративно и аккуратно держаться, — писал в своих воспоминаниях П. И. Земсков, — что мы не решались ходить по улицам Златоуста с книгой в руках, чтобы не навлекать на себя внимание»¹⁸².

Несмотря на преследования, Златоустовский кружок продолжал революционную работу. В сентябре 1897 г. в Златоуст, согласно договорённости, приехал А. П. Хорьков. Златоустовцы остались довольны его отчётом о деятельности в Нижнетагильском заводе. «Заметно было, — пишет Земсков, — что с его стороны приняты были довольно энергичные меры и нелегальная литература “пошла писать” по заводу»¹⁸³. Перед отъездом Хорьков получил от А. С. Тютева брошюры «Объяснение новых правил для рабочих», изданную петербургским «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса», и «Рабочий день», изданную в Женеве, и рекомендательное письмо в Челябинск И. И. Годлевскому¹⁸⁴.

Ввиду ухудшившихся условий нелегальной работы в Златоустовском заводе и успешной, как тогда казалось членам Златоустовского и Челябинского кружков, деятельности А. П. Хорькова в Нижнетагильском заводе Златоустовский

¹⁸⁰ Там же. С. 2–3.

¹⁸¹ Златоустовские письма. Письмо 2-е и 3-е // Степной край (г. Омск). 1897. 23 и 26 ноября. № 131, 132.

¹⁸² Воспоминания П. И. Земскова // ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. 1924. Д. 1634. Л. 4 об.

¹⁸³ Там же.

¹⁸⁴ Рабочее движение в России в XIX веке. Т. IV. Ч. 1. С. 725.

и Челябинский кружки переносят в конце 1897 г. центр тяжести своей деятельности в Нижнетагильский округ.

Положение уральских рабочих в конце 1897 г. резко ухудшилось, т.к. Урал поразил сильный неурожай. К концу 1897 г. цены на хлеб в Екатеринбурге увеличились по сравнению с концом 1896 г. на 40–50 и даже 75%¹⁸⁵. В довершение к этому, несмотря на промышленный подъём в стране, многие уральские заводы продолжали работать не на полную мощность, часто останавливались на значительные сроки. На Нижнесалдинском заводе с середины октября 1897 г. до начала января 1898 г., в течение около трёх месяцев, ввиду отсутствия заказов бездействовал рельсопрокатный цех. 400 рабочих, оставшихся без работы, бедствовали, среди них росло недовольство. В не менее тяжёлом положении находились и рабочие Нижнетагильского завода¹⁸⁶.

Ростом недовольства в рабочих массах в связи с дороговизной и безработицей решили воспользоваться для целей революционной пропаганды члены Челябинского и Златоустовского кружков. Ими была предпринята попытка распространить революционные прокламации и брошюры среди широких рабочих масс в заводах Нижнетагильского округа. 22 октября 1897 г. Г. М. Зобнин по поручению И. И. Годлевского привёз А. П. Хорькову для распространения среди рабочих гектографированные прокламации «К рабочим, уволенным с Нижнетагильских заводов», а 19 или 20 декабря 1897 г. С. А. Полузадов привёз А. П. Хорькову от И. И. Годлевского пачку брошюр «Объяснение новых правил для рабочих» и «Объяснение закона о штрафах» (работа В. И. Ленина «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах», изданная в Женеве)¹⁸⁷.

В конце октября и в десятых числах декабря 1897 г. в Верхне- и Нижнесалдинском заводах и в механическом цехе Нижнетагильского завода были разбросаны гектографированные прокламации «К рабочим, уволенным с Нижнетагильских заводов», призывавшие бороться за 8-часовой рабочий день и обеспечение работой всех рабочих. Одновременно распространялись революционные брошюры, в т.ч. ленинская работа «Объяснение закона о штрафах»¹⁸⁸. В Нижнесалдинском заводе прокламации разбрасывал рабочий С. Н. Зорихин, в Нижнетагильском — А. П. Хорьков¹⁸⁹.

В конце 1897 г. члены Челябинского кружка (по предположению полиции — Зобнин и Орлов) побывали в Кыштымском заводе, оставили там нелегальную литературу, которая затем читалась рабочими¹⁹⁰. В январе 1898 г. в механическом цехе Нижнетагильского завода снова распространялась брошюра

¹⁸⁵ ГАСО. Ф. 185. Оп. 1. 1897. Д. 8. Л. 287 — 287 об.

¹⁸⁶ ГАПК. Ф. 162. Оп. 1. 1897. Д. 44. Л. 2.

¹⁸⁷ ГАСО. Ф. 185. Оп. 1. 1898. Д. 8. Л. 294.

¹⁸⁸ ГАРФ. Ф. 102. 3 дел-во. 1896. Д. 606. Ч. 3. Лит. «А». Л. 175 — 176 об.; 3 дел-во. Оп. 99. Д. 1375. Л. 1–2, 4.

¹⁸⁹ ГАПК. Ф. 65. Оп. 1. 1898. Д. 255. Л. 11, 16

¹⁹⁰ ГАСО. Ф. 185. Оп. 1. 1899. Д. 20. Л. 8–9.

В. И. Ленина «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах»¹⁹¹.

Практическое руководство рабочим движением в Златоустовском заводе, установление связей с другими революционными кружками и группами, социал-демократами — одиночками, попытки расширить революционную работу за пределы Златоустовского округа и распространить её на весь Урал заставили Златоустовский кружок более чётко определить свои политические позиции и организационные формы своей деятельности. П. И. Земсков в своих воспоминаниях пишет, что после возвращения в Златоуст из поездки по Уралу «пришлось думать о программной работе и активных действиях»¹⁹².

В конце 1897 г. в Златоустовском заводе оформляется социал-демократическая организация. В Приложении к мандату Уральской группы социал-демократов, присланному группе «Освобождение труда» в 1900 г. для участия в Парижском конгрессе II Интернационала, об этом событии сообщается следующее:

«В конце 1897 г. на одном из южных заводов (судя по всему — Златоустовском. — Д. Г.) состоялся съезд лиц, до сих пор занимавшихся революционной пропагандой в одиночку и почти изолированно. На съезде принимали участие рабочие и интеллигенты, главным образом мастера. Здесь положено начало первой (социал-демократической. — Д. Г.) организации на Урале. На съезде было решено организовать и распространить революционную пропаганду по возможности на весь Урал, для чего привлечь к участию в работе новые силы. После съезда группе удалось завязать сношения с центром, между прочим с Петербургом, откуда она получала литературу».

Работа группы, сообщается в этом документе, была сосредоточена главным образом в одном из пунктов, где в 1897 г. «были забастовки, заставившие власть держаться настороже и подозревать присутствие “социалистов”», т. е. — в Златоустовском заводе. Главным деятелем группы, сообщается далее в документе, был А. С. Тютев, «многие годы упорно работавший» на дело революции¹⁹³.

Каких-либо источников об организационной структуре и политической программе этой организации не сохранилось. Неизвестно, какие кружки или группы, кроме Златоустовской, вошли в неё. Неизвестно также, какие взаимоотношения сложились между Златоустовской и Челябинской группами после оформления в Златоусте в конце 1897 г. социал-демократической организации: вошла ли челябинская группа в её состав или, сохранив свою самостоятельность и свою народоправческую платформу, продолжала сотрудничать с Златоустовской социал-демократической организацией.

Ф. Ф. Сыромолотов, принимавший активное участие в социал-демократическом движении на Урале в конце XIX в., в своих воспоминаниях сообщает, что

¹⁹¹ ГАРФ. Ф. 124. 1898. Д. 11662. Л. 26–28, 52.

¹⁹² Воспоминания П. И. Земскова // ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. 1924. Д. 1634. Л. 4.

¹⁹³ Новые материалы о работе В. И. Ленина в редакции газеты «Искра» // Исторический архив. М., 1955. № 6. С. 6.

в 1897 г. «Челябинская и Златоустовская группа организовали “Уральский рабочий союз”, в нём принимали участие и анархисты, и эсеры, и даже либералы»¹⁹⁴. Однако он не пояснил, в чём конкретно состояло это участие и в каких организационных формах оно осуществлялось, какова была организационная структура «Уральского рабочего союза». Из его сообщения, казалось бы, можно было бы сделать вывод, что «Уральский рабочий союз» возник в результате организационного объединения Челябинской и Златоустовской групп.

Но из воспоминаний активного участника челябинской группы И. И. Годлевского видно, что обе группы вплоть до разгрома их полицией продолжали сохранять организационную самостоятельность. Не подлежит сомнению лишь факт, что и после образования Южноуральской социал-демократической организации Златоустовская и Челябинская группы продолжали тесно сотрудничать между собой. Южноуральская группа представляла собой нередкий для того времени пример «родства» и «сожительства» социал-демократов с народниками¹⁹⁵.

Независимо от того, какого организационного принципа придерживалась Южноуральская организация по отношению к народникам и либералам — тесно сотрудничала с ними, не вступая в организационное объединение и сохраняя организационную самостоятельность, или же работали вместе с ними в рамках одной организации, или же имело место и то и другое, — совершенно ясно, что южноуральские социал-демократы ещё не провели чёткого организационного размежевания с представителями других революционных политических направлений, не восприняли в полном объёме организационные и тактические принципы революционной социал-демократии, охотно шли на «родство» и «сожительство» с народниками. Южноуральские революционные кружки ещё не были по своему составу чисто социал-демократическими.

По всей вероятности, именно Южноуральская социал-демократическая организация, оформившаяся на съезде в Златоусте в конце 1897 г. и поставившая своей целью «сорганизовать и распространить революционную пропаганду по возможности на весь Урал», приняла на себя, по примеру петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» и возникших вслед за ним «Рабочих союзов» в Москве, Иваново-Вознесенске и других городах, название «Уральский рабочий союз».

Поездка П. И. Земскова по Уралу летом 1897 г., предпринятая по заданию Златоустовского и Челябинского кружков, причём он посетил главные пролетарские центры горнозаводского района — Екатеринбург, Нижний Тагил, Пермь, показала, что никаких социал-демократических рабочих кружков в посещённых им заводах не имелось, с большинством из этих заводов ему даже не удалось установить каких-либо связей.

Южноуральская социал-демократическая организация, чтобы «привлечь к участию в работе новые силы», распространить своё влияние на Средний

¹⁹⁴ Воспоминания Ф. Ф. Сыромолотова // ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. 1925. Д. 2259. Л. 6, 49.

¹⁹⁵ См.: *Кадомяцев Э. С.* Воспоминания о молодости. М., 1957. С. 25–26.

и Северный Урал, попыталась установить контакты с екатеринбургскими социал-демократами.

27 декабря 1897 г. в Екатеринбурге состоялось совещание представителей Златоустовского, Челябинского и Екатеринбургского кружков, приуроченное для конспирации к 20-летию со дня смерти Н. А. Некрасова («Некрасовская вечеринка»). На совещании участвовали: от Златоуста — А. С. Тютев, от Челябинска — А. А. Беляков и Н. М. Зобнин, от Екатеринбурга — С. А. Полузадов и Ф. Ф. Сыромолотов, от Нижнего Тагила — А. П. Хорьков. На совещании было решено подготовить 1 мая 1898 г. «выступления рабочих всего Урала от Златоуста до Нижнего Тагила и Мотовилихи» с предъявлением не только экономических, но и политических требований, провести общеуральскую стачку¹⁹⁶.

Но такое выступление не состоялось. Практическая попытка «Уральского рабочего союза» развернуть распространение революционных прокламаций и брошюр среди широких рабочих масс в Нижнетагильском округе привела к немедленному обнаружению полицией этой плохо законспирированной и слабо связанной с рабочими организации. А. П. Хорьков, арестованный в январе 1898 г. жандармами, оказался предателем и на допросах выдал всех известных ему членов «Уральского рабочего союза» и связанных с ним лиц. По его доносу были арестованы в Челябинске Н. М. Зобнин, И. И. Годлевский, А. А. Беляков, Г. М. Зобнин, в Екатеринбурге — С. А. Полузадов. 7 февраля 1898 г. в Златоусте были произведены обыски у А. С. Тютева и П. И. Земскова, оказавшиеся безрезультатными¹⁹⁷.

После обысков «деятельность Златоустовского кружка, — писал в своём представлении в Казанскую судебную палату прокурор Уфимского окружного суда, — затихла, хотя книги по рабочему вопросу, дозволенные в печати, раздавались рабочим; запрещённых же сочинений не было видно. В марте месяце собрания рабочих возобновились то у Тютева, то у Авладеевых, а в апреле и мае месяцах стали главным образом происходить на квартире... Владимира Гордеева, квартира которого, находящаяся на окраине города, в огороде, представляла удобства для подобных собраний... Цель, преследуемая кружком, т. е. ведение пропаганды среди рабочих, не изменилась»¹⁹⁸.

В Златоустовском заводе продолжались волнения рабочих. В январе 1898 г. рабочие Большого прокатного цеха стали настойчиво требовать сокращения ночной смены до 8 часов и стали самовольно останавливать прокатный стан на 3 часа, а также снова выдвинули требование о переводе всего цеха на 8-часовой рабочий день. С требованиями о введении 8-часового рабочего дня в начале 1898 г. выступили также рабочие механического и инструментального цехов¹⁹⁹.

¹⁹⁶ Годлевский И. И. Из воспоминаний о первом Уральском рабочем союзе. С. 57; Воспоминания Ф. Ф. Сыромолотова // ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. 1925. Д. 2259. Л. 4.

¹⁹⁷ ГАРФ. Ф. 124. Оп. 7. 1898. Д. 25. Л. 17; ГАСО. Ф. 185. Оп. 1. 1898. Д. 8. Л. 291–296; Годлевский И. И. Из воспоминаний о первом Уральском рабочем союзе. С. 58; Рабочее движение в России в XIX веке. Т. IV. Ч. 1. С. 725.

¹⁹⁸ Рабочее движение в России в XIX веке. Т. IV. Ч. 1. С. 726.

¹⁹⁹ Рабочее дело. Женева, 1899. № 2–3. С. 56–57.

Чтобы пресечь дальнейшее развитие революционного движения в заводе, власти приняли решительные меры. В апреле 1898 г. в Златоустовский завод была введена казачья команда.

15 июля 1898 г. в Златоусте были произведены многочисленные обыски и аресты. Были арестованы А. С. Тютев, П. И. Земсков, братья В. А. и П. А. Авладеевы, рабочий М. А. Гордеев. При обысках у них было изъято значительное количество литературы по политической и экономической тематике и рабочему вопросу — «8-часовой рабочий день» Вебба и Кокса, «Рабочий вопрос, его значение в настоящем и будущем» Ф. Ланге, «Профессиональные рабочие союзы» Э. Магаймо и другие, а у М. А. Гордеева была найдена нелегальная брошюра «Секретный циркуляр Министра внутренних дел от 12 августа 1897 г.»²⁰⁰.

Следствие по делу Челябинского кружка было разрешено в административном порядке. По «Высочайшему повелению» И. И. Годлевский, Н. М. Зобнин, А. А. Беляков, Г. М. Зобнин и С. А. Полузадов в июне 1898 г. были высланы в Архангельскую губернию под надзор полиции: И. И. Годлевский — на пять лет, остальные — на три года.

Следствие по делу Златоустовского кружка длилось более года, в течение этого времени обвиняемые содержались в одиночных камерах уфимской тюрьмы. Основное внимание следователи сосредоточили на А. С. Тютеве, чтобы добиться от него показаний, применяли угрозы, провокации, содержали его в холодном и тёмном карцере. Тяжёлые условия заключения и жестокое обращение тюремщиков привели к тому, что А. С. Тютев заболел галопирующей (скоротечной) чахоткой, в бессознательном состоянии был привезён домой и через две недели, 19 июня 1899 г., умер²⁰¹.

Похороны А. С. Тютева — признанного вожака златоустовских рабочих, стойкого революционера, основателя первой на Урале социал-демократической организации — 21 июня 1899 г. в Златоусте вылились во внушительную политическую демонстрацию. Полицейские и жандармы приложили все усилия к тому, чтобы помешать рабочим принять участие в похоронах; полицейские заняли проходные ворота в заводе и не выпускали рабочих, заводская администрация пригрозила всякого ушедшего с работы на похороны уволить с работы. Тем не менее сотни рабочих (до 1 000 чел.) бросили работу, приняли участие в похоронах и, с пением революционного похоронного марша «Вы жертвою пали в борьбе роковой», проводили в последний путь погибшего от рук полиции и жандармов революционера²⁰².

Среди уральских рабочих долго жила память о преданном делу рабочего класса, стойком революционере А. С. Тютеве. В 1901 г. уральскими социал-демократами была выпущена листовка «К уральским рабочим. По поводу годовщины

²⁰⁰ Рабочее движение в России в XIX веке. Т. IV. Ч. 1. С. 726–727.

²⁰¹ ГАРФ. Ф. 124. Оп. 7. 1898. Д. 11538. Л. 4–7; Ф. 102. Особ. отд. 1898. Д. 5. Ч. 3. Лит. «В». Л. 15 об. — 16; Исторический архив. М., 1955. № 6. С. 6.

²⁰² ГАРФ. Ф. 102. Особ. отд. 1898. Д. 5. Ч. 3. Лит. «В». Л. 15 об. — 16; РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 3. Д. 318. Л. 6.

смерти А. С. Тютеева». «Искра», кратко перепечатав содержание этой листовки, писала: «Память о погибшем Тютееве побудит каждого сознательного рабочего посвятить все силы рабочему делу, делу освобождения рабочих от бесправия, это единственно достойный способ почтить память замученного товарища»²⁰³.

Деятельность Южноуральской социал-демократической организации и понесённые ею жертвы не были напрасными. Власти и заводская администрация, напуганные развитием рабочего движения в Златоустовском заводе, вынуждены были пойти на серьёзные экономические уступки рабочим. С 1 мая 1898 г. 8-часовой рабочий день с сохранением заработной платы на прежнем уровне был введён во всех прокатных, сталелитейных и доменных цехах Златоустовского округа. С 1 сентября 1898 г. 8-часовой рабочий день был введён в механическом, инструментальном и столярном цехах Златоустовского завода. Таким образом, к концу 1898 г. 8-часовой рабочий день был установлен во всех основных цехах Златоустовского завода²⁰⁴.

Ввод казачьей команды, полицейские репрессии и некоторые экономические уступки ослабили рабочее движение в Златоустовском заводе. Горный начальник Златоустовских заводов доносил:

«Поведение и отношение рабочих к заводскому начальству становится немного сдержаннее... Такое явление следует приписать принятым в этом году мерам, а именно: командировке сюда казачьей команды, арестам и удалению некоторых лиц из числа мастеров и рабочих, а также и тому, что многие желания рабочих, которые найдено было возможным удовлетворить, заводским начальством удовлетворены»²⁰⁵.

Деятельность Южноуральской социал-демократической группы была обстоятельно освещена в Приложении к мандату Уральской группы социал-демократов, присланном группе «Освобождение труда» в 1900 г. для участия в Парижском конгрессе II Интернационала.

«Свои намерения, — сообщается в Приложении, — распространить революционную пропаганду на весь Урал группа не успела ещё привести в исполнение. Не успела ещё организация окрепнуть, как в феврале 1898 г. 4 члена группы подверглись обыскам, причём 2 из них вслед за этим были арестованы. На Урале условия революционной деятельности, с точки зрения конспирации, крайне неблагоприятны, и южной группе после обысков и арестов пришлось несколько сократить свои операции... Предосторожность эта, однако, не спасла группы: в июле 1898 г., т. е. несколько более чем через ½ года после возникновения группы, почти все члены её были арестованы. И группа, как таковая, прекратила своё существование»²⁰⁶.

²⁰³ Искра (Женева). 1901. № 10. Ноябрь.

²⁰⁴ Рабочее дело. Женева, 1899. № 2–3. С. 56–57; Уральская газета (Екатеринбург). 1907. 13 января; Рабочее движение в России в XIX веке. Т. IV. Ч. 1. С. 727.

²⁰⁵ ГАСО. Ф. 24. Оп. 16. 1898. Д. 1038. Л. 52 — 52 об.

²⁰⁶ Новые материалы о работе В. И. Ленина в редакции газеты «Искра» // Исторический архив. М., 1955. № 6. С. 6.

В Приложении давалась объективная, беспристрастная оценка деятельности Южноуральской социал-демократической группы.

«За кратковременное своё существование, — говорилось в Приложении, — южная группа сделала и много и мало — смотря с какой точки зрения взглянуть на её деятельность. Главным образом благодаря её присутствию и той агитации, которую вели её члены, на некоторых заводах были достигнуты частичные улучшения в положении рабочих, и один из заводов с 4-мя тысячами рабочих перешёл от 12 к 8-часовому рабочему дню. Этот переход сопровождался увеличением заработка рабочих.

Это, конечно, громадный, быть может даже небывалый, успех. Но если это поставить в заслугу группе, то нельзя не указать на то, что... члены группы... в сущности политической пропагандой почти не занимались... они не воспользовались агитацией как средством для широкого воздействия на массы, а ограничились кружковой работой... Даже в периоды стачек, т. е. в моменты крайне благоприятные для политической агитации, группа, боясь привлечь внимание дремлющей власти, боясь испортить дело, всецело отдаваясь интересам минуты... ни одним словом не обмолвилась ни о политической организации классового господства, ни о сущности отношений труда и капитала. Ею было упущено благоприятнее время для начала массовой политической пропаганды и борьбы, что было дефектом в её деятельности»²⁰⁷.

Южноуральская группа, уже твёрдо ставшая на путь социал-демократии, политически была ещё недостаточно зрелой, в своей работе допустила много крупных ошибок. Указав на слабости и просчёты в деятельности Южноуральской группы, Приложение к мандату Уральской группы социал-демократов подчёркивало, что их нельзя ставить в вину лично членам этой организации. Говорить о недостатках в деятельности южной группы, отмечается в Приложении, «приходится, конечно, не для того, чтобы упрекнуть товарищей-пионеров, оторванных от центра и заброшенных в ущелья Урала. Упоминаем об этом лишь потому, что преемникам южной группы приходится считаться с тем, что делалось их предшественниками, приходится начинать всё с начала»²⁰⁸.

Отрицательные последствия ошибок Южноуральской организации Приложение видело в том, что «рабочие, добившись удовлетворения своих крупных требований, успокоились и не хотят снова подвергать себя и товарищей риску из-за достижения мелких улучшений в своём положении. В их сознании победа, одержанная при весьма благоприятных условиях, была победой рабочих данного завода над данным предпринимателем, хотя бы он и являлся в образе казны. Связи и зависимости их борьбы с борьбой всего рабочего класса они не видят и значения политической борьбы рабочего класса не сознают»²⁰⁹.

²⁰⁷ Новые материалы о работе В. И. Ленина в редакции газеты «Искра» // Исторический архив. М., 1955. № 6. С. 6–7.

²⁰⁸ Там же. С. 7.

²⁰⁹ Там же.

Волнения и стачки уральских рабочих в 1896–1897 гг. слились с общероссийской стачечной волной, поднявшейся в стране после Петербургских стачек 1895–1896 гг.

Рост рабочего и социал-демократического движения в стране вызвал беспокойство в правящих кругах. Министр внутренних дел И. Л. Горемыкин в августе 1897 г. разослал губернаторам секретный циркуляр, в котором, извещая о крупных стачках рабочих в Петербурге, Москве и других городах Центрально-Промышленного района, подчёркивал, что «распространение движения и дисциплина среди стачечников находились в зависимости, главным образом, от деятельности тайных революционных сообществ, именующих себя “Союзом борьбы за освобождение рабочего класса” и “Рабочим союзом”».

Указав, что «по примеру столичных сообществ, во многих больших городах и крупных фабричных центрах образовались тайные кружки», усвоившие себе программу действий «Союзов», министр отмечал, что «с весны нынешнего года деятельность этих революционных групп проявилась в разных местах империи, и забастовки фабричных, заводских и даже цеховых рабочих сделались заурядным явлением во многих городах с более или менее значительным рабочим населением»²¹⁰.

Министр требовал от губернаторов принятия самых решительных мер по борьбе с рабочим и социал-демократическим движением.

Получив циркуляр министра внутренних дел, главный начальник Уральских горных заводов П. П. Боклевский 31 января 1898 г. разослал всем горным начальникам и окружным инженерам секретное предписание, в котором отмечал, что в течение 1897 г. «вредное влияние» социал-демократических групп уже проявилось «во многих заводских округах Урала... выражаясь частью в стачках и забастовках, частью в заявлении разных претензий и неудовольствий по адресу заводууправления скопом».

«Печальное движение это, по-видимому, всё более развивается», — с тревогой констатировал Боклевский²¹¹.

Главный начальник Уральских горных заводов предлагал горным начальникам и окружным инженерам «употребить все старания» к тому, чтобы удалить из заводов наиболее вопиющие злоупотребления, которые служат «предметом стачек, массовых заявлений и неудовольствий» («неправильная приёмка заводом руды», «недомерка коробов угля», «невыдача платы за брак и несходное железо, вычеты за угары и т. п.»), и тем «парализовать зловредную деятельность» «революционеров-агитаторов». Главный начальник обязывал администрацию заводов «зорко следить за тем, чтобы не допускать подозрительных интеллигентов... приобретать влияние среди рабочих, внушая им те вредоносные идеи,

²¹⁰ ГАРФ. Ф. 102. Особ. отд. 1898. Д. 4. Ч. 10. Л. «В». Л. 3 — 4 об.; ГАСО. Ф. 185. Оп. 1. 1897. Д. 23. Л. 7 — 8 об.; Рабочее движение в России XIX веке. Т. IV. Ч. 1. С. 829.

²¹¹ Металлисты Урала накануне и в период 1905 года: Сборник материалов и документов. Свердловск, 1926. С. 51.

которые влекут за собою столь печальные последствия»²¹². Администрации заводов предписывалось действовать «согласно и совместно с местной полицией».

Однако ни усиление репрессий против стачечников, ни усиление слежки за «подозрительными» интеллигентами в фабрично-заводских районах не смогли приостановить дальнейшего роста рабочего и социал-демократического движения.

О накале борьбы рабочих с заводоладельцами и их администрацией в 1895–1897 гг. свидетельствуют статистические данные о количестве стачек и волнений на Урале в этот период.

Таблица 7

Динамика рабочего движения на Урале в 1895–1897 гг.*

Годы	Стачки		Волнения		Итого	
	количество стачек	количество стачечников	количество волнений	количество участников	количество стачек и волнений	количество стачечников
1895	5	1345	—	Нет свед.	5	1345
1896	12	4040	3	Нет свед.	15	4040
1897	12	4625	7	Нет свед.	19	4625
Всего	29	10010	10	Нет свед.	39	10010

* Таблица составлена по материалам данной главы и работы: Юдина Л. С. Стачное движение на Урале в 1895–1904 гг. Челябинск, 1993. С. 12.

Таблица свидетельствует, что в 1895–1897 гг. борьба уральских рабочих с заводчиками и предпринимателями достигла большого накала. За три года на Урале произошло 29 стачек и 10 волнений, больше, чем за предшествовавший десятилетний период. В стачках 1895–1897 гг., по неполным данным, участвовало более 10 тыс. чел. Стачками и волнениями были охвачены несколько металлургических заводов, ткацкая фабрика, рудники, золотые прииски, каменноугольные копи, торфяники, судорабочие.

Основными очагами стачечного движения в эти годы были Златоустовский и Сергинско-Уфалейский горные округа и города Екатеринбург и Сарапул. Особенно упорную стачечную борьбу вели рабочие Михайловского завода, бастовавшие почти ежегодно. Ведущую роль в стачечном движении играли рабочие крупных металлургических заводов и рабочие крупных городов, особенно г. Екатеринбург. Стачки рабочих на крупных заводах и фабриках — Михайловском заводе в 1895 г., Златоустовском в 1896 и 1897 гг., суконной фабрике Злоказовых и механическом заводе Ятеса в Екатеринбурге в 1897 г. — оказали большое влияние на рабочих других заводов и фабрик, своими выступлениями показывали пример другим рабочим, вовлекали в стачечное движение новые слои рабочих.

С новой силой стачечное движение развернулось на Урале в три последних года XIX в. — в 1898–1900 гг.

²¹² Там же. С. 51–52.

ГЛАВА 8

ПРИБЛИЖЕНИЕ БУРИ

Поднявшаяся в стране в 1895–1900 гг. стачечная волна свидетельствовала, что проповедуемая идеологами уральских горнозаводчиков «гармония интересов рабочих и хозяев» была красивым мифом. Конфронтация между рабочими и предпринимателями на Урале с каждым годом нарастала и принимала всё более острый характер. Социально-политическая ситуация в регионе становилась всё более тревожной и угрожающей.

Характерной особенностью противостояния уральских рабочих с предпринимателями в последние три года XIX в. было начавшееся осуществляться в регионе соединение марксизма и других социальных теорий с рабочим движением. Стихийные, неорганизованные или плохо организованные протестные выступления рабочих за свои права и интересы, ранее ограничивавшиеся экономическими, местными, локальными запросами, стали сменяться стачками и волнениями, проходившими под лозунгами революционных партий, вооружённых научными теориями, с выставлением не только экономических, но и политических требований. Политическими руководителями рабочих выступали социал-демократы, эсеры, народоправцы, анархисты.

Возникшие в конце 1890-х гг. на Урале нелегальные интеллигентно-рабочие революционные организации — «Уральский рабочий союз» (1897 г., г. Златоуст), «Группа социал-демократов на Урале» (1898 г., г. Екатеринбург), «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» (1898 г., г. Пермь) перешли от пропаганды в узких кружках к широкой агитации в рабочих массах, начали осуществлять политическое руководство рабочими массами.

Лидирующие позиции в руководстве рабочими массами занимали социал-демократы. Социал-демократическая агитация и политическое руководство социал-демократии придали рабочему движению большой размах и общественный резонанс, придали ему широкое общественно-политическое звучание. По мере внесения в рабочие массы социал-демократической идей, стихийное рабочее движение превращалось в сознательное движение рабочих масс за их классовые экономические и политические интересы.

Одним из важных средств политического воспитания рабочих стало празднование Первого мая — Дня международной солидарности рабочих всех стран

в борьбе за свои права, против угнетения и эксплуатации. Решение о ежегодном проведении такого праздника было принято в 1889 г. Парижским конгрессом II Интернационала в знак солидарности с рабочими Чикаго (США), организовавшими 1 мая 1886 г. забастовку с требованием 8-часового рабочего дня и демонстрацию, закончившуюся кровопролитной схваткой с полицией. В России день 1 мая впервые был отмечен петербургскими рабочими в 1891 г., после этого он стал праздноваться рабочими во многих городах и промышленных районах страны¹. На Урале впервые празднование 1 мая было проведено в 1898 г. в Екатеринбурге, Кунгуре и Златоусте.

В конце 1890-х гг. материальное положение уральских рабочих оставалось тяжёлым. В 1898 г. повторился неурожай, цены на хлеб снова повысились. В 1899 г. урожай был средним, цены на продовольствие несколько понизились, но все ещё были значительно выше цен, существовавших в середине 1890-х гг.² Несмотря на значительное понижение реальной заработной платы, заводчики продолжали систематически снижать и номинальную заработную плату. Рабочих по-прежнему подвергали штрафам, обсчитывали, жестоко преследовали за «самовольные» порубки и сенокосения. Всё это вызывало со стороны рабочих всё более энергичный отпор, выступления рабочих против заводчиков и их администрации принимали всё более решительный и открыто конфронтационный и антиправительственный характер.

4 января 1898 г. рабочие Кыштымского завода в количестве 1215 чел., собравшись на сход, постановили ходатайствовать перед правительством об удалении из завода Главноуправляющего заводами П. М. Карпинского, по версии либералов — их «благодетеля, дающего им работу, зарплату, обеспечивавшие им благополучную, достойную жизнь», а по мнению рабочих — «человека, вредного для общества». Ходатайство мотивировалось тем, что Карпинский преследует рабочих за «самовольные» порубки и сенокосения, а также «допускает всевозможные стеснения и обиды на цеховых и конных работах»³.

Постановление более чем тысячного схода рабочих об удалении Карпинского, вынесенное с соблюдением необходимых формальностей, произвело среди властей впечатление внезапно разорвавшейся бомбы. Волостным и сельским сходам царским законодательством было предоставлено право вынесения приговоров «об удалении нежелательных членов общества» в Сибирь и другие отдалённые места. Власти широко использовали его для высылки «неблагонадёжных» элементов. Теперь же это право, совершенно неожиданно для властей, было применено рабочими против представителя господствующего класса.

Приговор Кыштымского схода послужил сигналом для составления таких же приговоров в ряде других обществ. В марте 1898 г. вспомогательные рабочие Кыштымского завода, проживавшие в с. Рождественском, вынесли приговор

¹ Первое Мая в царской России 1890–1916 гг. Сб. документов. М., 1939.

² ГАСО. Ф. 185. Оп. 1. 1899. Д. 8. Л. 297–298.

³ ГАРФ. Ф. 102. Особ. отд. 1898. Д. 9. Ч. 41. Л. 9; ГАСО. Ф. 24. Оп. 20. 1898. Д. 791. Л. 2.

об удалении земского начальника Ложкина. В Каслинском заводе предполагалось составление приговора об удалении из завода торговцев Трутнева и Белинькова, запрещавших рабочим ловить рыбу в арендованных ими озёрах⁴. В июле 1898 г. в Северском заводе был составлен приговор о смещении с должности управляющего заводом А. М. Мокроносова «ввиду того, что он грубо обращается с рабочими»⁵.

Вынесение рабочими приговоров об удалении из заводов отдельных представителей господствующих классов как людей, «вредных для общества», свидетельствовало о росте коллективизма и сплочённости рабочих, о понимании ими силы своих совместных выступлений. Вместе с тем эти приговоры показывали, что политическое сознание рабочих было ещё низким: рабочие надеялись на возможность мирными, легальными методами борьбы, вроде вынесения приговоров, добиться избавления от произвола заводоуправлений и правительственных властей.

Как и следовало ожидать, все приговоры рабочих об удалении ненавистных представителей господствующих классов, как составленные якобы «с превышением» прав сходов, были оставлены властями «без последствий»⁶.

Стачки и революционная агитация в Златоустовском заводе в 1896–1897 гг. оказали сильное влияние на рабочих соседнего Саткинского казённого завода. В начале 1898 г., доносил Горный начальник Златоустовских заводов, «благодаря... подстрекательству со стороны вожаков рабочих Златоустовского завода, среди саткинских рабочих также возникло брожение»⁷.

21 января 1898 г. рабочие литейного цеха Саткинского завода, в числе около 800 чел., возмущённые обчётом их за отливку звёздчатых сердечников к снарядам, в результате чего у надзирателя оказалось 655 «излишних», «неучтённых» сердечников, потребовали удалить надзирателя цеха Еретнова и увеличить заработную плату, а также потребовали участия правления горнозаводского приказа в разборе конфликтов между заводоуправлением и рабочими.

Когда управитель завода отказался удовлетворить эти требования, рабочие «стали кричать, что добьются удаления с завода самого управителя» и подали жалобы Горному начальнику и помощнику начальника Уфимского губернского жандармского управления в Златоустовском уезде. Горный начальник распорядился уплатить рабочим за все оказавшиеся излишними сердечники и уволить браковщика Алпатова, виновного в выписке излишних денег и их присвоении. Однако он «не нашёл вины Еретнова», а самим рабочим был сделан выговор «за неосторожные и ложные доносы и жалобы». 9 января, не добившись удовлетворения всех своих требований, рабочие вышли на работу⁸.

⁴ ГАСО. Ф. 185. Оп. 1. 1898. Д. 20. Л. 51 об.

⁵ ГАПК. Ф. 162. Оп. 1. 1899. Д. 46. Л. 42 об.

⁶ ГАСО. Ф. 185. Оп. 1. 1898. Д. 20. Л. 51 об.

⁷ ГАСО. Ф. 24. Оп. 16. 1898. Д. 1038. Л. 19 об.

⁸ ГАРФ. Ф. 102. Особ. отд. 1898. Д. 4. Ч. 9. Л. 3–5, 19; ГАСО. Ф. 24. Оп. 16. 1898. Д. 1038. Л. 18–21, 31 – 31 об., 34 – 34 об.

Крупные волнения произошли в начале 1898 г. среди рабочих Нижнетагильского Медного рудника. В январе 1898 г., якобы «ввиду малоодоходности» рудника, администрация понизила рабочим подённую плату с 80 коп., которые они получали с 1889 г., до 70 коп.⁹ 399 рабочих рудника в феврале прекратили работу и потребовали возвращения прежней зарплаты.

«Сбавкой этой, почти через 10 лет, — доносил 11 февраля 1898 г. Верхотурский уездный исправник губернатору, — рабочие недовольны, составляют сходбища, на которых произносится неудовольствие и ругань по отношению к местному земскому начальнику и жандармскому офицеру, как не принявших их просьб о ходатайстве перед заводоуправлением о восстановлении прежней платы... и предполагаются, будто бы, на днях, стачки и забастовки»¹⁰.

Однако среди рабочих взяли верх сторонники легальных методов борьбы. 23 марта 1898 г. уполномоченные рабочих, от имени и «по договорённости корпорации рабочих в числе 399 человек», подали окружному инженеру прошение, в котором просили восстановить прежнюю подённую заработную плату¹¹. Прошение свыше двух месяцев «рассматривалось» в правительственных учреждениях, а затем, в начале июня, когда «возбуждение среди рабочих прошло», окружной инженер объявил рабочим, что «ходатайство их уважить не может»¹².

Волнения на Медном руднике показали, насколько была ещё прочна, устойчива среди рабочих наивная, безосновательная вера в «справедливость начальства». Рабочие рудника, организовавшие в 1889 и 1894 гг. боевые наступательные стачки, доверчиво и легковерно верили в возможность улучшения своего положения путём ходатайств перед властями.

Весной 1898 г. серьёзные волнения, вызванные длительной — в течение более трёх месяцев — невыдачей заработной платы вследствие почти полного отсутствия денег в кассе заводов, произошли среди рабочих Богословского округа в Верхотурском уезде Пермской губернии. 400 рабочих коми-зырян толпой явились к заводоуправлению и потребовали расчёта. Деньги им были выплачены, для чего управляющий вынужден был прибегнуть к займам у 225 торговцев¹³. Часть рабочих, главным образом татары, занятые на рубке леса, самовольно ушли с работы партиями от 10 до 300 чел.¹⁴

3 мая 1898 г. произошло волнение судорбочих Уткинского графа Строганова завода, сплавлявших барки по р. Чусовой. Прибыв к устью реки, 30 рабочих с «шумом и криками» приступили к караванному с требованием немедленно расчёта за сплав, угрожая, в случае неисполнения их требования, произвести

⁹ Положение рабочих Урала во второй половине XIX — начале XX века. 1861–1904 гг. М.; Л., 1960. С. 154.

¹⁰ ГАПК. Ф. 65. Оп. 1. 1898. Д. 13. Л. 225.

¹¹ ГАСО. Ф. 643. Оп. 3. 1898. Д. 2414. Л. 3–4.

¹² Положение рабочих Урала во второй половине XIX — начале XX века. С. 154.

¹³ Там же. С. 148, 446.

¹⁴ ГАПК. Ф. 36. Оп. 10. 1898. Д. 3. Л. 69 об.

«бунт». Напуганный караванный немедленно выплатил рабочим причитавшиеся деньги¹⁵.

В начале мая 1898 г. бастовали около 500 рабочих доменного цеха Катав-Ивановского завода, требовавшие увеличения подённой заработной платы на 15 коп. — с 45 до 60 коп. Заводоуправление согласилось увеличить плату лишь на 5 коп. Рабочие прекратили работу, но после объявления о вербовке вместо них новых рабочих согласились принять предложения заводской администрации¹⁶.

В июне 1898 г. бастовали 60 рабочих мартеновского цеха Нижнетагильского завода, требовавшие введения трёхсменной 8-часовой работы ввиду физической невозможности работать у мартеновских печей по 12 часов. Стачка продолжалась три недели, но окончилась поражением рабочих, им было отказано в удовлетворении их требования¹⁷.

Осенью 1898 г. снова происходили волнения рабочих на Катав-Ивановском заводе. После волнений, происходивших в этом заводе в апреле 1897 г., рабочие рельсопрокатного цеха перестали работать в праздничные дни, требуя за эту работу двойную плату. С 1 сентября 1898 г. администрация ввела новые правила внутреннего распорядка, по которым рабочие обязывались работать в праздничные дни за обыкновенную плату.

Рабочие рельсопрокатного цеха (около 300 чел.) новым правилам не подчинились и отказались выходить на работу по воскресным и праздничным дням. Они потребовали увеличения заработной платы и выражали недовольство управителем завода Фигнером за постоянные притеснения, выразившиеся в запрещении пользоваться безвозмездно остатками железа для их домашних надобностей (на полозья, подковы, топоры, шины, лопатки и т. д.), что разрешалось прежним управителем.

Прибывший в завод окружной инженер Кихлер, собрав рабочих 2 декабря 1898 г., разъяснил им «их неправильное действие» и путём угроз «о могущих быть последствиях в случае упорного их отказа» и применения штрафов «склонил к продолжению работы и по воскресеньям», и в праздничные дни¹⁸.

Заводоуправлениям мелкими уступками, обещаниями и угрозами ещё удавалось привести рабочих к повиновению, но волнения и стачки, охватывая всё новые и новые массы рабочих, ещё не участвовавших в борьбе, придавали рабочему движению всё более широкий размах, хотя по своему характеру они оставались стихийными и экономическими.

С возникновением на Урале социал-демократических организаций, начавших осуществлять соединение социализма с рабочим движением, борьба рабочих приобрела более организованный и политически более сознательный характер.

¹⁵ ГАСО. Ф. 47. Оп. 1. 1898. Д. 448. Л. 34–35.

¹⁶ ГАРФ. Ф. 102. Особ. отд. 1898. Д. 4. Ч. 9. Л. 8–9.

¹⁷ Хроника рабочих волнений и стачек // Жизнь (Лондон). 1902. № 1. С. 29.

¹⁸ ГАРФ. Ф. 102. Особ. отд. 1898. Д. 4. Ч. 9. Л. 17; ЦГИА РБ. Ф. 187. Оп. 1. 1898. Д. 143. Л. 35 – 38 об.

Первую попытку соединить социализм с рабочим движением, перейти от пропаганды в кружках к экономической агитации в широких рабочих массах (оказавшуюся не реализованной), как мы видели выше, предприняла Южноуральская организация — «Уральский рабочий союз» (1897–1898 гг., Златоуст — Челябинск). Вслед за ней от пропаганды в узких кружках к агитации в широких рабочих массах начали переходить сформировавшиеся в начале 1898 г. социал-демократические организации Среднего и Северного Урала.

После февральских обысков 1898 г., на заключительном этапе своего существования, Южноуральская группа пыталась продолжить свою деятельность, направленную на объединение всех социал-демократов Урала в единую организацию, но эти попытки не увенчались успехом.

«Несколькими месяцами позже февральских обысков у членов южной группы (1898 г.) возникают ещё две организации — в центре Урала и в северной части его, — сообщало Приложение к мандату Уральской группы социал-демократов, присланное группе «Освобождение труда» в 1900 г. — Вскоре после возникновения двух последних групп между всеми тремя группами завязываются сношения. Все три стремятся слиться, но это не удаётся. Пока идут переговоры, южная группа проваливается, а остальные, не сойдясь главным образом по вопросам организации, работают независимо друг от друга»¹⁹.

На Среднем Урале попытку соединения социализма с рабочим движением предприняли социал-демократы Екатеринбургa. В городе существовало несколько нелегальных кружков социал-демократического направления: среди городской интеллигенции (С. А. Полузадов, Н. А. Чердынцев и др.), в гимназии, в горном училище. В июне 1897 г. в город приехал рабочий М. И. Кусков, который организовал социал-демократический кружок из рабочих завода Ятеса. В сентябре 1897 г. ряды екатеринбургских социал-демократов пополнил приехавший в город бывший семинарист Д. П. Кремлёв.

В конце 1897 г. в Екатеринбургe образовался марксистский кружок, в который вошли: рабочий завода Ятеса М. И. Кусков, гимназист С. А. Новомейский, писец нотариуса Д. Кремлёв, учащийся Уральского горного училища Ф. Ф. Сыромолотов и др. Первоначально кружок, состоявший всего из нескольких человек, не имел чёткой организации, деятельность его членов ограничивалась нерегулярными беседами и занятиями с отдельными рабочими. В этот период руководителями кружка были М. И. Кусков и С. А. Новомейский²⁰.

Учащаяся молодёжь ещё только вставала на марксистские позиции. Ф. Ф. Сыромолотов в своих воспоминаниях писал, что во время споров марксистов с народниками они «обучались правильному пониманию революционных учений», «обучались более правильно понимать революционное рабочее движение»²¹

¹⁹ Новые материалы о работе В. И. Ленина в редакции газеты «Искра» // Исторический архив. 1955. № 6. С. 7.

²⁰ РГИА. Ф. 1405. Оп. 530. 1901. Д. 1027. Л. 6; ГАРФ. Ф. 102. 7 дел-во. 1899. Д. 272. Т. 2. Л. 78–84; ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. 1925. Д. 2259. Л. 50. Воспоминания Ф. Ф. Сыромолотова.

²¹ ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. 1925. Д. 2259. Л. 6, 49. Воспоминания Ф. Ф. Сыромолотова.

и лишь с приездом М. М. Берцинской-Эссен «особенно укрепились в марксистских позициях»²².

Члены кружка были связаны с Петербургом, поддерживали контакты с местной интеллигентской марксистской группой, с златоустовско-челябинским «Уральским рабочим союзом». В совещании уральских социал-демократов в Екатеринбурге 27 декабря 1897 г. («некрасовской вечеринке») от кружка участвовал Ф. Ф. Сыромолотов. Однако, как это видно из его воспоминаний, организационно их кружок в «Уральский рабочий союз» не входил²³.

В конце 1897 — начале 1898 г. кружок расширил связи с рабочими. Накануне нового, 1898 г. М. И. Кусков и С. А. Новомейский провели нелегальное собрание, на котором присутствовало 15 рабочих завода Ятеса²⁴.

В конце февраля 1898 г. в Екатеринбург приехали М. М. Берцинская-Розенберг (Эссен), А. А. Санин и Э. Г. Каменец, имевшие большой опыт революционной деятельности.

М. М. Эссен до приезда на Урал принимала активное участие в работе социал-демократических организаций Екатеринослава, Одессы, Харькова, Самары, Саратова и Киева. А. А. Санин в 1887–1889 гг. участвовал в деятельности кружка Н. Е. Федосеева в Казани, в 1895–1897 гг. являлся одним из редакторов газеты «Самарский вестник», напечатавшей ряд статей В. И. Ленина и Г. В. Плеханова и завоевавшей этим широкую популярность. А. А. Санин считался в то время крупным теоретиком, хотя его взгляды и не были последовательно марксистскими. Э. Г. Каменец участвовала в работе киевского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»²⁵.

К Уралу внимание Эссен, Санина и Каменец было привлечено волной забастовок, прокатившихся здесь в 1895–1897 гг. Посоветовавшись со своими товарищами из петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», они отправились на Урал, поставив перед собой задачу активизировать рабочее движение в этом крупном промышленном районе, ещё не затронутом организованной социал-демократической работой.

«Я тогда носилась с идеей всеобщей забастовки, — писала в своих воспоминаниях М. М. Эссен, — и считала, что надо развить и усилить работу там, где забастовка одного района отозвалась бы на промышленности всей страны, остановила бы работу других крупных центров и привела бы в движение массы... В Златоусте... была проведена забастовка, давшая рабочим 8-часовой рабочий день вместо 12-часового. Это говорило о том, что рабочие Урала могут бороться и побеждать.

²² ЦПА ИМЛ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 1890. Л. 6.

²³ ЦДОСО. Ф. 41. Оп. 1. 1925. Д. 2259. Л. 4. Воспоминания Ф. Ф. Сыромолотова.

²⁴ ГАРФ. Ф. 102. 7 дел-во. 1899. Д. 272. Л. 78.

²⁵ *Бердичевская С. Мария Моисеевна Эссен // Славные большевички. М., 1958. С. 305–307; Эссен М. М. Первый штурм: Воспоминания. М., 1957. С. 19–41; Санин А. А. «Самарский вестник» в руках марксистов // Пролетарская революция. М., 1924. № 12. С. 248–282.*

Но после той забастовки на Урале как-то приглохло всё, и дальнейшего развития движение златоустовских рабочих не получило. Поднять рабочее движение в таком важном промышленном районе, имевшем уже такие славные традиции, как проведение Златоустовской забастовки, показалось очень соблазнительным»²⁶.

Идея организации всеобщей стачки на Урале выдвигалась ещё «Уральским рабочим союзом» и была принята на совещании уральских социал-демократов в Екатеринбурге («некрасовской вечеринке») 27 декабря 1897 г. Но при существовавшем тогда на Урале уровне рабочего и социал-демократического движения она была нереальной.

С приездом М. М. Эссен, А. А. Санина и Э. Г. Каменец (Санин вскоре уехал обратно, а Каменец 10 апреля 1898 г. отравилась) руководство социал-демократической работой в Екатеринбурге перешло в руки М. М. Эссен. Ей удалось объединить и активизировать деятельность екатеринбургских кружков, придать ей целенаправленный и организованный характер, создать из социал-демократических кружков социал-демократическую организацию.

Деятельность екатеринбургских социал-демократов резко активизировалась и приобрела значительный размах²⁷. «Мы были взяты в работу по-настоящему», — вспоминал позднее Ф. Ф. Сыромолотов²⁸. Теперь екатеринбургские кружки стали называть себя «Группой социал-демократов на Урале», подчёркивая этим названием своё намерение развернуть работу в масштабах всего Урала.

Екатеринбургские социал-демократы стали регулярно получать из Петербурга нелегальную литературу. Вскоре после I съезда РСДРП они получили материалы этого съезда²⁹. Круг интересов и деятельность екатеринбургских социал-демократов начали выходить из местных рамок. В идейном и организационном отношении Екатеринбургская («Центральная») группа была более зрелой, чем Южноуральская группа. В Приложении к мандату Уральской группы социал-демократов, присланном группе «Освобождение труда» в 1900 г., отмечалось, что «Центральная группа резко разнится по характеру своей деятельности в положительную сторону от Южноуральской группы»³⁰.

Вокруг М. М. Эссен сложился кружок пропагандистов и организаторов, в который вошли рабочие Верхисетского завода, суконной фабрики Злоказовых, завода Ятеса и железнодорожных мастерских. Через семинариста Д. П. Кремлёва к работе были привлечены учащиеся горного училища Ф. Ф. Сыромолотов, Г. Варначёв, Г. Якобсон, И. Лоськов, М. Саватеев и др. Активное участие в работе организации приняли гимназист С. А. Новомейский и курсистка Е. В. Зверева³¹.

²⁶ Эссен М. М. Первый штурм. С. 41.

²⁷ РГИА. Ф. 1405. Оп. 530. 1901. Д. 1027. Л. 6 об.

²⁸ Цит. по кн.: Эссен М. М. Первый штурм. С. 48.

²⁹ Эссен М. М. Первый штурм. С. 42.

³⁰ Новые материалы о работе В. И. Ленина в редакции газеты «Искра» // Исторический архив. С. 7.

³¹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 530. 1901. Д. 1027. Л. 6 об.; ГАРФ. Ф. 124. 1898. Д. 11980. Л. 185.

На предприятиях стали создаваться рабочие кружки, членов которых тоже привлекали к нелегальной работе. «С рабочими мы виделись, — вспоминала М. М. Эссен, — на собраниях в лесу, за городом. Этим собраниям... придавался мирный характер пикников, прогулок. Рабочим мы объясняли, зачем нужно организовать в партию, рассказали о том, что сделано в других городах, как ведётся социал-демократическая работа в Европе»³².

Наибольшую активность в работе организации проявили рабочие К. и М. Казаковы, И. Рыбин, Ф. Сушенцев, И. Февралёв, М. Сафьянов, В. Тетерин, А. Смирнов, П. Путилов, В. Брынских, М. Лабутин, которые не только аккуратно посещали все сходки и собрания, но и сами распространяли нелегальную литературу и вербовали в кружки новых членов³³.

Даже царские чиновники вынуждены были признать, что екатеринбургская социал-демократическая организация сумела найти прочную опору в рабочих массах. Прокурор Казанской судебной палаты сообщал министру юстиции, что помощниками М. М. Розенберг-Эссен «по распространению преступного содержания книг и брошюр стали являться рабочие разных фабрик и заводов Екатеринбурга, преимущественно рабочие механической фабрики Ятеса, хорошо подготовленные Кусковым и Новомейским к восприятию социал-демократических идей», а рабочие Ф. Сушенцев, В. Тетерин, М. Сафьянов и П. Путилов «настолько заслужили доверие Кускова, Новомейского и Розенберг, что их предполагали сделать членами «Рабочего комитета»³⁴.

Екатеринбургская социал-демократическая организация быстро росла и укреплялась. Уже весной 1898 г. она перешла от пропаганды в кружках к агитации в широких рабочих массах.

1 мая (19 апреля по старому стилю) 1898 г. екатеринбургскими социал-демократами была проведена за городом, в лесу у Основинских прудков сходка — одна из первых на Урале маёвка, на которой М. М. Эссен, М. И. Кусков и С. А. Новомейский читали рабочим социал-демократическую литературу и выступили перед ними с революционными речами³⁵.

Накануне и 1 мая (19 апреля по старому стилю) 1898 г., в ознаменование Первомайского праздника, екатеринбургскими социал-демократами была распространена по городу отпечатанная ими на гектографе листовка с заголовком «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», в которой разъяснялось значение первомайского праздника, говорилось о гнёте и несправедливости рабочего класса, о разорённом крестьянстве, о борьбе рабочего класса в крупных центрах страны, выдвигались экономические и политические требования. Заканчивалась листовка

³² Эссен М. М. Первый штурм. С. 48.

³³ РГИА. Ф. 1405. Оп. 530. 1901. Д. 1027. Л. 7 — 7 об.; ГАРФ. Ф. 124. 1898. Д. 11980. Л. 150—152; ГАСО. Ф. 180. Оп. 1. 1898. Д. 57. Л. 195 об., 196 об., 222 — 222 об.

³⁴ РГИА. Ф. 1405. Оп. 530. 1901. Д. 1027. Л. 6 об., 7 об.

³⁵ ГАПК. Ф. 162. Оп. 1. 1898. Д. 46. Л. 43 об.; ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 2259. Л. 8. Воспоминания Ф. Ф. Сыромолотова.

призывом: «Долой самодержавие и да здравствует социал-демократическая рабочая партия!»³⁶

Одновременно была выпущена листовка «К рабочим г. Екатеринбурга», в которой отмечалось 50-летие провозглашения К. Марксом и Ф. Энгельсом теории научного коммунизма, рассказывалось об успехах рабочего движения в Западной Европе и России.

«...Рабочие Екатеринбурга, который является промышленным центром Уральского края, — говорилось в листовке, — ничем ещё не проявили себя». Листовка призывала рабочих «соединиться и бороться дружно против одного общего врага — хозяина-капиталиста и его прихвостней», призывала бороться за политические права, не верить ни хозяевам, ни правительству. «Уральские рабочие, а из них прежде всего рабочие Екатеринбурга, — говорилось в заключении листовки, — должны примкнуть к общерусскому рабочему движению, чтобы тем самым обеспечить успех своего собственного дела. Да здравствует общерусское рабочее движение!»³⁷

«Листки, отпечатанные на гектографе, — вспоминала М. М. Эссен, — мы, разбившись на группы, расклеивали всю ночь на фабриках, заводах и в городе на телеграфных столбах, около полицейских участков и в других центральных местах»³⁸. В железнодорожных мастерских, на заводе Ятеса, на Верхисетском заводе, кроме прокламаций, были разбросаны «запрещённые» брошюры, «касающиеся рабочего вопроса»: «Что нужно знать и помнить каждому рабочему?», «Объяснение новых правил для рабочих по закону 1 января 1896 г.» и др. Их находили рабочие в карманах своих пальто, в инструментальных ящиках, в отхожих местах и т. д.»³⁹

Распространение листовок вызвало среди екатеринбургской полиции и жандармерии настоящий переполох. В городе начались массовые обыски, но производились они наугад и социал-демократическую организацию совершенно не затронули.

Позднее группой была выпущена листовка, озаглавленная «Воззвание к рабочим Урала», в которой говорилось о необходимости перехода от экономической борьбы к политической. Положение рабочих, говорилось в листовке, «может измениться только тогда, когда они добьются права участвовать в издании законов и в управлении страной, т. е. когда они добьются политических прав». Листовка призывала рабочих добиваться: 1) всеобщего избирательного права; 2) свободы сходок; 3) свободы стачек; 4) свободы печати.

³⁶ ГАРФ. Ф. 102. 7 дел-во. 1899. Д. 272. Л. 12 об.; Эссен М. М. Первый штурм. С. 49; Исторический архив. М., 1955. № 6. С. 7. Листовка была переизданием листовки петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

³⁷ ГАРФ. Ф. 124. 1899. Д. 11980. Л. 3–4; ГАПК. Ф. 65. Оп. 1. 1898. Д. 255. Л. 23–24; Рабочее движение в России в XIX веке. Т. IV. Ч. 2. С. 158–160.

³⁸ Эссен М. М. Первый штурм. С. 49–50.

³⁹ ГАРФ. Ф. 124. 1899. Д. 11980. Л. 2, 145 об. — 146; ГАПК. Ф. 65. Оп. 1. 1898. Д. 255. Л. 23; ГАСО. Ф. 180. Оп. 1. 1898. Д. 57. Л. 195 — 196 об.

В качестве средства борьбы рекомендовалась всеобщая стачка. «Нам в нашей борьбе, — говорилось в листовке, — не нужны штыки и ружья — у нас есть более сильное оружие! В наших руках вся промышленная жизнь России, и мы можем эту промышленную жизнь остановить помощью всеобщей стачки. Мы и прибегнем к ней, когда, объединившись между собою, мы выставим свои требования и помощью её добьёмся всего!»⁴⁰

Несмотря на некоторые свои недостатки (чрезмерное преувеличение роли всеобщей стачки, отсутствие конкретных указаний о способах борьбы и формах организации рабочего класса, идеализацию положения западноевропейских и американских рабочих), эти листовки имели политическое значение, призывая уральских рабочих к борьбе против предпринимателей и правительства, к объединению и сплочению под знамёнами социал-демократии.

Выпуском первомайских прокламаций и прокламаций «К рабочим г. Екатеринбурга» и «К рабочим Урала» («Воззвание к рабочим Урала») было положено начало систематической социал-демократической агитации на Урале. В условиях самодержавно-полицейского строя, отсутствия свободы слова и печати листовки являлись для социал-демократов могучим средством завоевания масс, служили одним из видов руководства рабочим движением со стороны социал-демократических организаций.

Вслед за выпуском прокламаций, освещавших общие задачи рабочего класса, екатеринбургская социал-демократическая организация приступила к печатанию прокламаций, обращенных к рабочим отдельных фабрик и заводов. Одновременно она начала практически осуществлять руководство рабочим движением на тех заводах и фабриках, которые оказались в сфере её влияния.

В апреле 1898 г. произошла забастовка на суконной фабрике Злоказовых в г. Екатеринбурге. Администрация фабрики наняла в Москве 30 рабочих-ткачей, пообещав им платить зарплату по 25–30 руб. в месяц и обеспечить квартирами. Когда ткачи прибыли в Екатеринбург, то обнаружилось, что обещания администрации были сплошным обманом: заработок оказался в два раза ниже обещанного, квартир для рабочих при фабрике не было⁴¹.

22 апреля все приезжие рабочие прекратили работу и потребовали от администрации повышения заработной платы и выполнения обещаний, данных им при вербовке в Москве. Опасаясь распространения стачки, администрация отправила рабочих обратно в Москву, снабдив их бесплатно проездными билетами и отказавшись от взыскания с них денег, выданных в качестве задатков⁴². Однако и после высылки московских ткачей волнения среди рабочих фабрики не прекратились.

Екатеринбургская социал-демократическая организация выпустила листовку «К рабочим Злоказовской фабрики», в которой советовала рабочим требовать

⁴⁰ ГАРФ. Ф. 102. Ежен. зап. 1899. Д. 83. Л. 204; Рабочее движение в России в XIX веке. Т. IV. Ч. 2. С. 311–313.

⁴¹ ГАПК. Ф. 65. Оп. 1. 1898. Д. 256. Л. 12 — 12 об.

⁴² ГАСО. Ф. 13. Оп. 1. 1898. Д. 7. Л. 3; ГАПК. Ф. 65. Оп. 1. 1898. Д. 256. Л. 12 об. — 13.

увеличения заработной платы. Описав тяжёлый труд рабочих на фабрике, жестокую эксплуатацию фабрикантом не только рабочих, но и их жён и детей, прокламация призывала к организации общефабричной стачки. «В наших руках есть сильное оружие — это стачка!.. Но для того, чтобы стачки имели успех, нужно действовать сообща, всей фабрикой», — учила рабочих листовка⁴³.

Некоторое время спустя была выпущена вторая листовка, обращённая к рабочим Злоказовской фабрики. «Полиция и жандармерия заодно с нашими кровопийцами-хозяевами действуют против нас, рабочих, — говорилось в листовке. — Как только появились листки, у нас их похватали». Листовка призывала всех рабочих прекратить работу, если не будет повышена заработная плата. «На нашей стороне и сила и право, — говорилось в листовке, — но только тогда, когда мы будем действовать сообща. Все за одного и один за всех!»⁴⁴

Распространение социал-демократических листовок вызвало большое возбуждение и волнение среди рабочих почти на всех фабриках и заводах г. Екатеринбург. Помощник начальника Пермского губернского жандармского управления в Екатеринбургском уезде доносил, что волнения, вызванные «распространением среди рабочих г. Екатеринбурга и уезда подпольных изданий» и продолжавшиеся с апреля месяца до конца 1898 г., кроме фабрики Злоказовых, произошли также среди рабочих железнодорожных мастерских и завода Ятеса⁴⁵.

Екатеринбургские социал-демократы организовали распространение социал-демократической литературы и листовок и на ближайших к городу заводах — Верхисетском, Невьянском, Ревдинском, Сысертском и др.⁴⁶

17 мая 1898 г. вспыхнула забастовка в Сысертском заводе. Там забастовали 120 рабочих сварочного цеха, требовавшие увеличить заработную плату с 80 коп. до 1 руб. 20 коп. Руководили забастовкой рабочие К. Я. Старков, Ф. П. Медведев, Е. П. Думнов, С. Н. и Д. С. Пелевины, П. А. Пермяков⁴⁷.

Стачка в Сысертском заводе, вспыхнувшая вскоре за появлением социал-демократических листовок на заводах и фабриках Екатеринбургского уезда, вызвала тревогу у властей и заводской администрации. Екатеринбургским уездным исправником было поручено проживавшему в Сысерти становому приставу срочно «усилить наблюдение за прекратившими работы мастерами на случай, если бы они вздумали подстрекать других рабочих к общей забастовке и беспорядкам, а равно негласным путём установить, не была ли забастовка рабочих последствием происков злонамеренных лиц на почве политической»⁴⁸.

⁴³ ГАРФ. Ф. 124. 1898. Д. 11980. Л. 246; ГАПК. Ф. 65. Оп. 1. 1898. Д. 255. Л. 33–34; ГАСО. Ф. 180. Оп. 1. 1898. Д. 57. Л. 183 — 183 об.; Рабочее движение в России в XIX веке. Т. IV. Ч. 2. С. 162–163.

⁴⁴ ГАПК. Ф. 65. Оп. 1. 1898. Д. 255. Л. 36.

⁴⁵ ГАПК. Ф. 162. Оп. 1. 1899. Д. 47. Л. 8 — 8 об.

⁴⁶ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 1898. Д. 4. Ч. 25. Л. 1; ГАСО. Ф. 180. Оп. 1. 1898. Д. 57. Л. 78, 103 об.

⁴⁷ РГИА. Ф. 1405. Оп. 530. 1901. Д. 1027. Л. 6 об.; ГАПК. Ф. 36. Оп. 10. 1898. Д. 3. Л. 63.

⁴⁸ ГАСО. Ф. 180. Оп. 1. 1898. Д. 57. Л. 78 об.

Чтобы расколоть рабочих и не допустить дальнейшего распространения стачки, администрация Сысертских заводов 17 мая приняла решение об увеличении заработной платы всем рабочим Сысертского и Верхсысертского заводов, кроме забастовавших рабочих сварочного цеха. Эта срочно принятая мера достигла своей цели — рабочие остальных цехов Сысертского завода и рабочие Верхсысертского завода, получив прибавки в заработной плате, не поддержали своих товарищей и продолжали работать⁴⁹.

Екатеринбургские социал-демократы, узнав о забастовке в Сысерти, решили взять руководство ею в свои руки и провести её под социал-демократическими лозунгами. Была отпечатана прокламация «К рабочим Сысертского завода» и организован сбор средств для оказания бастующим материальной помощи⁵⁰. Два члена екатеринбургской социал-демократической организации — М. И. Кусков и Ф. Ф. Сыромолотов — ездили в Сысерть, снабдили сысертских рабочих листовками и нелегальной литературой и передали им 70 руб. денег, собранных в Екатеринбурге⁵¹.

Рабочие сварочного цеха бастовали в течение трёх недель, но потерпели поражение. Голод и нужда подорвали у части рабочих веру в успех забастовки. 30 рабочих согласились работать на старых условиях, и 7 июня работа в сварочном цехе была возобновлена. Однако и после пуска цеха большая часть рабочих на работу не возвратилась. Более 20 рабочих взяли паспорта и ушли на посторонние заработки, другие стали уходить на поторжные и приисковые работы⁵².

Стачка рабочих сварочного цеха оказала большое влияние на рабочих всего Сысертского округа, показав им, что даже одна угроза общей стачки может заставить администрацию пойти на такую серьёзную уступку, как повышение зарплат почти всем рабочим Сысертского и Верхсысертского заводов.

Стачка, однако, имела и много слабых сторон: забастовавшие рабочие верили в помощь и содействие властей, которым подавали прошения с просьбами «походатайствовать» перед заводоуправлением о повышении им заработной платы. Рабочие других цехов не присоединились к стачечникам и не поддержали их, среди самих бастующих не было единства.

Руководство стачкой со стороны екатеринбургских социал-демократов было эпизодическим и не смогло преодолеть слабых сторон стачки. Социал-демократическая организация не смогла охватить своим влиянием широких масс рабочих.

Благодаря деятельности социал-демократов, социалистические идеи всё глубже проникали в рабочие массы. Полиция всё чаще и чаще находила у рабочих

⁴⁹ Положение рабочих Урала во второй половине XIX — начале XX века. С. 446–448; ГАСО. Ф. 180. Оп. 1. 1898. Д. 57. Л. 78.

⁵⁰ РГИА. Ф. 1405. Оп. 530. 1901. Д. 1027. Л. 6 об.

⁵¹ ГАРФ. Ф. 124. 1898. Д. 11980. Л. 152 — 152 об., 178; РГИА. Ф. 1405. Оп. 530. 1901. Д. 1027. Л. 6 об.; ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. 1925. Д. 2259. Л. 49. Воспоминания Ф. Ф. Сыромолотова.

⁵² ГАСО. Ф. 180. Оп. 1. 1898. Д. 57. Л. 103 — 103 об.

социал-демократическую литературу, в т. ч. произведения К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина. 26 августа 1898 г. в механической мастерской Верхисетского завода были найдены брошюры «Листок работника», «Как министр заботится о рабочих», 16 сентября на механическом заводе Ятеса — работа В.И. Ленина «Объяснение закона о штрафах», брошюра «Что нужно знать и помнить каждому рабочему?», 21 сентября при обысках у рабочих были найдены «Экономическое учение Карла Маркса», «Ф. Энгельс о России», произведения Г.В. Плеханова и т. п.⁵³

Для установления связей с другими заводами екатеринбургская социал-демократическая организация использовала вовлечённых в социал-демократическую работу учащихся Уральского горного училища. Летом 1898 г., перед отъездом их на каникулы, им поручили собрать сведения о заводах и рудниках, положении рабочих, степени их участия в революционной борьбе, снабдив их для этого особыми анкетами, обеспечили их нелегальной литературой и дали задание организовать на своём заводе или руднике социал-демократическую ячейку и связать её с центром. Некоторые из учащихся горного училища успешно выполнили эти задания. В. Свалов установил связь с рабочими Кыштымского, М. Саватеев — Белорецкого завода⁵⁴.

Екатеринбургской социал-демократической организации удалось установить связь с крупными заводами Западного и Южного Урала — Воткинским, Златоустовским, Кусинским. Зимой 1898–1899 гг. предполагалось созвать общепуральский съезд социал-демократов и оформить организацию как областную⁵⁵. Одновременно было решено устроить подпольную типографию и издавать газету или журнал⁵⁶.

Попытку создания подпольной типографии предприняли ещё в 1897 г. Челябинская и Златоустовская группы. В воспоминаниях И.И. Годлевского сообщается, что в мае 1897 г., во время переговоров представителей двух групп — Челябинской и Златоустовской, Челябинская группа взяла на себя «организацию нелегальной типографии», а весь 1897 г. прошёл в работе по её подготовке⁵⁷. В воспоминаниях В.Е. Рогожникова и Ф.Ф. Сыромолотова упоминается, что какие-то типографские принадлежности были нелегально изготовлены на Златоустовском заводе⁵⁸. Эти сообщения показывают, что Челябинская и Златоустовская группы предпринимали попытку создать нелегальную типографию, но они

⁵³ ГАРФ. Ф. 124. 1898. Д. 11980. Л. 8, 15, 18–19, 22, 148 об., 150; ГАСО. Ф. 180. Оп. 1. 1898. Д. 57. Л. 196 об., 207–208.

⁵⁴ Там же. Л. 60, 170; ГАСО. Ф. 180. Оп. 1. 1898. Д. 57. Л. 208 — 208 об.; *Эссен М.М.* Первый штурм. С. 50–51.

⁵⁵ *Эссен М.М.* Первый штурм. С. 51.

⁵⁶ ГАРФ. Ф. 124. 1898. Д. 11980. Л. 168 об.; *Эссен М.М.* Первый штурм. С. 51–53.

⁵⁷ *Годлевский И.И.* Из воспоминаний о первом Уральском рабочем союзе // Каторга и ссылка. М., 1928. №8–9. С. 57.

⁵⁸ ЦДОСО. Ф. 41. Оп. 1. 1924. Д. 2118. Л. 4. Воспоминания В.Е. Рогожникова; Д. 2259. Л. 9. Воспоминания Ф.Ф. Сыромолотова.

не были доведены до конца, оборудовать и пустить в ход типографию им не удалось.

Нелегальная типография была оборудована и пущена в ход в конце 1898 г., при содействии деятелей Южноуральской социал-демократической группы, М. М. Берцинской-Эссен, которая привлекла к её созданию Н. Н. Кудрина, воспитанника Уральского горного училища, служившего управляющим золотым прииском, ранее не принимавшего участия в революционном движении⁵⁹.

Екатеринбургский рабочий-наборщик О. К. Емельянов понемногу приносил из типографии, в которой он работал, шрифт, и через несколько месяцев, к осени 1898 г., его накопилось уже около двух пудов. Технические приспособления для типографского станка и ещё один пуд шрифта были привезены М. М. Эссен из Петербурга⁶⁰.

Однако организовать типографию в Екатеринбурге было небезопасно, т. к. полиции и жандармерии к тому времени удалось напасть на след екатеринбургской социал-демократической организации. 22 сентября 1898 г. был арестован М. И. Кусков, у Д. П. Кремлёва, рабочего И. А. Рыбина и других произведены обыски. В ноябре 1898 г. были арестованы рабочие В. Тетерин, М. Сафьянов, И. Февралёв, К. Казаков, И. Рыбин, Ф. Сушенцев⁶¹. Чтобы избежать ареста, М. М. Эссен пришлось уехать из Екатеринбурга.

Несмотря на аресты и усиливающуюся слежку, работа социал-демократической организации продолжалась, но центр тяжести её был перенесён на Южный Урал.

В конце 1898 г. екатеринбургским социал-демократам удалось устроить подпольную типографию в посёлке Бишкиль, близ Челябинска, в доме Н. Н. Кудрина, управляющего золотым прииском. Как рассказывает в своих воспоминаниях М. М. Эссен, предложение об организации у него нелегальной типографии поразило Н. Н. Кудрина, «но идея постановки типографии его тоже захватила... В Екатеринбург мы вернулись вместе, созвали товарищей и распределили работу. Выяснили все детали, раздобыли бумагу, типографскую краску, заказали недостающие части»⁶². Наборщик О. К. Емельянов согласился поехать оборудовать типографию на месте, показал, как набирать, снимать, скреплять готовый лист и т. д. Типографская касса была замаскирована в витрине с коллекцией минералов.

Вскоре в Бишкеле под руководством М. М. Эссен началось печатание сборника «Пролетарская борьба», составленного самарскими марксистами. Сборник состоял из трёх статей: А. А. Санина — «Кто совершит политическую революцию?», Р. Э. Циммермана — «Голод» и В. В. Португалова — «Русское рабочее законодательство». Набирали М. М. Эссен, Н. Н. Кудрин и ученик Уральского горного училища В. А. Доменов, работали день и ночь.

⁵⁹ ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. 1924. Д. 1779. Воспоминания Н. Н. Кудрина.

⁶⁰ Эссен М. М. Первый штурм. С. 51–54.

⁶¹ ГАСО. Ф. 180. Оп. 1. 1898. Д. 57. Л. 207–208, 214–215; Д. 938. Л. 226–227.

⁶² Эссен М. М. Первый штурм. С. 55.

Когда работа над печатанием сборника уже подходила к концу, в начале 1899 г. Бишкиль посетил владелец прииска, который заподозрил что-то неладное и уволил Н. Н. Кудрина. Работа над печатанием сборника была закончена в марте 1899 г. в деревне Верхние Караси, в 40 вёрстах от Бишкыля, где Кудрин на время снял дом. Однако и здесь типография находилась недолго: хозяин дома — казак-урядник — заподозрил, что у него в доме изготавливаются фальшивые деньги, и типографию пришлось срочно перевезти в Кусинский завод к В. А. Доменову⁶³.

Весь тираж отпечатанного сборника — 600 экземпляров — был отправлен в Петербург для распространения по организациям. Вслед за ним в Петербург выехала М. М. Эссен. Некоторую часть тиража издатели оставили у себя. Позднее при обысках сборник был обнаружен у В. Доменова (3 экз.), Н. Н. Кудрина (5 экз.), в мае 1899 г. он распространялся на приисках Кочкарской системы и Тихвинском прииске после приезда туда Н. Н. Кудрина⁶⁴.

Выпуском сборника «Пролетарская борьба» уральские социал-демократы пытались восполнить острый недостаток в то время социал-демократической литературы. Однако выпущенный ими сборник, по мнению революционных социал-демократов, содержал крупные теоретические и политические ошибки. Авторы сборника пропагандировали идеи «экономизма». Они отрицали необходимость создания революционной партии пролетариата, призывали рабочих объединиться «в один общий огромный союз», отрицали неизбежность буржуазно-демократической революции, преувеличивали роль всеобщей стачки, считая её высшей формой классовой борьбы пролетариата⁶⁵.

Ошибки, допущенные авторами сборника «Пролетарская борьба», были тогда раскритикованы В. И. Лениным. Он считал, что основной недостаток опубликованной в сборнике статьи А. А. Санина «Кто совершит политическую революцию?» состоял в игнорировании вопроса об организации революционной партии пролетариата⁶⁶.

В. И. Ленин писал, что авторы сборника «Пролетарская борьба», далёкие от «постепеновщины», «революционисты», как иронически он называл их, стали говорить: «возможно и должно “совершить политическую революцию”, но для этого нет никакой надобности в создании крепкой организации революционеров, воспитывающей пролетариат стойкой и упорной борьбой; для этого достаточно... чтобы мы устроили всеобщую стачку».

В. И. Ленин считал, что «революционисты», так же как и прямые оппортунисты, «пасуют перед господствующим кустарничеством, не верят в возможность избавления от него, не понимают нашей первой и самой настоятельной

⁶³ РГИА. Ф. 1405. Оп. 530. 1901. Д. 1027. Л. 7 — 7 об.; ГАРФ. Ф. 102. 7 дел-во. 1899. Д. 272. Т. 2. Л. 24–25, 50–51; Ф. 124. 1898. Д. 11980. Л. 167–169; Эссен М. М. Первый штурм. С. 54–58.

⁶⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 196. 7 дел-во. Л. 5–6, 90, 110, 133; Ф. 124. 1898. Д. 11980. Л. 157, 161.

⁶⁵ Пролетарская борьба. Б. м., 1899. № 1. С. 17, 36, 112.

⁶⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 111.

практической задачи: создать организацию революционеров (подчёркнуто автором. — Д.Г.), способную обеспечить энергию, устойчивость и преемственность политической борьбы»⁶⁷.

Вскоре после напечатания «Пролетарской борьбы» 9 июня 1899 г. подпольная типография была захвачена полицией в Кусинском заводе у В. А. Доменова. При обыске было найдено 130 прокламаций «К рабочим Урала» и «Первое мая», 43 нелегальных брошюры и полтора пуда шрифта. Доменов оказался предателем и на допросах выдал всех известных ему членов организации. По его показаниям были арестованы М. М. Эссен, Н. Н. Кудрин, Д. П. Кремлёв, С. А. Новомейский и др. А. А. Санин успел скрыться за границу. Екатеринбургская социал-демократическая организация была почти полностью разгромлена. М. М. Эссен и Н. Н. Кудрин были сосланы в Восточную Сибирь сроком на пять лет⁶⁸.

Екатеринбургская «Группа социал-демократов на Урале» сыграла большую роль в развитии социал-демократического движения на Урале. В Приложении к мандату Уральской группы социал-демократов, присланном в 1900 г. группе «Освобождение труда», отмечалось, что Центральная группа, опорой деятельности которой являлся г. Екатеринбург с прилегающими заводами, вступила «на дорогу широкой агитации путём распространения прокламаций, издававшихся как по данным случаям на том или ином заводе, так и общего содержания... В этих прокламациях группа обращалась к рабочим данного завода главным образом с разъяснениями положения рабочих на этом заводе и пользовалась всем тем, что давало повод определить отношения рабочих к капиталисту и наоборот»⁶⁹.

Группа сумела охватить своим влиянием значительную часть уральских заводов, фактически первой на Урале начала осуществлять соединение социализма с рабочим движением, с помощью издания листовок политического направления развернула систематическую социал-демократическую агитацию в рабочих массах, организовала первую на Урале подпольную типографию, провела одну из первых на Урале маёвок.

Екатеринбургская группа социал-демократов, несмотря на некоторые допущенные ею отклонения экономистского характера (попытки создания «Рабочего комитета», издание сборника «Пролетарская борьба»), несомненно, была организацией революционных марксистов.

Почти все листовки, изданные группой, призывали к борьбе не только с капиталистами, но и с царским самодержавием. В Приложении к мандату Уральской группы социал-демократов, присланному в 1900 г. группе «Освобождение труда», особо подчёркивалось, что екатеринбургская группа вступила «на дорогу широкой агитации путём распространения прокламаций», в т. ч. указывавших «на необходимость политической борьбы»⁷⁰.

⁶⁷ Там же. С. 104–105.

⁶⁸ РГИА. Ф. 1405. Оп. 530. 1901. Д. 1027. Л. 7–8; Эссен М. М. Первый штурм. С. 58–61.

⁶⁹ Новые материалы о работе В. И. Ленина в редакции газеты «Искра» // Исторический архив. 1955. № 6. С. 7.

⁷⁰ Там же.

Деятельность группы всецело была сосредоточена на развёртывании агитации в рабочих массах, на организацию их для классовой борьбы. В организационном отношении группа также сделала определённый шаг вперёд по сравнению с существовавшим до неё ученическим кружком «саморазвития» учащихся горного училища, действовала в тесной связи с петербургским «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса», установила связи со многими заводами, пыталась провести областной съезд социал-демократов, выпускать областную газету или журнал, действовала по определённому, заранее намеченному плану.

Екатеринбургская социал-демократическая организация действовала уже как одна из организаций складывавшейся в стране Российской социал-демократической рабочей партии.

Переход от пропаганды к агитации среди широких рабочих масс в 1898 г. совершила Пермская социал-демократическая организация. В 1898 г. группа марксистской молодёжи, проживавшая в Перми (Е. А. Пузырёв, И. П. Ладыжников, В. Н. Трапезников, П. А. Матвеев, Л. М. Еленев, А. А. Локтин, Д. Д. Юшков, Ф. Грауздин, Я. Г. Безруков, Ф. И. Мондштейн, Е. В. Савельева), образовала по примеру петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» «Пермскую группу Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Видную роль в создании группы сыграл Е. А. Пузырёв, член петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», бывший студент Петербургского университета, высланный в мае 1898 г. в Пермь за участие в революционном движении⁷¹.

Пермская группа состояла исключительно из одной интеллигенции, ей долгое время не удавалось установить связь с рабочими массами. Только спустя значительное время ей удалось связаться с рабочими железнодорожных мастерских, узнать настроения рабочих, выяснить их недовольство низкими расценками, грубым отношением мастеров и т. п. Группа решила использовать это недовольство в целях социал-демократической пропаганды. Вскоре для этого представился подходящий случай.

В июне 1898 г. через Пермь должен был проезжать министр путей сообщения князь М. И. Хилков. Администрация мастерских распорядилась сделать из зарплаты рабочих вычет «на блюдо» для поднесения министру. Социал-демократы на самодельном мимиографе отпечатали прокламацию, призывавшую рабочих отказаться от взносов «на блюдо» министру, и распространили её в железнодорожных мастерских. Прокламация имела колоссальный успех. В мастерских грозила вспыхнуть забастовка, однако в самый последний момент, когда рабочие уже готовы были бросить станки, приказ о вычетах «на блюдо» был отменён⁷².

Успех выступления против вычетов «на блюдо» министру способствовал росту авторитета социал-демократов. Одному из членов кружка, В. Н. Трапезникову, удалось поместить в легальной петербургской газете «Сын отечества»

⁷¹ Трапезников В. Н. Из истории Пермского подполья // Борьба за власть. Пермь, 1924. Т. 2. С. 51.

⁷² Там же. С. 53.

корреспонденцию об инциденте с поднесением блюда министру. Социал-демократы широко использовали её для расширения социал-демократической агитации⁷³.

С помощью рабочих Е. Кудрявцева, Ф. Братухина и И. Костарева пермским социал-демократам удалось организовать рабочие кружки в железнодорожных мастерских и на Мотовилихинском заводе. В железнодорожных мастерских сложился крепкий социал-демократический кружок, состоящий из 15–20 рабочих. Осенью 1898 г. кружок провёл за городом, в заброшенном карьере, свою первую массовку. Интеллигент-пропагандист на массовку не явился, и передовые рабочие социал-демократы Е. Кудрявцев и С. Костарев провели массовку самостоятельно, выступив на ней с речами о бесправии рабочих и необходимости борьбы с капиталистами и царизмом⁷⁴.

Рабочие кружки в железнодорожных мастерских и на Мотовилихинском заводе стали организационными центрами социал-демократической работы на этих предприятиях.

С пермскими социал-демократами был связан кружок учащихся Кунгурского технического училища. Он возник в 1896 г. по инициативе учащегося А. Давыдова и первоначально представлял обычный для того времени «кружок саморазвития» со своей библиотекой, кассой и рукописным журналом. Лишь с осени 1897 г., когда во главе кружка стал Е. П. Поморцев, установивший прочные связи с пермскими социал-демократами и организовавший доставку социал-демократической литературы, деятельность кружка приобрела социал-демократический характер⁷⁵.

Весной 1898 г. кружковцы перешли к пропаганде среди сапожников Кунгура. Вовлечённые в кружок рабочие А. Голдобин и А. Хлебников сами стали распространять среди рабочих социал-демократическую литературу. Позднее полицией при обысках были найдены брошюры «Программа социал-демократической партии», «Кто чем живёт?» С. Дикштейна, «Что нужно знать и помнить каждому рабочему?», «Рабочий листок», «Как министр заботится о рабочих?», «Об агитации» и др.⁷⁶

19 апреля (1 мая) 1898 г. члены кружка провели за городом маёвку, на которой присутствовало до 10 рабочих и около 30 учащихся технического училища. На маёвке читалась брошюра «Рабочий день», а затем Е. П. Поморцев, И. А. Богумель и В. Л. Кухцинский выступили с речами, в которых призвали рабочих к сплочению и организованной борьбе⁷⁷.

⁷³ Корреспонденция из Перми // Сын отечества. СПб., 1898. 1 (13) августа. № 206.

⁷⁴ Кудрявцев Е. На заре туманной юности: Из истории рабочего движения в Перми // Каторга и ссылка. М., 1931. № 4. С. 12.

⁷⁵ РГИА. Ф. 1405. Оп. 530. 1898. Д. 1027. Л. 10 — 10 об.

⁷⁶ ГАРФ. Ф. 102. 7 дел-во. 1898. Оп. 195. Д. 469; РГИА. Ф. 1405. Оп. 530. 1898. Д. 1027. Л. 11 — 11 об.

⁷⁷ РГИА. Ф. 1405. Оп. 530. 1898. Д. 1027. Л. 10 об.

Члены кружка развернули работу по подготовке рабочих к забастовке, приготовили к гектографированию воззвание, с которым хотели обратиться к кунгурским рабочим, но осуществить этот план не удалось, т. к. в конце 1898 — начале 1899 г. кружок был разгромлен полицией⁷⁸.

Таким образом, мы видим, что и кунгурские социал-демократы тоже начали переходить от пропаганды среди передовых рабочих к агитации в широких рабочих массах, и только полицейский разгром прекратил их деятельность в этом направлении. Помощник начальника Пермского губернского жандармского управления в Красноуфимском и Кунгурском уездах доносил, что пропаганда «учения о борьбе с капитализмом имела среди рабочих г. Кунгура значительный успех, и стачки, забастовки и т. п. незаконные деяния могли иметь место в весьма недалёком будущем»⁷⁹.

Члены кунгурского кружка вели пропаганду не только в г. Кунгуре, но и на ряде уральских заводов. Выпускники училища Н. М. Харлов и М. М. Коростелёв распространяли социал-демократическую литературу в Алапаевском заводе, И. Г. Кабаков и Г. М. Тарасов — в Чёрмоозском заводе⁸⁰.

Приложение к мандату Уральской группы социал-демократов, присланному в 1900 г. группе «Освобождение труда», называет три революционные группы, действовавшие на Урале: Южную, Центральную (Екатеринбургскую) и Северную. В документе не указывается местонахождение последней группы, но из имевшихся в нём указаний на то, что Северная группа просуществовала недолго и была разгромлена полицией в конце 1898 — начале 1899 г., и приведённой хроники арестов, в которой упоминаются Поморцев, Кухцинский, Давыдов и Коростелев, видно, что под Северной группой подразумевался кружок учащихся Кунгурского технического училища и связанные с ним выпускники училища, в одиночку ведущие социал-демократическую пропаганду на ряде заводов. Северная группа выпустила в ограниченном числе одну гектографированную прокламацию, представлявшую «обращение группы к уральским рабочим с указанием на их тяжёлое положение, на роль правительства в эксплуатации рабочих и необходимость и неизбежность политической борьбы»⁸¹.

В Златоустовском заводе, после разгрома полицией Южноуральской группы, революционное движение не прекратилось. После ареста А. С. Тютёва и других мастеров — руководителей группы, рабочие — члены Златоустовского кружка — пытались самостоятельно продолжать революционную работу.

Весно–летом 1898 г., судя по некоторым воспоминаниям, они провели празднование Первого мая. Около 50 рабочих, в большинстве своём молодёжь,

⁷⁸ РГИА. Ф. 1405. Оп. 530. 1898. Д. 1027. Л. 11.

⁷⁹ ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. 1898. Д. 21. Л. 244.

⁸⁰ РГИА. Ф. 1405. Оп. 530. 1898. Д. 1027. Л. 11 — 11 об.; Из прошлого: Сб. воспоминаний. 1903–1905 гг. Пермь, 1925. С. 67.

⁸¹ Новые материалы о работе В. И. Ленина в редакции газеты «Искра» // Исторический архив. 1955. № 6. С. 8.

собрались за городом у Пяточной Ямы. Из домов они уходили под разными вымышленными предлогами: на охоту, на рыбалку, за грибами и т. п. Руководили сходкой рабочие И. Г. Бахарев, И. Д. Плечёв, Е. Е. Кондратьев, К. М. Проколов. На сходке обсуждались вопросы о 8-часовом рабочем дне, о свободе и республике, о социалистическом учении, рабочие призывались к солидарности и взаимной поддержке. Сходка продолжалась три часа, а на следующий день повторилась⁸².

Рабочие — члены Златоустовского кружка пытались продолжить революционную деятельность в «Горнозаводском товариществе». 30 сентября 1898 г. было созвано очередное общее собрание «Горнозаводского товарищества» для утверждения отчёта за минувшее полугодие. На собрание явилось более тысячи человек. Рабочие не согласились принять расход в 400 руб., израсходованных заводоуправлением на медикаменты рабочим, лечившимся на дому, и потребовали отнести этот расход на счёт заводоуправления.

Получив отказ, рабочие не стали слушать отчёт и тут же все разошлись с собрания. Отказ рабочих не только утвердить, но даже выслушать отчёт жандармы объясняли «возбуждением» их И. Плечёвым, К. Проколовым, И. Бахаревым и П. Варгановым при содействии других рабочих. После собрания И. Плечёв и К. Проколов с завода были уволены⁸³.

Новое собрание было созвано 27 октября 1898 г. На него снова собралось более тысячи человек. Но и на этот раз утвердить отчёт не удалось. Рабочие потребовали объяснить причину увольнения с завода И. Плечёва и К. Проколова, допустить на собрание И. Плечёва, вызвать для объяснений управителя завода и Горного начальника.

Как доносил жандармский офицер, председатель собрания инженер Жиголковский «неоднократно... объявлял собрание открытым и приказывал читать отчёт, но лишь только начиналось чтение, как раздавались из толпы голоса: “не надо, не надо”, обращавшиеся каждый раз в рёв, причём ни звонка председателя, призывавшего к порядку, ни голосов более благоразумных рабочих, убеждавших выслушать отчёт, — слышно не было... Некоторые ораторы из толпы позволяли себе дерзко-вызывающе подступать к председателю собрания, непочтительно жестиковать... позволять дерзости председателю...

Жиголковский неоднократно объявлял собрание закрытым и хотел удалиться, но его не пускали пройти через густую массу народа... Проведя в увещаниях и тщетных ожиданиях водворения порядка до 6 часов вечера (с 12 часов дня, т. е. в течение шести часов. — *Д. Г.*), Жиголковский закрыл собрание и удалился через закулисное помещение театра»⁸⁴.

Подстрекателями к «беспорядкам» на собрании, по наблюдениям жандармов, опять были К. Проколов, И. Бахарев, П. Варганов и другие рабочие, а также

⁸² ЦГИА РБ. Ф. 187. Оп. 1. 1898. Д. 554. Л. 19–20, 38.

⁸³ Там же. Л. 7, 21, 35 об.

⁸⁴ Там же. Л. 8–9, 36 об.

И. Плечёв, находившийся во время собрания в смежном помещении, откуда он «настраивал своих бывших товарищей... в желаемом ему направлении»⁸⁵.

Власти пришли к заключению, что «под влиянием преступной деятельности социально-революционного кружка Тютеева... среди рабочих Златоустовского завода остался их кружок недовольных настоящим положением вещей, остался кружок последователей и единомышленников»⁸⁶.

Полицейская слежка и тщательное наблюдение за рабочими во время собраний «Горнозаводского товарищества» 30 сентября и 27 октября помогли выявить оставшихся на свободе членов кружка. В заводе начались новые обыски и аресты. Обыски были произведены: 8 декабря 1898 г. — у И. Г. Бахарева, 10 декабря — у К. М. Проколова и И. Д. Плечёва, 12 декабря — у П. Симонова, 16 декабря — у П. Г. Варганова, 19 декабря — у А. М. Баранова⁸⁷.

При обысках у рабочих была найдена различная социально-экономическая литература, а у К. М. Проколова материалы, свидетельствовавшие о том, что он интересовался газетными статьями и сообщениями о стачках рабочих в западно-европейских государствах, о предупреждениях и запрещениях разным газетам и журналам дальнейшего их издания, описываемых в юмористическом духе каких-либо выходках отдельных начальствующих и должностных лиц, статьями по рабочему вопросу и т. п.⁸⁸

И. Д. Плечёв, обвинённый в принадлежности к златоустовскому революционному кружку, был арестован⁸⁹. Одновременно власти занялись наведением «порядка» в «Горнозаводском товариществе». Для этого администрация решила прежде всего расколоть рабочих. Группе верноподданно настроенных рабочих было поручено «обойти по заводу для собирания подписей рабочих, выражающих своё порицание сотоварищам за непристойное поведение на общем собрании членов Товарищества».

Под заявлением, написанном на имя помощника начальника Уфимского губернского жандармского управления в Златоустовском уезде, удалось собрать подписи 382 чел. В заявлении говорилось, что «смуты и беспорядки, кои происходят на общих собраниях, производятся и поддерживаются» 46 рабочими, фамилии которых перечислялись. Подписавшие заявление просили власти удалить поименованных рабочих из «Горнозаводского товарищества»⁹⁰.

5 февраля 1899 г. в Златоустовском заводе состоялось очередное общее собрание членов «Горнозаводского товарищества». На собрании, как доносил помощник начальника Уфимского губернского жандармского управления в Златоустовском уезде ротмистр Саломатов, «порядок был образцовый, даже звонка не нужно было употреблять для обращения внимания, так все слушались слов

⁸⁵ ЦГИА РБ. Ф. 187. Оп. 1. 1898. Д. 554. Л. 9, 37–38.

⁸⁶ Там же. Л. 39 об.

⁸⁷ Там же. Л. 13.

⁸⁸ Там же. Л. 13 — 13 об.

⁸⁹ Там же. Л. 10.

⁹⁰ ЦГИА РБ. Ф. 187. Оп. 1. 1898. Д. 143. Л. 1–2, 6.

и жестов рукою. Многие из зрителей — Златоустовских старожилов — говорят, что подобного порядка и тишины на собраниях не вспомнят за долгие годы».

«Причина такой перемены в настроении Златоустовского рабочего элемента, — писал далее жандармский ротмистр, — ...заключается в том: 1) что поданное несколькимистами лиц прошение на моё имя возбудило недоразумения и разлад среди рабочих, сваливающих друг на друга вину беспорядков на предшествовавших собраниях, и 2) они находятся под непрестанным страхом производимых мною обысков, кои я умышленно растянул до настоящего собрания»⁹¹.

На этом борьба рабочих против заводоуправления в «Горнозаводском товариществе», по сути дела, и закончилась. С 1899 г. в Златоустовском заводе устанавливается затишье, продолжавшееся в течение нескольких лет.

Весь ход борьбы в Златоустовском «Горнозаводском товариществе» в 1896–1899 гг. показывает, что она свелась к отстаиванию узких и мелких сословных и профессиональных привилегий мастеровых горнозаводского населения, а после арестов техников и рабочих — социал-демократов, пытавшихся перевести эту борьбу на классовую почву, быстро выдохлась, а затем и совсем заглохла.

Социал-демократическая пропаганда и агитация в конце 1890-х гг. охватили уже значительное число уральских заводов и фабрик. Примечательно, что В. И. Ленин, тогда молодой революционер, внимательно следивший за нарастанием в стране рабочего движения, отнёс Урал к районам, где местная социал-демократическая работа достигла «довольно высокого уровня» и где «семена социал-демократических идей» уже были «заброшены» в широкие рабочие массы.

«Местная социал-демократическая работа, — писал В. И. Ленин в 1899 г., — достигла у нас уже довольно высокого развития. Семена социал-демократических идей брошены уже повсюду в России; рабочие листки — эта первая форма социал-демократической литературы — знакомы уже всем русским рабочим, от Петербурга до Красноярска и от Кавказа до Урала»⁹².

В. И. Ленин считал, что соединение теории научного социализма с рабочим движением в России произошло в середине 1890-х гг. XIX в.⁹³ В конце 1890-х гг., по его мнению, задача социал-демократов состояла в том, чтобы укрепить, упрочить это соединение, поднять его на качественно более высокую ступень⁹⁴. В статье «Наша ближайшая задача» (1899) Ленин писал, что «важнейшей очередной задачей» социал-демократов России должно стать объединение социал-демократических организаций в революционную марксистскую рабочую партию, и именно этот «особенно важный шаг» он предлагал сделать социал-демократам⁹⁵.

Ленинская характеристика социал-демократической работы на Урале в конце 1890-х гг., документы того времени, Приложение к мандату Уральской группы социал-демократов, присланному в 1900 г. группе «Освобождение труда»,

⁹¹ Там же. Л. 20–21.

⁹² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 188.

⁹³ Там же. Т. 6. С. 31; Т. 25. С. 94, 96, 132, 201.

⁹⁴ Там же. Т. 4. С. 245–246, 373.

⁹⁵ Там же. С. 187, 189.

материалы о революционной деятельности уральских социал-демократических организаций в конце 1890-х гг. показывают, что соединение рабочего движения с социализмом на Урале произошло в конце 90-х гг. XIX в., а в дальнейшем уральские социал-демократы работали над тем, чтобы упрочить, укрепить это слияние.

В конце 1890-х гг. жандармы в своих донесениях с большой тревогой отмечали рост недовольства рабочих Урала и быстрое распространение среди них социал-демократических идей. Помощник начальника Пермского губернского жандармского управления в Екатеринбургском уезде в политическом обзоре за 1898 г., сообщая о настроениях рабочих, писал, что в последнее время оно «из молчаливого непризнания авторитета власти... пассивного неповиновения распоряжениям и требованиям начальства... постепенно переходит в наступательное... нынешнее настроение едва ли будет несправедливо назвать тревожным и угрожающим»⁹⁶.

Помощник начальника Пермского губернского жандармского управления в Красноуфимском и Кунгурском уездах в политическом обзоре за 1898 г. отмечал, что в обоих вверенных его надзору уездах «обращает на себя внимание крайнее озлобление населения на администрацию заводов». Дело о кунгурском социал-демократическом кружке он назвал «наглядным доказательством готовности населения воспринять учение социал-демократов»⁹⁷.

В политическом обзоре за следующий, 1899 г. этот жандармский офицер писал уже о необходимости принятия «самых радикальных мер... чтобы грозное... учение социал-демократов, попав на вполне подготовленную почву, не принесло бы сюда тех несчастий, которыми ознаменовались последние годы в промышленных и заводских центрах запада и юга России»⁹⁸.

Прокурор Екатеринбургского окружного суда 25 мая 1898 г. обратился к вышестоящему начальству с особой запиской, в которой отмечал быстрый рост рабочего движения на Урале и высказывал большую опасность для господствующих классов соединения социал-демократии с рабочим движением.

«До сих пор происходившие беспорядки, — заявлял прокурор, — не имели серьезного значения и в большинстве случаев прекращались средствами местной администрации лишь потому, что участники таковых представляли небольшие отдельные группы... Совсем в ином виде представится дело, если рабочие, интересы которых в отношении заводов вполне солидарны, под влиянием пропаганды будут действовать соединёнными массами. Тогда рабочее движение на Урале приобретёт весьма серьезное значение, бедственные последствия которого будут громадны»⁹⁹.

Указав на то, что в двух горнозаводских уездах — Екатеринбургском и Верхотурском — проживало свыше 550 тыс. жителей, а многие заводы являлись

⁹⁶ ГАСО. Ф. 185. Оп. 1. 1898. Д. 20. Л. 50 об.

⁹⁷ ГАПК. Ф. 162. Оп. 1. 1898. Д. 46. Л. 31.

⁹⁸ Там же. Д. 47. Л. 6.

⁹⁹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 530. 1898. Д. 987. Л. 32.

крупными населёнными пунктами — в Нижнетагильском заводе проживало 30 тыс. населения, в Невьянском — 16 тыс., Кыштымском — 12 тыс. и т. д., прокурор жаловался на малочисленность воинских команд, стражников и полиции в этих районах. «В случае одновременного возникновения беспорядков не только в нескольких заводах, а даже в одном, густонаселённом, — с неприкрытым страхом писал прокурор, — вовсе не имеется средств для прекращения таковых»¹⁰⁰.

Уральские чиновники настойчиво требовали от правительства срочного усиления войск и полиции в горнозаводских районах Урала. Царское правительство откликнулось на эти просьбы. «Высочайшим повелением» от 1 февраля 1899 г. численность полиции в фабрично-заводских районах Урала была резко увеличена. В 1898 г. в фабрично-заводских районах Пермской губернии имелось 114 полицейских (11 станových приставов, 4 надзирателя, 36 урядников, 66 стражников). По «Высочайшему повелению» от 1 февраля 1899 г. в этих районах губернии был введён дополнительный полицейский штат в количестве 239 чел. (11 надзирателей, 44 урядника, 184 городских). Таким образом, численность полицейских в фабрично-заводских районах губернии была увеличена более чем в три раза (с 114 до 353 чел.).

Особенно значительное увеличение числа полицейских было произведено на тех заводах и рудниках, на которых в последние пять лет были стачки и волнения рабочих (по сведениям полиции, в Пермской губернии таковых насчитывалось 18). В Кыштымском заводе число полицейских с 5 чел. было увеличено до 17, в Сысертском — с 3 до 15, в Кыновском — с 4 до 10 и т. д.¹⁰¹

Значительно была увеличена численность полиции и в фабрично-заводских районах Уфимской, Вятской и Оренбургской губерний. В Уфимской губернии власти по-прежнему уделяли главное внимание обеспечению «спокойствия» в Златоустовском заводе.

Большую тревогу и настоящую панику заводской администрации вызвало известие о предстоящем выводе из Златоуста казачьей команды. Горный начальник Златоустовских заводов А. А. Зеленцов секретным рапортом от 25 октября 1898 г. просил Главного начальника Уральских горных заводов, в случае вывода казаков, расквартировать в заводе на постоянное время «для охраны спокойствия и поддержания значения административной власти» две роты пехоты «и только в крайнем случае, при усилении состава полиции и невозможности расквартировать две роты», соглашался на расквартирование одной роты.

Постоянное пребывание в заводе воинской части, по мнению Горного начальника Златоустовских заводов, было необходимо «главным образом в виду предупреждения волнения среди рабочих, между которыми агитаторы вредных идей с большим успехом пропагандируют их и внушают привычку действовать скопом по всяким вопросам, даже и не всех касающимся», а также если «в крайности

¹⁰⁰ Там же. Л. 32 об.

¹⁰¹ ГАПК. Ф. 36. Оп. 10. 1898. Д. 3. Л. 82–99.

для администрации может явиться надобность противопоставить грубой силе... вооружённую силу»¹⁰².

Уфимский губернатор возбудил представление перед Министерством внутренних дел «об усилении сил и средств местной администрации в целях поддержания спокойствия и для предупреждения и пресечения могущих быть беспорядков» в Златоустовском заводе и уже вскоре смог заверить Горного начальника, что возбуждён в Министерстве вопрос об учреждении для заводов Златоустовского округа особого штата фабричной полиции и о расквартировании в Златоусте роты пехоты, причём заверил, что до осуществления этих мер в заводе останется казачья команда¹⁰³.

Вопросом обеспечения «порядка и спокойствия» на Златоустовском заводе энергично занимались и высшие правительственные инстанции. Прибывший в октябре 1898 г. в Уфу министр внутренних дел, вызвав Горного начальника Златоустовских заводов Зеленцова, расспрашивал его о настроении и поведении рабочих Златоустовских заводов и подтвердил, что с 1899 г. будет образована фабричная полиция. Министр согласился с предложением постоянно иметь в Златоусте воинскую часть¹⁰⁴.

Правительственные власти и заводская администрация, встав на путь подавления рабочего движения с помощью военной силы, с 1898 г. стали готовить условия для кровавой расправы с златоустовскими рабочими с помощью войск, подготавливать события, вылившиеся впоследствии в Златоустовский расстрел 17 марта 1903 г.

В связи с заменой казачьей команды в Златоустовском заводе воинской частью, в правительственных кругах развернулась дискуссия, что более эффективно для «обеспечения спокойствия» на уральских заводах: войска или казаки. По просьбе Горного департамента своё мнение по этому вопросу высказал и Главный начальник Уральских горных заводов П. П. Боклевский. Он решительно высказался за казаков.

«Население, — писал Боклевский, — смотрит на солдат, как на своего брата-крестьянина, временно лишь вынужденного оставаться на службе, а затем снова возвращающегося в свою крестьянскую среду... Поэтому солдат несравненно менее надёжен, нежели незнакомый ему казак...

Самый способ воздействия на волнующуюся толпу пехотных частей, вооружённых только ружьями, несравненно неудобнее, чем конных казаков, снабжённых нагайками... Военная сила пехотной части не производит того устрашающего воздействия на волнующуюся массу, которое собственно и желательно.

Другое дело — казачья команда: человек невольно отстраняется от наскокивающей на него лошади, кидается в сторону, происходит замешательство в массе, несколько ударов нагайкой ещё усиливают это впечатление, наиболее задорные

¹⁰² ГАСО. Ф. 24. Оп. 16. 1898. Д. 1038. Л. 50 — 51 об.

¹⁰³ Там же. Л. 52.

¹⁰⁴ Там же. Л. 52 об. — 53.

люди и менее трусливые получают и наибольшее число ударов, толпа разбегается... надлежащее впечатление произведено...»¹⁰⁵.

П. П. Боклевский заявил, что сотню казаков он предпочитает двум ротам пехотных войск. В фабрично-заводские районы Урала стали стягиваться отряды казаков.

В 1898 — начале 1899 г. полиции и жандармерии удалось разгромить Челябинский и Златоустовский кружки, екатеринбургскую «Группу социал-демократов на Урале», Кунгурский социал-демократический кружок. В этот же период были произведены аресты социал-демократов в Перми, Нижнем Тагиле, Алапаевском, Чёрмозском и других заводах. Полицейские репрессии сильно затруднили работу оставшихся на свободе социал-демократов.

Серьёзным препятствием для развития социал-демократического движения являлась организационная слабость социал-демократических организаций, господство в их деятельности кустарничества. Большинство социал-демократических кружков не имело продуманного плана деятельности, ограничивалось местной узкопрактической работой, не ставя перед собой широких политических задач. Вследствие плохой конспирации кружки часто проваливались, преемственности в их работе не было. Сказывалось отсутствие в то время в стране единой централизованной марксистской партии.

I съезд РСДРП, состоявшийся в марте 1898 г. в Минске, лишь провозгласил создание партии, но не создал её. Более того, после I съезда РСДРП в социал-демократическом движении усилились идейный разброд и организационная разобщённость. Социал-демократия переживала «период разброда, распада, шатания».

В социал-демократическом движении набирало силу течение т. н. «экономистов», деятельность которых ещё более углубила партийный кризис. «Экономисты» призывали рабочих ограничиться экономическими требованиями, предоставив ведение политической борьбы либеральной буржуазии, преклонялись перед стихийностью рабочего движения, выступали противниками создания единой революционной марксистской партии, пытались свернуть рабочее движение с революционного пути на путь тред-юнионизма.

Идейно и организационно неокрепшие уральские социал-демократические организации тоже подпали под влияние «экономистов». Влияние «экономизма» проявилось уже в деятельности Южноуральской группы и екатеринбургской «Группы социал-демократов на Урале», издавшей сборник «Пролетарская борьба». В последующий период влияние «экономистов», разброд и шатания усилились.

В Пермской социал-демократической организации значительной частью её членов отрицалась необходимость перехода от пропаганды к широкой политической агитации. Часть членов организации во главе с адвокатом В. Н. Трапезниковым

¹⁰⁵ Металлисты Урала накануне и в период 1905 года: Сб. материалов и документов. Свердловск, 1926. С. 64–65.

склонялась к легальному марксизму. Весной 1900 г. они основали легальную газету «Пермский край», стремясь придать ей марксистский характер, пытались при участии зубатовцев создать в Перми легальный профсоюз¹⁰⁶.

Однако и в этот период на Урале продолжали действовать социал-демократы, стоявшие на революционных позициях. В конце 1899 г. возникла новая группа — «Уральская группа социал-демократов», поставившая своей целью охватить своим влиянием возможно большую территорию, которая установила связь с заводами, привлекла к делу новых работников, организовала получение и распространение в больших количествах нелегальной литературы.

Группа была обеспечена значительными средствами. В Приложении к мандату группы, присланному в 1900 г. группе «Освобождение труда», сообщалось, что на знамени группы были написаны лозунги: «Борьба рабочих прежде всего борьба политическая», «В единении рабочих их сила», «Освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих»¹⁰⁷. Местонахождение и состав группы не установлены.

Значительная социал-демократическая группа возникла в г. Уфе. Ещё в конце 1895 г. в Уфе образовался социал-демократический кружок, в который вошли бывшие студенты М. М. Шоур, А. П. Кожухин, Ф. А. Бобров, А. И. Борознич, Н. И. Ильинский, закройщик Ф. А. Беляев, писмоводитель А. П. Филадельфов и др.¹⁰⁸

Через В. К. Курнатовского, проживавшего в Цюрихе, участники кружка получали сочинения К. Маркса, А. Бебеля, К. Каутского. Кружок ставил своей целью «умножить в России контингент социал-демократов... для борьбы с существующим в России классовым и экономическим строем»¹⁰⁹.

Члены кружка пытались через воскресную школу связаться с рабочими. В марте 1896 г. кружок был разгромлен полицией.

В 1897 г. в Уфу приехал А. Д. Цюрупа, имевший большой опыт революционной работы. В 1898–1899 гг. в Уфимскую губернию была выслана большая группа социал-демократов из Петербурга, Москвы, Одессы, Иваново-Вознесенска, Нижнего Новгорода и других городов. В 1899 г. вокруг А. Д. Цюрупы объединились последовательные марксисты — А. И. Свидаерский, Л. И. Бойкова, Ю. А. Попов и др.

«Незадолго до моего приезда в Уфу, — вспоминала Н. К. Крупская, — ...там... социал-демократическая публика раскололась на два лагеря. В одном лагере

¹⁰⁶ ГАПК. Ф. 162. Оп. 1. Д. 109. Л. 121; Ф. 65. Оп. 2. Д. 361. Л. 19; Южаков В. В. На заре // Борьба за власть. Пермь, 1923. Т. 1. С. 26; Трапезников В. Н. Из истории Пермского подполья // Борьба за власть. Пермь, 1924. Т. 2. С. 57–58; ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 2295. Л. 29. Воспоминания В. Н. Трапезникова.

¹⁰⁷ Новые материалы о работе В. И. Ленина в редакции газеты «Искра» // Исторический архив. 1955. № 6. С. 8.

¹⁰⁸ ГАРФ. Ф. 1234. Оп. 5. 1896. Оп. 195. Д. 17. Л. 2–4; ЦГИА РБ. Ф. 187. Оп. 1. 1896. Д. 135. Ч. 1. Л. 155–158, 278–279, 518.

¹⁰⁹ ЦГИА РБ. Ф. 187. Оп. 1. 1896. Д. 135. Ч. 1. Л. 278 – 278 об.

были Крохмаль, Цюрупа, Свидаерский, в другом — братья Плаксины, Салтыков, Квятковский... Мне была ближе первая группа, с которой я скоро сблизилась»¹¹⁰.

Группа Цюрупы установила связь с рабочими железнодорожных мастерских, организовала социал-демократический кружок, в который входили 12 рабочих. Самым активным из них был рабочий И. С. Якутов. Кроме Уфы, работа велась и на близлежащих заводах¹¹¹.

В организационном отношении Уфимская группа была оформлена слабо. Под мандатом Уфимской группы социал-демократов, присланном в 1900 г. группе «Освобождение труда», стоит помета: «Под этим мандатом подписалось 20 человек, не объединённые общим названием»¹¹².

В 1900 г. для участия в работе Международного социалистического конгресса в Париже «Уральская группа социал-демократов» прислала группе «Освобождение труда» три мандата, Уфимская группа — один мандат¹¹³.

В 1897–1899 гг. в Оренбурге существовал социал-демократический кружок, организованный М. А. Багаевым, сосланным сюда за участие в деятельности иваново-вознесенского «Рабочего союза». Активное участие в работе кружка принял С. И. Гусев, сосланный в Оренбург за участие в петербургском «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса». Кружок активно вёл пропаганду марксизма, в него входило несколько рабочих¹¹⁴.

В Вятскую губернию в 1898–1900 гг. было выслано большое количество социал-демократов из Петербурга, Москвы, Киева, Харькова, Одессы, Риги, Ковно, Вильно, Баку и других городов. По делу петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» в губернию было выслано 58 человек, по делу московского «Рабочего союза» — 22 и т. д. Среди ссыльных были известные социал-демократические деятели — Н. Э. Бауман, В. В. Воровский, Ф. Э. Дзержинский, И. Ф. Дубровинский, П. И. Стучка, П. П. Брюханов, Л. П. Радин, А. Н. Потресов и др.¹¹⁵

В уездных городах губернии образовались колонии политических ссыльных численностью до 20–30 чел. Ссыльные поддерживали постоянную связь с Петербургом, активно переписывались между собой, вели переписку с В. И. Лениным, находившимся в сибирской ссылке. Н. К. Крупская в своих воспоминаниях писала: «Получали письма из далёкой ссылки — из Туруханска от Мартова, из Орлова Вятской губернии — от Потресова. Переписывались обо всём — о русских вестях, о планах на будущее, о книжках, о новых течениях, о философии»¹¹⁶. В. И. Ленин, находясь в ссылке в Сибири, узнавал от вятских политических

¹¹⁰ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. М., 1956. Т. 1. С. 107.

¹¹¹ Там же. С. 108–109.

¹¹² Павлюченко Г. Уфимский мандат Г. В. Плеханова // Советская Башкирия (г. Уфа). 1967. 5 апреля. № 80.

¹¹³ Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника. 1870–1924. М., 1970. Т. 1.

¹¹⁴ Багаев М. А. Моя жизнь. Иваново, 1949. С. 100–107.

¹¹⁵ Очерки истории Кировской организации КПСС. Киров, 1965. Ч. 1. С. 53–54.

¹¹⁶ Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. М., 1957. С. 32.

ссылных новости, получал от них книги, обещал послать им свою книгу «Развитие капитализма в России» после выхода её в свет¹¹⁷.

В сентябре 1899 г. политические ссылки в г. Орле Вятской губернии получили ленинский «Протест российских социал-демократов», объявлявший решительную войну российскому «экономизму» и западноевропейскому бернштейнианству и призывавший всех революционных социал-демократов решительно встать на защиту революционного марксизма. Ссылные марксисты Орловской колонии присоединились к «Протесту», сняли с него копии и разослали их в другие колонии политических ссыльных губернии¹¹⁸.

Деятельность политических ссыльных способствовала распространению марксистских идей в губерниях Урала. Вятский губернатор жаловался, что политические ссылки оказывают революционное влияние на местное население, «прибывают новые партии, ещё подливают масла в огонь, и революционное движение в губернии растёт и ширится»¹¹⁹.

В конце 1900 г. в г. Вятке политическим ссылкой Н. Н. Бушеном был создан нелегальный кружок социал-демократического направления, в который вошли ссылки, учащиеся мужской и женской гимназий, фельдшерских курсов, рабочие железнодорожных мастерских. Кроме социал-демократов, в кружок входили народники¹²⁰.

В обстановке разброда, распада, идейных шатаний молодые уральские социал-демократические организации, в большинстве своём идейно незрелые и организационно не окрепшие, не смогли возглавить широкие массы рабочих и повести их за собой.

В 1899 г. Урал был охвачен мощным подъёмом стачечного движения, но выступления рабочих преимущественно были по-прежнему стихийными и экономическими, проходили без руководства со стороны социал-демократии. Социал-демократические организации Урала в своём развитии отставали от стихийного подъёма масс.

1 января 1899 г. произошло волнение рабочих-подростков на Омутнинском заводе в Вятской губернии. 40 подростков, занятых на подсобных работах, потребовали повышения заработной платы, а получив отказ, избили управляющего заводом, поломали мебель и разбили стёкла в заводской конторе, вступили в схватку с полицией и заводской стражей. Все они были арестованы и подвергнуты порке розгами¹²¹.

¹¹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 46. С. 14–33.

¹¹⁸ Красный архив. М., 1934. № 1 (62). С. 127–128.

¹¹⁹ Очерки истории Кировской области. Киров, 1972. С. 205.

¹²⁰ Очерки истории Кировской организации КПСС. Ч. 1. С. 88–89; Новосёлов А. Вятская организация РСДРП в 1903–1908 гг. // 1905 год в Вятской губернии: Сб. статей, воспоминаний и материалов / Под ред. С. Н. Порошина. Вятка, 1925. С. 145–149.

¹²¹ Наймушин В. В. Заре навстречу: Рабочее и социал-демократическое движение в Вятской губернии накануне революции 1905–1907 гг. Киров, 1961. С. 30–31.

Крупная забастовка произошла 18–22 марта 1899 г. на Пермском пушечном (Мотовилихинском) заводе. Администрация снизила заработную плату рабочим снарядного цеха и ввела новый порядок приёма готовых снарядов, при котором снаряды стали приниматься не непосредственно у станков, как это было прежде, а в особой приёмной, куда рабочие должны были доставлять их после каждой производственной операции. Такой порядок не только чрезвычайно затруднил сдачу снарядов, но и создал запутанность в их учёте и привёл к массовому обсчитыванию рабочих.

Заведующий цехом Комиссаров обращался с рабочими исключительно грубо, ругал их нецензурными словами, самовольно, «неосновательно, несправедливо и без ведома и распоряжения» Горного начальника снижал рабочим заработную плату, подвергал произвольным штрафам, на заявления рабочих о неправильном приёме снарядов грозил штрафами и увольнениями, лишал рабочих наградных к праздникам. Браковщики браковали снаряды «за столь незначительные неисправности, которые рабочими могли бы быть немедленно исправлены»¹²². Рабочие неоднократно жаловались заводской администрации, в т. ч. Горному начальнику, но их жалобы не разбирались и не удовлетворялись.

18 марта около 1 000 рабочих снарядного цеха объявили забастовку. Они потребовали повысить заработную плату и удалить с должности заведующего цехом Комиссарова¹²³. Стачка рабочих самого крупного цеха вызвала большую тревогу заводской администрации, которая связывала её возникновение с распространением в заводе социал-демократической пропаганды. По сведениям администрации, осенью 1898 г. «у одного из рабочих молотового цеха случайно найден был почтовый конверт со вложенным номером газеты “Степной край”, в котором были подробно описаны недоразумения между горнозаводским товариществом и Златоустовским заводоуправлением»¹²⁴.

Социал-демократическая пропаганда, безусловно, способствовала росту революционных настроений среди мотовилихинских рабочих, однако действовавшие в то время на заводе социал-демократические кружки были ещё очень малочисленны и не смогли охватить своим влиянием сколько-нибудь значительной части рабочих. Стачка возникла и проходила стихийно, без руководства со стороны социал-демократов.

Забастовавшие рабочие каждый день собирались у здания управления заводами для переговоров с Горным начальником. Одновременно они вели решительную борьбу со штрейкбрехерами: в одного рабочего, пытавшегося приступить к работе, был брошен из толпы стальной обсечек, другой рабочий получил удар по шее¹²⁵.

¹²² ГАРФ. Ф. 102. Особ. отд. 1898. Д. 4. Ч. 25. Л. «А». Л. 4 об. — 5 об.; ГАСО. Ф. 24. Оп. 18. 1899. Д. 4142. Л. 6 об. — 7; Рабочее движение в России в XIX веке. Т. IV. Ч. 2. С. 315.

¹²³ Там же. Л. 1 — 1 об., 3; ГАСО. Ф. 24. Оп. 18. 1899. Д. 4142. Л. 1–2.

¹²⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 18. 1899. Д. 4142. Л. 8.

¹²⁵ Там же. Л. 7 об.

Горный начальник обещал пересмотреть платы, и 20 марта администрацией были вывешены в снаряжном цехе табели, несколько увеличивавшие расценки за обточку снарядов, но рабочие нашли эти расценки низкими и продолжали стачку. Как указывали рабочие, на некоторые виды работ были прибавлены жалкие копейки, а с других сбавлены гривенники¹²⁶.

Упорная борьба рабочих снаряжного цеха заставила администрацию удовлетворить требования рабочих. Заработная плата была увеличена. Заведующий цехом Комиссаров, вызвавший ненависть рабочих, от должности был отстранён. 22 марта рабочие возобновили работу¹²⁷.

Однако произвол администрации не прекратился. Начались увольнения рабочих, принимавших активное участие в стачке.

29 апреля 1899 г. в снаряжном цехе Мотовилихинского завода произошла новая забастовка. Рабочие второй смены, возмущённые произволом администрации, несправедливо уволившей с работы двоих рабочих, активных участников предыдущей забастовки — Г. Демина и С. Реутова, — не вышли на работу и потребовали обратного приёма уволенных рабочих и увольнения мастера Тарасова. Вслед за второй сменой не вышла на работу и третья смена. Руководили забастовкой рабочие Я. М. Пищулев, П. С. Хребтов и П. Л. Качин, которые «старались поддержать упорство своих товарищей». Однако «увещевания» полиции и угрозы привлечь к ответственности за забастовку поколебали рабочих и, несмотря на призывы отдельных рабочих продолжать забастовку, они на следующий день утром возобновили работу¹²⁸.

Стачки рабочих Мотовилихинского завода в 1899 г. имели важное значение, они послужили мощным толчком для развития стачечного движения на Урале. Стачки показали, что ведущую роль в революционном движении стали играть рабочие крупных, технически передовых уральских заводов. Начиная с этого времени рабочие Мотовилихи неизменно выступали в качестве авангарда и застрельщика всех революционных выступлений уральских рабочих, а в декабре 1905 г. первыми на Урале вступили в вооружённую схватку с правительственными войсками.

Весной 1899 г. массовые волнения рабочих произошли на текстильных фабриках г. Екатеринбурга и Екатеринбургского уезда. Ещё в январе 1899 г., как сообщал в Департамент торговли и мануфактур старший фабричный инспектор Пермской губернии, на одной из фабрик рабочие, недовольные низкими расценками и введением механического способа изготовления изделий вместо существовавшего раньше ручного, забастовали всем отделением.

¹²⁶ РГИА. Ф. 1405. Веществ. доказ. по делам МЮ. 1899. Оп. 1. Д. 414. Л. 23; ГАСО. Ф. 24. Оп. 18. 1899. Д. 4142. Л. 1.

¹²⁷ ГАРФ. Ф. 102. Особ. отд. 1898. Д. 4. Ч. 25. Л. «А». Л. 1–2; ГАСО. Ф. 24. Оп. 18. 1899. Д. 4142. Л. 7 — 7 об.; ГАПК. Ф. 162. Оп. 1. Д. 47. Л. 5 — 5 об., 55.

¹²⁸ ГАРФ. Ф. 124. 1900. Д. 11429. Л. 1–4; Рабочее движение в России в XIX веке. Т. IV. Ч. 2. С. 320–323, 795.

Забастовка продолжалась два дня, но рабочим не удалось добиться удовлетворения их требований. Опасаясь, что администрация, пользуясь большим избытком рабочих рук, наймёт вместо них других рабочих, они на третий день вышли на работу на прежних условиях¹²⁹.

С наступлением весеннего времени «брожение» среди текстильщиков приняло ещё более значительный размах. На ряде текстильных фабрик администрация, в обход закона о продолжительности рабочего дня, принуждала рабочих, якобы по их «согласию», ежедневно работать сверхурочно ещё по 2½ часа.

23 марта 1899 г. рабочие Черноусовской льнопрядильно-ткацкой фабрики купца В. С. Жирякова, расположенной в д. Черноусово Екатеринбургского уезда, потребовали за сверхурочную работу платить им повышенную плату, а получив отказ, самовольно перестали работать в сверхурочные часы. Администрация оказалась бессильной что-либо сделать с рабочими.

Волнения захватили и соседнюю Колюткинскую ткацкую фабрику, находившуюся в д. Колюткино, принадлежавшую тому же владельцу. Рабочие этой фабрики настойчиво потребовали увеличения заработной платы и добились удовлетворения своего требования. Тогда повышения заработной платы потребовали и рабочие Черноусовской фабрики. Администрация им решительно отказала.

6 мая 1899 г. 64 ткача Черноусовской фабрики объявили забастовку и бастовали в течение 2½ дней. Прибывшему на фабрику фабричному инспектору совместно с администрацией путём различных угроз удалось заставить рабочих вернуться на работу¹³⁰.

Когда сведения о волнениях и стачках на Колюткинской и Черноусовской фабриках дошли до рабочих льнопрядильно-ткацкой фабрики братьев Макаровых, расположенной в Екатеринбурге, на этой фабрике тоже начались волнения.

8 мая 1899 г. рабочие фабрики братьев Макаровых отказались выходить на сверхурочные работы, а когда администрация попыталась не выпускать их с фабрики, рабочие «по адресу сторожа, который не хотел открывать им ворот без разрешения заведывающего, послали с бранью несколько угроз», после чего заведующий приказал открыть ворота. Вскоре после этого толпа рабочих, явившись в контору, потребовала дать им возможность пользоваться баней и обеспечить квартирами, причём, как доносил старший фабричный инспектор, «предъявляя означенные требования, некоторые рабочие позволяли себе непристойные выходки и брань по адресу заведывающего»¹³¹.

Волнения, охватившие одновременно три ткацкие фабрики, сильно встревожили власти, опасавшиеся, что «брожение может распространиться на три соседние суконные фабрики, между ткачами которых ещё прошлой осенью были разговоры о низких расценках»¹³².

¹²⁹ РГИА. Ф. 23. Оп. 30. 1899. Д. 61. Л. 9 об.

¹³⁰ Там же. Л. 11–12.

¹³¹ Там же. Л. 14.

¹³² Там же. Л. 13 об.

Старший фабричный инспектор Пермской губернии совершил срочный объезд фабрик, охваченных волнениями рабочих.

Упорная борьба рабочих со своими заводоладельцами развернулась в 1899 г. в Сергинско-Уфалейских заводах. Пользуясь большим избытком в заводах рабочей силы, администрация, как вынужден был отметить даже директор Горного департамента, самым «безнравственным» способом эксплуатировала рабочих¹³³.

11 февраля 1899 г. рабочие механического цеха Верхнесергинского завода, явившись утром на работу, нашли объявление, в котором говорилось, что рабочие, получавшие подённую плату ниже 60 коп., в будущем будут работать с «гулевыми днями» — с перерывом на 7–10 дней в месяц. Это распоряжение, резко ухудшавшее и без того тяжёлое положение рабочих, вызвало среди них большое возмущение и привело к стихийной забастовке, продолжавшейся четыре дня, с 11 по 15 февраля. Забастовавшие действовали очень активно, подали прошения в полицию, волостному старшине, главному управляющему Сергинско-Уфалейскими заводами. Администрация вынуждена была отменить распоряжение о введении в цехе гулевых дней¹³⁴.

Наиболее остро развернулась борьба в Михайловском заводе, уже многие годы являвшемся очагом постоянных стачек и волнений рабочих. Здесь с 5 по 11 апреля 1899 г., в течение недели бастовали рабочие листокатального цеха (около 350 чел.), требовавшие удаления с завода учётчика Воробьёва, вызвавшего недовольство рабочих своим грубым обращением, наложением произвольных штрафов и беспричинным увольнением с работ¹³⁵.

2 июня 1899 г. на Михайловском заводе вспыхнула новая забастовка. Поводом для неё послужило введение заводоуправлением расчётных книжек нового образца. Одновременно с введением новых расчётных книжек заводоуправление стало производить из зарплаты рабочих вычеты по исполнительным листам за «самовольные» сенокосения и порубки, доходившие до ¼ заработной платы¹³⁶. Забастовку начали рабочие листопрокатного и листопробивного цехов, а через два дня прекратили работу также и рабочие слесарного, механического, кузнечного и отражательного цехов. Остановился весь завод, в котором работало более 1 000 чел.¹³⁷

Забастовавшие потребовали прекратить вычеты по исполнительным листам за «самовольные» сенокосения и порубки, отменить выдачу расчётных книжек, предоставить работу всем безработным рабочим, повысить заработные платы,

¹³³ Металлисты Урала накануне и в период 1905 года: Сб. материалов и документов. Свердловск, 1926. С. 63.

¹³⁴ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. 1899. Д. 2880. Л. 12–13; ГАСО. Ф. 24. Оп. 16. 1899. Д. 1038. Л. 58–59; Ф. 47. Оп. 1. 1899. Д. 493. Л. 9 об. — 10; Металлисты Урала накануне и в период 1905 года. С. 63.

¹³⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 255. 1899. Д. 83. Л. 248 — 248 об.; ГАСО. Ф. 47. Оп. 1. 1899. Д. 492. Л. 15 — 15 об.

¹³⁶ ГАСО. Ф. 47. Оп. 1. 1899. Д. 492. Л. 27 об.

¹³⁷ Там же.

прекратить передачу вспомогательных работ посторонним рабочим. В завод прибыли окружной инженер, уездный исправник и земский начальник, после переговоров с которыми, получив заверения об отмене удержаний по исполнительным листам, рабочие согласились принять расчётные книжки и 14 июня снова приступили к работе¹³⁸.

С 24 по 28 мая 1899 г. бастовали рабочие прокатного цеха Верхнеуфалейского завода (около 80 чел.), требовавшие повышения заработной платы. Заводуправление вынуждено было удовлетворить требование рабочих¹³⁹.

Успешные стачки рабочих Сергинско-Уфалейских заводов, оканчивавшиеся победами рабочих, вызвали у властей тревогу. Помощник начальника Пермского губернского жандармского управления в Красноуфимском и Кунгурском уездах выразил своё недовольство действиями заводуправлений, которые, по его мнению, своими уступками забастовщикам «убеждают их в несокрушимой силе забастовок и стачек. Последнее особенно бросается в глаза, — писал жандармский ротмистр, — в Михайловском заводе, где рабочие в продолжение последних десяти лет бастовали ОДИННАДЦАТЬ раз и почти всегда получали от заводуправления удовлетворение своих требований»¹⁴⁰.

Волнение рабочих, вызванное заменой местных рабочих пришлыми и введением новых штатов, резко снизивших заработную плату, произошло в Чёрмоозском заводе Абамелек-Лазаревых. 19 мая 1899 г. рабочие подали телеграмму губернатору, в которой просили «в предотвращение бедствия здешнего народа, повлиять на то, чтобы здешние на работу принимались и не обсчитывались бы под прикровением ухищренных табелей»¹⁴¹. Жалоба рабочих была признана властями «неосновательной».

5 июня 1899 г. произошла забастовка на Исовском прииске Крестовоздвиженских платиновых промыслов графа П. П. Шувалова. Остановив работу, рабочие потребовали увеличить им заработную плату. Инициаторами стачки явились 9 рабочих-татар — С. Гизятуллин, С. Салафатуллин, Ш. Шарафутдинов, Г. Замилев, А. Негаметзянов и другие, которые первыми прекратили работу и угрожали «причинить насильственными действиями увечье и даже смерть администрации заводуправления и рабочим, не принявшим участия в их стачке». С прибытием на прииск полиции забастовка в тот же день была прекращена, а 9 её «зачинщиков» с прииска были уволены¹⁴².

30 июня 1899 г. в Вятской губернии забастовали 40 рабочих на 683-й версте вновь строившейся железной дороги Вятка — Котлас, в 7 вёрстах от станции Пинюг, протестовавшие против плохой пищи, тяжёлых условий труда и изнуряющей их работы. Зачинщиком и руководителем стачки был рабочий

¹³⁸ ГАРФ. Ф. 102. Особ. отд. 1898. Д. 4. Ч. 25. Л. «А». Л. 8 об. — 9 об.; ГАСО. Ф. 47. Оп. 1. 1899. Д. 492. Л. 26 — 27 об.

¹³⁹ ГАСО. Ф. 47. Оп. 1. 1899. Д. 492. Л. 16—18.

¹⁴⁰ ГАПК. Ф. 162. Оп. 1. 1899. Д. 47. Л. 5 — 5 об.

¹⁴¹ РГИА. Ф. 880. Оп. 3. 1899. Д. 1373. Л. 7 — 7 об.

¹⁴² ГАРФ. Ф. 102. Особ. отд. 1899. Д. 4. Ч. 25. Л. «А». Л. 10 об.

З. А. Лобанцев. Стачка была прекращена в тот же день арестом Лобанцева и обещаниями властей улучшить рабочим качество пищи и условия труда¹⁴³.

22 августа 1899 г. волнение рабочих, едва не переросшее в забастовку, произошло на Шемахинском заводе. Причиной его послужило резкое снижение нормы расхода угля и угара чугуна, отмена премии за их сбережение и установление больших штрафов за их перерасход. Во время раскомандировки несколько рабочих отказались работать на установленных заводоуправлением условиях и стали уговаривать других рабочих прекратить работу. Однако остальные рабочие не поддержали «подстрекателей»: в заводе существовал большой избыток рабочей силы и они боялись остаться без работы¹⁴⁴.

Осенью 1899 г. произошли две стачки рабочих в мартеновском цехе Чусовского завода.

Завод принадлежал Камскому акционерному обществу, в котором господствовали французские банкиры. Рабочие находились в полной кабале у своих иностранных хозяев. Почти все они были «пришлыми», не имели своего хозяйства и жили исключительно на заводские заработки. Большинство рабочих жили в грязных, переполненных до отказа бараках, и лишь для квалифицированных рабочих администрацией были выстроены дома с крохотными «номерками».

Администрация, состоявшая исключительно из одних французов, относилась к рабочим очень грубо, считала их «тупоумными существами, не достойными человеческого звания, а тем более обращения»¹⁴⁵. Мастера-иностранцы плохо знали своё дело, не понимали по-русски, постоянно оскорбляли рабочих. В мартеновском цехе один из мастеров «на все обращения к нему рабочих грозился побить раскалённой клюкой»¹⁴⁶.

Все, кто хотя бы в чём-нибудь высказывал недовольство администрацией, увольнялись с работы, а полиция высылала их из завода в места их родины. Администрация хвалилась, что на Чусовском заводе никогда не будет ни забастовок, ни волнений, т. к. французское акционерное общество умеет руководить русскими рабочими. Однако среди рабочих быстро росло чувство протеста против царящих на заводе невыносимых порядков.

Слухи об успешной забастовке в Мотовилихинском заводе усилили революционное брожение среди чусовских рабочих. Группа рабочих, явившихся инициаторами стачки — П. Шекалев, Г. А. Пономарёв, И. Г. Пахнин, С. Я. Золотов, М. М. Михайлов, — имели связь с петербургским «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса», распространяли на заводе нелегальную литературу¹⁴⁷.

8 сентября 1899 г. рабочим мартеновского цеха было объявлено, что в цехе вместо 8-часового вводится 12-часовой рабочий день, число рабочих, обслуживавших печь, с 84 чел. сокращается до 58, а заработная плата уменьшается на 25 %.

¹⁴³ ГАРФ. Ф. 124. Оп. 8. 1899. Д. 155. Л. 1 — 4 об.

¹⁴⁴ ГАСО. Ф. 47. Оп. 1. 1899. Д. 498. Л. 10, 12 — 12 об.

¹⁴⁵ *Спехов И. И.* Чусовой — город уральских металлургов. Пермь, 1958. С. 19.

¹⁴⁶ РГИА. Ф. 1405. Ф. 1405. Оп. 100. 1899. Д. 7790. Л. 3.

¹⁴⁷ ГАРФ. Ф. 102. 5 дел-во. 1901. Д. 122. Л. 38, 289–290.

Это вызвало среди рабочих большое возмущение. 2 октября 1899 г. около 100 рабочих мартеновского цеха, собравшись у заводской конторы, подали директору завода прошение, подписанное 160 рабочими, в котором заявляли, что прекращают работу и требуют возвращения к прежним платам и прежним условиям работы или выдачи им трёхмесячного заработка для проезда домой. На следующий день, 3 октября, бастовали уже все рабочие мартеновского цеха (около 350 чел.). В завод срочно прибыли становой пристав и окружной инженер, которым при помощи различных обещаний удалось уговорить рабочих вернуться к работе, и 4 октября работы в цехе возобновились.

В результате двухдневной стачки рабочим удалось добиться некоторых уступок: был восстановлен 8-часовой рабочий день, штат рабочих у печей сохранён по 84 чел., заработная плата вместо предполагавшихся 25% была снижена на 15%¹⁴⁸.

Исход забастовки не удовлетворил рабочих. Рабочие говорили, что «плата изменена осенью, когда им трудно найти работу на других заводах и переезжать с их семьями», и заявляли, что «не перестанут ходатайствовать о возвращении к прежним платам». В конце октября рабочие подали губернатору коллективное прошение, в котором ходатайствовали о восстановлении прежней заработной платы и жаловались на принуждение их работать в праздничные дни. Прошение было передано губернатором «на распоряжение» окружному инженеру, у которого и осталось лежать «без всякого движения». Рабочие подали губернатору телеграмму, но ответа на неё не получили. Тогда они решили снова прибегнуть к забастовке¹⁴⁹.

23 ноября 1899 г., собравшись толпой у ворот завода, рабочие мартеновского цеха заявили становому приставу, что т.к. их ходатайство до сих пор не удовлетворено, они объявляют забастовку. На угрозы пристава привлечь их к ответственности за стачку рабочие отвечали, что «в Сормовском заводе посадили только тех, которые разграбили лавку, а в Мотовилихинском заводе после забастовки прибавили плату»¹⁵⁰.

Руководили забастовкой рабочие И. Г. Пахнин, С. С. Бражкин, С. Я. Золотов, Д. П. Петров, П. Г. Меркушин, А. Гафуров, Ш. Газизов и др. Рабочие послали телеграмму губернатору, в которой заявляли, что т.к. от окружного инженера нет ответа на их прошение, то они прекращают работы и останавливают печи. Одновременно было составлено прошение на имя царя, в котором рабочие жаловались на притеснения их французской администрацией и на её пренебрежительное отношение к православной религии¹⁵¹.

¹⁴⁸ РГИА. Ф. 1405. Оп. 100. 1899. Д. 7790. Л. 1 — 1 об.; Рабочее движение в России в XIX веке. Т. IV. Ч. 2. С. 317–318.

¹⁴⁹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 100. 1899. Д. 7790. Л. 1 об.; Рабочее движение в России в XIX веке. Т. IV. Ч. 2. С. 318.

¹⁵⁰ Там же.

¹⁵¹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 100. 1899. Д. 7790. Л. 2 — 2 об.; Рабочее движение в России в XIX веке. Т. IV. Ч. 2. С. 318–319.

Забастовавшие приняли меры к тому, чтобы вовлечь в забастовку всех рабочих и полностью остановить цех. После окончания вечерней смены рабочие М. М. Михайлов, К. И. Шурыгин и другие. останавливали на дороге расходившихся с работы рабочих и агитировали их на следующий день на работу не выходить, а собраться на площади.

Чтобы предотвратить дальнейшее развитие забастовки, полиция в ночь с 23 на 24 ноября арестовала троих наиболее энергичных руководителей стачечников — М. М. Михайлова, К. И. Шурыгина и Ш. Газизова.

На следующий день, 24 ноября, рабочие с утра стали собираться на базарной площади и у общественной лавки. Пристав объявил собравшимся ответ губернатора на посланную накануне рабочими телеграмму. Губернатор предлагал рабочим ждать решения окружного инженера и угрожал суровыми карами за забастовку. Зачитав ответ губернатора, пристав стал уговаривать рабочих разойтись.

Угрозы губернатора и уговоры пристава не поколебали решимости рабочих добиваться своих прав путём забастовки. Рабочий И. Г. Пахнин, ездивший перед забастовкой по поручению рабочих в Пермь с прошением к губернатору, заявил рабочим, что «в Перми один адвокат взялся вести их дело и говорил, что они должны выиграть», а «за прекращение работ отвечать не будут»¹⁵².

После объяснений с приставом рабочие толпой двинулись к заводским воротам, где к ним присоединились ещё находившиеся на работе рабочие. Некоторая часть рабочих, занятых у генераторов, осталась на работе, но позднее уговорили и их уйти с работы. Работы в мартеновском цехе были полностью остановлены.

Забастовавшие действовали организованно и сплочённо, хотя среди части отсталых рабочих ещё сохранились анархо-бунтарские настроения. Некоторые рабочие говорили, что если заработная плата не будет увеличена, то директору «выпустят кишки». Некоторые рабочие предлагали оставить в мартеновских печах расплавленный металл, т.е. вывести печи из строя, но более сознательные рабочие отговорили их от этого. Вместе с русскими рабочими в стачке приняли участие рабочие-татары¹⁵³.

Остановив работы в цехе, рабочие отправились к полицейскому участку, где решительно потребовали освобождения арестованных товарищей. Напуганные власти освободили М. М. Михайлова и К. И. Шурыгина, а затем и Ш. Газизова.

25 ноября в завод прибыл окружной инженер, однако его попытки уговорить рабочих возобновить работу оказались безрезультатными. Не помогла и его угроза уволить с работы всех рабочих, не возвратившихся на работу в недельный срок¹⁵⁴.

Размах стачки вызвал тревогу губернских властей. В Чусовской завод прибыли товарищ прокурора, следователь по особо важным делам и жандармский

¹⁵² РГИА. Ф. 1405. Оп. 100. 1899. Д. 7790. Л. 2 об.; Рабочее движение в России в XIX веке. Т. IV. Ч. 2. С. 319.

¹⁵³ Там же. Л. 2 об.; Рабочее движение в России в XIX веке. Т. IV. Ч. 2. С. 318–319.

¹⁵⁴ Там же. Л. 3; Рабочее движение в России в XIX веке. Т. IV. Ч. 2. С. 319–320.

полковник с отрядом полиции в 30 чел., чины тайной полиции. Исправник и становой пристав со своими подчинёнными уже давно находились здесь.

Стянув полицейские силы, власти прервали переговоры с рабочими, а в ночь на 27 ноября произвели массовые аресты рабочих, признанных руководителями стачки, причём во время обысков и арестов полицейские действовали исключительно грубо, выбивали в квартирах рабочих двери, производили погромы, наводя страх на ни в чём не повинных людей: мать одного арестованного от испуга разбил паралич и, хотя доктор привёл её в чувство, у неё все-таки отнялись рука и нога, у другого рабочего была беременная жена (в последнем периоде), и у неё сделались схватки¹⁵⁵.

Были арестованы Г.А. Пономарев, И.Г. Пахнин, С.С. Бражкин, М.М. Михайлов, С.Я. Золотов, П.Г. Меркушин, П. Щекалев и другие, всего 16 чел., которые были препровождены в Пермскую тюрьму¹⁵⁶. Всего по делу о стачке было арестовано 27 чел., из них 18 были подвергнуты гласному надзору полиции сроком на два года и 8 — сроком на один год¹⁵⁷.

Полицейские репрессии, арест руководителей стачки сломили сопротивление бастующих, и рабочие стали возвращаться на работу. Уездный исправник доносил, что после ареста руководителей «стачка постепенно прекращалась частью получениями расчётов, а большею частью выходами на работы, так что в течение двух недель стачка уже вовсе прекратилась»¹⁵⁸.

2 октября 1899 г. произошла забастовка рабочих-башкир Никольской шахты Успенского золотого прииска Кочкарской системы в Троицком уезде Оренбургской губернии, протестовавших против увольнения рабочих, нанятых на весь рабочий сезон, без выдачи им двухнедельной заработной платы. Забастовка была подавлена с помощью прибывших на прииск горного исправника и отряда казаков¹⁵⁹.

Осенью 1899 г. резко обострилась борьба между рабочими и администрацией в Пермских железнодорожных мастерских, в которых работало свыше 500 рабочих. Администрация мастерских, состоявшая почти сплошь из иностранцев, смотрела на рабочих «как на какую-то низшую расу, неспособную подняться в своём самосознании выше выючных животных», и беспощадно эксплуатировала их. Однако под влиянием ведущейся в мастерских социал-демократической агитации рабочие мастерских становились «всё смелее и требовательнее»¹⁶⁰.

¹⁵⁵ Исторический архив. М., 1955. №6. С. 12–13.

¹⁵⁶ РГИА. Ф. 1405. Оп. 100. 1899. Д. 7790. Л. 3 — 3 об.; Рабочее движение в России в XIX веке. Т. IV. Ч. 2. С. 320.

¹⁵⁷ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 255. 1900. Д. 32. Л. 6–7; 3 дел-во. 1903. Д. 938; 5 дел-во. 1901. Д. 122.

¹⁵⁸ ГАПК. Ф. 162. Оп. 1. 1899. Д. 47. Л. 55 об.

¹⁵⁹ ГАРФ. Ф. 102. 3 дел-во. 1900. Д. 1. Ч. 64. Л. 5 об. — 6 об.

¹⁶⁰ Кудрявцев Е. На заре туманной юности: Из истории рабочего движения в Перми // Каторга и ссылка. М., 1931. №4 (77). С. 13.

В ноябре 1899 г. рабочие, возмущённые снижением расценок, прекратили работу и покинули мастерские, а на следующий день на работу не вышли. Забастовка была стихийной, и хотя в ней приняли участие отдельные рабочие социал-демократы, проходила она без руководства социал-демократии. Часть рабочих к забастовке не примкнула и продолжала работать. Несмотря на это, забастовка окончилась победой рабочих, их требования были удовлетворены¹⁶¹.

В 1899 г. резко обострилась обстановка в Воткинском железодельном заводе в Вятской губернии. Как сообщала «Искра», ещё зимой 1899 г. в заводе «была распространена нелегальная литература. Рабочие с большим интересом набросились на неё, читая за работой, во время отдыха и на улицах. Началось брожение среди рабочих, острые столкновения с мастерами и начальством»¹⁶².

«Настроение среди всего населения, — сообщал корреспондент, — в то время было страшно напряжённое... Купечество складывало тогда свои богатства в дубовые сундуки и собиралось выехать с ними в Сарапул, потому что рабочие-де грозили перерезать телеграфные проволоки, перебить начальство и разделить между собою все богатства крупных собственников»¹⁶³.

Встревоженная жандармерия оцепила во время работы механический цех, рабочие которого проявляли наибольшую активность, и произвела повальный обыск у всех рабочих, затем пошли домашние обыски. 15 рабочих были арестованы, но через две недели их выпустили.

В декабре 1899 г. на Воткинском заводе произошла забастовка 350 рабочих пудлингового цеха. Причиной её послужило распоряжение администрации доставлять чугун в цех силами самих рабочих, тогда как раньше вагонетки с чугуном перевозились на лошадях. Забастовка продолжалась пять дней, с 8 по 12 декабря, и закончилась победой рабочих: администрация вынуждена была отменить своё распоряжение. Начальник завода Троян пообещал доставлять чугун на завод в вагонах¹⁶⁴.

В 1899–1900 гг. длительные волнения происходили на стекольном заводе наследников генерала Павлова в Бирском уезде Уфимской губернии. Владельцы завода систематически задерживали выплату заработной платы. Доведённые до отчаяния рабочие потребовали окончательный расчёт и послали жалобу губернатору¹⁶⁵.

В 1900 г. стачечное движение на Урале не ослабевало. Наиболее активно выступали рабочие, затронутые в той или иной мере социал-демократической пропагандой и агитацией.

В январе 1900 г. произошла стачка 350 рабочих механического цеха Воткинского завода, потребовавших сокращения рабочего дня в субботу на один час.

¹⁶¹ Кудрявцев Е. На заре туманной юности: Из истории рабочего движения в Перми // Каторга и сылка. М., 1931. № 4 (77). С. 20–21.

¹⁶² Искра (Женева). 1902. 15 января. № 15.

¹⁶³ Там же.

¹⁶⁴ ГАРФ. Ф. 102. 3 дел-во. 1898. Д. 4. Ч. 43. Л. 1.

¹⁶⁵ Там же. 1901. Д. 1. Ч. 64. Л. 9.

Рабочие огромной толпой отправились к квартире начальника, который струсил и тут же объявил о своём согласии удовлетворить требование рабочих¹⁶⁶.

Упорная борьба рабочих со своими хозяевами развернулась на кожевенных предприятиях в г. Сарапуле Вятской губернии. Три четверти населения города было занято в производстве обуви. Во главе производства стояли кожевенные заводы Барабанщикова, Михеева, Дедюхина, Смагина и Пешехонова, на каждом из которых работало от 200 до 500 чел. На заводах велась главным образом лишь раскройка и строчка, остальные же операции производились на дому мелкими ремесленниками-сапожниками, которые находились в полной кабале у владельцев заводов. На заводах часть рабочих была приходящей, другая жила тут же на хозяйских харчах.

Условия труда на кожевенных заводах были очень тяжёлые: мастерские были грязными, тесными, без света и воздуха, рабочие подвергались беспощадной эксплуатации, администрация обращалась очень грубо, широко применялись женский и детский труд. Зарботная плата была низкая, рабочий день продолжался от 11½ до 12–13 часов. В хозяйских казармах стояла непролазная грязь, кормили рабочих постной пищей, «с преобладанием воды»¹⁶⁷.

В январе 1900 г. все живущие на хозяйских харчах рабочие кожевенного завода Дедюхиных (125 чел.) «забастовали, выставив следующие требования: очистка казарм и содержание их в чистоте, еженедельная баня для рабочих; вместо чугунов для чая — самовары; вместо голых досок для спанья — войлоки с подушками, ежедневно мясные щи с ¼ фунта мяса на чел. и т. д.».

Выступление было настолько неожиданным, что поражённые хозяева сразу сдались и согласились удовлетворить все требования рабочих. «Началась чистка казарм, из кухни понёсся запах мясных щей, потянулись возы с войлоками и самоварами... Это был, — писала «Искра» — настоящий праздник для рабочих. Они ходили повеселешие, с сознанием собственного достоинства. Настроение сильно повысилось...»¹⁶⁸.

Воодушевлённые результатами стачки, рабочие через две недели забастовали вторично, уже всем заводом, выставив требования о сокращении рабочего времени на полчаса, а в субботу — на один час, о расширении помещения мастерских, об устройстве вентиляции и улучшении освещения и т. п. На этот раз хозяева бросились искать защиту у властей: уведомили городскую полицию, вызвали фабричного инспектора, сообщили в жандармское управление.

Однако продолжительные «увещевания» прибывшего на завод фабричного инспектора оказались безрезультатными, и он вынужден был пообещать рабочим вывесить новые правила о сокращении рабочего дня и приступить к исполнению других их требований. Рабочие возобновили работу, но новые правила не появлялись, и через несколько дней они забастовали третий раз. «Тогда

¹⁶⁶ Там же.

¹⁶⁷ Искра (Женева). 1902. 15 января. № 15.

¹⁶⁸ Там же.

хозяева поспешили вывесить новые правила... Новая победа, — новая радость для рабочих!»¹⁶⁹

Через месяц предстояло перезаключение условий на работы на новый полугодовой срок, и рабочие уже готовились предъявить хозяевам новое требование — о повышении заработной платы. Но повышением активности рабочих завода Дедюхиных уже живо заинтересовалась жандармерия. Начались обыски и допросы рабочих, у Н. Злыгостева были найдены брошюры «Что нужно знать и помнить каждому рабочему» и «Как английские рабочие боролись за свободу». Злыгостев был арестован. Предполагавшееся предъявление новых требований к хозяевам не состоялось»¹⁷⁰.

Во время стачек на заводе Дедюхиных на других кожевенных заводах «господствовало возбуждённое состояние среди рабочих, шли бесконечные разговоры, происходили частичные столкновения рабочих с начальством...».

Наиболее значительное выступление рабочих произошло летом 1899 г. на кожевенном заводе городского головы Пешехонова. Хозяин удлинил рабочий день на полчаса, но рабочие не подчинились этому распоряжению и, несмотря на «угрозы тюрьмою, Сибирью и т. д.», самовольно уходили с работы в прежнее время, а затем объявили забастовку, требуя отменить с них вычеты из заработной платы за освещение мастерских. Хозяин вызвал полицию, но когда в ответ на ругань исправника рабочие, сжав кулаки, направились в сторону начальства, «исправник со своею свитою бросился бежать, а во след храброму воинству полетели камни, палки, посыпались остроты»¹⁷¹.

Стачки рабочих на Воткинском заводе и кожевенных заведениях Сарапула, подробно освещённые «Искрой», явились предвестниками крупных стачек начала 1900-х гг. В 1900 г. воткинским и сарапульским рабочим недоставало опытных руководителей. Корреспондент «Искры», отметив, что в рабочей среде Воткинска и Сарапула живёт «глубокое недовольство» и почва для социал-демократической работы в этих местностях «богатая», в то же время писал, что «сеятелей нет» и ему «не раз приходилось слышать от самих рабочих: “Дайте нам человека, с которым мы могли бы посоветоваться, который научил бы нас, тогда у нас быстро пойдёт дело”»¹⁷².

В январе 1900 г. рабочие Усть-Катавского завода потребовали от заводоуправления уволить за грубое обращение распорядителя работ бельгийца Юлия Минье, увеличить количество рабочих в пудлинговом цехе и уменьшить нормы выпуска металла. 1 мая на заводе были разбросаны листовки. Напуганная администрация вызвала в завод черкесов¹⁷³.

¹⁶⁹ ГАРФ. Ф. 102. 3 дел-во. 1901. Д. 1. Ч. 64. Л. 9.

¹⁷⁰ Там же.

¹⁷¹ Там же.

¹⁷² Там же.

¹⁷³ ГАРФ. Ф. 102. Особ. отд. 1898. Д. 4. Ч. 9. Л. 1–3; Ф. 102. 3 дел-во. Оп. 98. Д. 1. Ч. 52. Лит. «Б». Л. 2.

В апреле 1900 г. в течение двух дней бастовали рабочие Катав-Ивановского завода, требовавшие ввести 8-часовой рабочий день вместо 12-часового. Требование рабочих было удовлетворено¹⁷⁴. Вслед за ними, в течение двух дней, с 21 по 22 апреля, бастовали 300 рабочих Миньярского завода, протестовавшие против попытки администрации завода перевести их с трёхсменной 8-часовой работы на двухсменную 12-часовую. Администрация была вынуждена отказаться от своего намерения и установила в цехах двухсменную 8-часовую работу¹⁷⁵.

1–4 мая 1900 г., четыре дня, бастовали 500 рабочих черного и крупносортного цехов Белорецкого завода Пашковых, потребовавшие возобновить остановленные производства и принять уволенных рабочих. Требования рабочих были удовлетворены частично: администрация возобновила работу некоторых производств, но отказалась возвращать на завод уволенных рабочих¹⁷⁶.

2–4 июня 1900 г. в течение трёх дней бастовали 150 рабочих судостроительного цеха Воткинского завода, недовольные низкой зарплатой. Они требовали увеличить им зарплату и снизить плату за наём квартир. Администрация увеличила зарплату рабочих на 30%¹⁷⁷.

14 мая 1900 г. рабочие прокатного цеха Верхнеуфалейского завода, угрожая забастовкой, потребовали повышения заработной платы на 1 коп. за пуд прокатываемого железа. Администрация, напуганная возможностью повторения стачки (рабочие прокатного цеха уже бастовали в 1899 г.), удовлетворила их требования¹⁷⁸.

В мае–июне 1900 г. происходили волнения рабочих сварочного цеха Чёрмозского завода, вызванные недовольством рабочих низкой заработной платой¹⁷⁹.

10–16 августа 1900 г. бастовали около 200 рабочих литейного цеха Усть-Катавского завода, протестовавшие против снижения расценок и перевода квалифицированных рабочих на выполнение низкооплачиваемых ученических работ. Они требовали оставить прежние расценки и давать рабочим соответствующие их опыту и знаниям работы. Администрация отказалась выполнить требования рабочих¹⁸⁰.

Рабочие Мариинского завода, входившего в Ревдинский округ В. А. Ратькова-Рожнова, недовольные управителем завода П. Ф. Фёдоровым, несправедливо накладывавшим на них штрафы и увольнявшим их с работы, запретившим им отлучаться на «гулевой» неделе из завода, в конце 1900 г. в числе 133 чел. подали

¹⁷⁴ ГАРФ. Ф. 102. 3 дел-во. 1901. Д. 1. Ч. 46. Л. 6 – 8 об.

¹⁷⁵ ГАРФ. Ф. 102. 3 дел-во. Оп. 99. Д. 1. Ч. 46. Лит. «А». Л. 8; ЦГА РБ. Ф. 187. Оп. 1. Д. 144. Л. 358.

¹⁷⁶ Металлисты Урала накануне и в период 1905 года: Сб. док. и материалов. Свердловск, 1926. С. 69.

¹⁷⁷ Юдина Л. С. Стаечное движение на Урале в 1895–1904 гг. Челябинск, 1993. Ч. 1. С. 75–76.

¹⁷⁸ ГАСО. Ф. 47. Оп. 1. 1900. Д. 516. Л. 1–2.

¹⁷⁹ РГИА. Ф. 880. Оп. 3. 1900. Д. 1374. Л. 43 – 43 об.

¹⁸⁰ Искра (Женева). 1901. Ноябрь. № 10. С. 4.

в волостное правление прошение, в котором просили избавить их от произвола управителя¹⁸¹.

В 1900 г. в Илецкой Защите Оренбургской губернии произошла забастовка 400 рабочих соляного рудника. Недовольные низкой оплатой и грубостью администрации, рабочие отказались идти на работу. Результаты забастовки неизвестны¹⁸².

Крупная стачка в 1900 г. произошла на льнопрядильно-ткацкой фабрике братьев Макаровых в Екатеринбурге. На фабрике работало 465 чел., из них было мужчин — 227, женщин — 219, подростков — 19.

Рабочие на фабрике подвергались жестокой эксплуатации. Рабочий день продолжался 11–12 часов, заработная плата была нищенской, а условия труда — тяжёлыми и вредными для здоровья. «Приходится работать, — писал в «Искру» один из рабочих, — в густой, удушливой пыли; пыль ложится на лёгкие, способствует развитию чахотки, портит глаза. Когда рабочие выходят с работы, минутую другую у них перед глазами стоит туман»¹⁸³.

Директор и служащие относились к рабочим исключительно грубо, ругали их «самым нелепым образом», применяли кулачную расправу, глумились над женщинами.

Осенью 1900 г. в России начался экономический кризис, охвативший в первую очередь текстильную промышленность. Цены на ткани стали падать. Владельцы фабрики, не желая расставаться с прибылями, решили переложить последствия кризиса на плечи рабочих. 19 сентября рабочим было объявлено о введении на фабрике новой системы расценок, по которой заработная плата ткачей понижалась на 30–50 %¹⁸⁴.

Среди рабочих началось волнение. 36 рабочих, явившись в контору, категорически отказались работать по новым расценкам и потребовали увеличить прежнюю заработную плату на 20%. Владельцы и директор на требования рабочих ответили смехом и объявили об увольнении их с работы. Тогда рабочие, расположившись вокруг фабрики, стали останавливать всех идущих на работу, призывая их к забастовке¹⁸⁵.

20 сентября 1900 г. 195 ткачей не приступили к работе, а на следующий день из 350 рабочих на работу явилось только 15. Забастовавшие требовали восстановить прежние расценки и сократить рабочий день. О своих требованиях они заявили полиции, подали жалобы участковому фабричному инспектору и старшему фабричному инспектору Пермской губернии, а также послали телеграмму в Петербург министру финансов. Макаровы вызвали на фабрику полицейского

¹⁸¹ ГАСО. Ф. 46. Оп. 1. 1900. Д. 238. Л. 52 — 52 об., 54 — 54 об.

¹⁸² Очерки истории Оренбургской областной организации КПСС. Челябинск, 1973. С. 17.

¹⁸³ Искра (Женева). 1903. 22 октября. № 51.

¹⁸⁴ РГИА. Ф. 1405. Оп. 102. 1901. Д. 5091. Л. 10 об. — 11; Ф. 23. Оп. 30. 1900. Д. 61. Л. 66 об.; Рабочее движение в России в XIX веке. Т. IV. Ч. 2. С. 540.

¹⁸⁵ Искра (Женева). 1900. Декабрь. № 1.

пристава и участкового фабричного инспектора, которые пытались запугать рабочих и заставить их вернуться на работу, но их угрозы оказались безрезультатными¹⁸⁶.

23 сентября прибыл из Перми старший фабричный инспектор, который решил применить другую практику. Он посоветовал Макарову увеличить расценки на 10%¹⁸⁷. Уступка эта была бы очень незначительной, т.к. и в этом случае рабочие стали бы получать заработную плату ниже той, которую они получали по старым расценкам.

Но владельцы не хотели и слышать о каких-либо уступках. «Закроем лавочку, — говорили Макаровы, — а не уступим»¹⁸⁸. На фабрике было вывешено объявление, в котором заявлялось, что ткачи, не приступившие к работе в течение трёх дней, должны явиться для сдачи оставшегося на станках холста и для получения окончательного расчёта¹⁸⁹.

Но и это распоряжение не смогло поколебать рабочих. Забастовка проходила организованно. Бастующие ежедневно собирались на площади перед фабрикой. Руководила стачкой группа наиболее активных рабочих, являвшаяся по сути дела стачечным комитетом. Рабочие вели активную борьбу с теми, кто, нарушая пролетарскую солидарность, продолжал работать или, поддаваясь на провокации полиции, вносил разлад в среду бастующих. Против штрейкбрехеров принимались решительные меры, вплоть до физического воздействия. Как сообщал корреспондент «Искры», во время стачки ежедневно происходили «жаркие драки стойких рабочих с малодушными и полицией»¹⁹⁰.

Среди бастующих, однако, не было единства по вопросу о методах борьбы. Часть рабочих во главе с Шумиловым, Мясниковым и Башкировым возлагала большие надежды на приезд комиссии из Петербурга, которая, как они полагали, рассмотрит их жалобы. Другая часть рабочих не разделяла наивной веры в содействие властей. Они говорили, что у них «три дурака (Шумилов, Мясников и Башкиров) хлопочут — комиссию ждут»¹⁹¹.

Упорная и длительная стачка на фабрике братьев Макаровых, нарушившая «порядок и спокойствие» в городе, вызвала беспокойство местных властей. 4 октября на фабрику прибыли екатеринбургский полицеймейстер, помощник начальника Пермского губернского жандармского управления в Екатеринбургском уезде, товарищ прокурора Екатеринбургского окружного суда, полицейский пристав и участковый фабричный инспектор, которые устроили между собой совещание, как прекратить стачку.

¹⁸⁶ РГИА. Ф. 1405. Оп. 102. 1901. Д. 5091 Л. 11 об — 12; Искра (Женева). 1900. Декабрь. № 1.

¹⁸⁷ РГИА. Ф. 1405. Оп. 102. 1901. Д. 5091. Л. 12.

¹⁸⁸ Искра (Женева). 1900. Декабрь. № 1.

¹⁸⁹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 102. 1901. Д. 5091. Л. 12; Ф. 23. Оп. 30. 1900. Д. 61. Л. 53 об.; Рабочее движение в России в XIX веке. Т. IV. Ч. 2. С. 541.

¹⁹⁰ Искра (Женева). 1900. Декабрь. № 1.

¹⁹¹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 102. 1901. Д. 5091. Л. 12 об.

Убедившись, что без восстановления прежней заработной платы рабочие стачку не прекратят, один из чиновников, товарищ прокурора Екатеринбургского окружного суда Агафонов, предложил Макарову составить расценки таким образом, чтобы и при вычислении заработной платы по новым основаниям ткачи имели прежний заработок.

Владелец фабрики В. А. Макаров, уверявший чиновников, что он якобы «не имеет намерения понижать заработную плату и лишь требует согласия ткачей на вычисление этой платы по новым основаниям», вынужден был согласиться. Когда об этом было объявлено рабочим, они прекратили забастовку и в тот же вечер вышли на работу¹⁹².

Стачка рабочих фабрики братьев Макаровых, продолжавшаяся с 20 сентября по 5 октября, окончилась победой рабочих. Фабриканты вынуждены были восстановить прежнюю заработную плату, заплатить рабочим за всё прогульное время. В довершение всего Макаровым пришлось заплатить за проезд комиссии из четырёх человек, приехавшей из Петербурга¹⁹³.

Владельцы фабрики остались недовольны исходом забастовки. Уступку рабочим они приписывали непрошенному вмешательству в дело городских властей, а главным виновником считали товарища прокурора Екатеринбургского окружного суда Агафопова. На Агафопова был послан донос в Петербург. В столице начались поиски виновных в «ослаблении» рабочим. Между Министерствами финансов и юстиции начались препирательства. Каждое из министерств оправдывало действия чиновников своего ведомства и обвиняло во всём чиновников другого ведомства¹⁹⁴.

Боевая, активная стачка произошла в одной из екатеринбургских типографий, в которой работало около 30–40 рабочих. В типографии царили патриархальные порядки. Заведующий-самодур обращался с рабочими крайне грубо, не признавал никаких законов. В конце августа 1900 г., ссылаясь на получение срочного заказа, он приказал рабочим работать в праздничные дни.

Рабочие, «сильно негодуя», проработали до обеда, а на следующий день, 30 августа, все как один не вышли на работу и прислали к хозяину своего депутата, объявившего их требования:

- 1) пересмотреть табель праздников и засвидетельствовать его в фабричной инспекции,
- 2) всем рабочим увеличить заработную плату,
- 3) не увольнять участников забастовки ранее, чем через три месяца.

Хозяева пытались подкупить или запугать уполномоченного. «Депутата угощали водкой, раками, заграничными сигарами, говорили с ним ласково, хотя сами сидели, как на иголках, и часто менялись в лице. Грозили жандармами, кандалами, тюрьмой и кончили тем, что согласились на все условия»¹⁹⁵.

¹⁹² РГИА. Ф. 1405. Оп. 102. 1901. Д. 5091. Л. 9, 13.

¹⁹³ Искра (Женева). 1900. Декабрь. № 1.

¹⁹⁴ РГИА. Ф. 1405. Оп. 102. 1901. Д. 5091. Л. 1–2, 6–7.

¹⁹⁵ Искра (Женева). 1900. Декабрь. № 1.

Стачка типографских рабочих длилась один день, но дала блестящие результаты. Все требования рабочих были удовлетворены. Порядки в типографии резко изменились. Один из рабочих писал в «Искру»: «Теперь у нас две смены, дневная и ночная, денная работает 10 часов, а ночная 8 часов. Прибавка жалования последовала тут же, после соглашения. Кто получал 15 рублей, тот переехал на 17, на 20. Обхождение хозяина переменялось до неузнаваемости. Старики-рабочие дивуются. “Вот, брат ты мой, 17 лет работал, как свечка стою, а окромя «ребята» да «ты» ничего не слыхал, а тут, на поди, «вы» да «господа» только и слышишь”»¹⁹⁶.

Победоносная стачка подняла настроение рабочих. В корреспонденции в «Искру» рабочий типографии писал: «Рабочие чувствуют себя бодро, смотрят смело и энергично. “Веди нас, — говорят они, — мы завоюем с тобой города”»¹⁹⁷.

Екатеринбургские стачки 1900 г. явились важным событием в истории рабочего движения на Урале. «Искра» дала высокую оценку этим стачкам, поместив о них в своём первом номере подробные корреспонденции. Стачки показали, что Екатеринбург, являвшийся крупным промышленным, административным и культурным центром Урала, превращался в важный очаг рабочего движения страны.

В конце 1890-х гг. среди горнозаводских рабочих Урала продолжались аграрные волнения, выражавшиеся в захватах земель горнозаводчиков, самовольных сенокосениях и порубках, столкновениях рабочих с лесной стражей и полицией, подаче многочисленных прошений.

Горнозаводское население упорно отстаивало свои права на земельные угодья. Среди мастеровых Нижнетагильского округа распространилось убеждение, что в их собственность поступят все земли, которыми они владеют. Поэтому они всеми средствами расширяли границы своих участков: переносили старые изгороди на новые места, огораживали участки жердями, обваливали их границы сухостойким или свежесрубленным лесом¹⁹⁸. Захваты земли и порубки леса стали настолько частыми, что лесная стража не успевала составлять протоколы.

Мастеровые и сельские работники Алапаевских заводов, ссылаясь на апокрифическую грамоту Петра I, по которой все земли якобы были переданы населению в полную собственность, отказались признать землю собственностью заводовладельцев и продолжали самовольно косить сено и рубить лес в заводских дачах¹⁹⁹.

В больших масштабах продолжались самовольные порубки и сенокосения на землях заводовладельцев в Сергинско-Уфалейском и Кыштымском округах. 9 ноября 1899 г. толпа рабочих Кыштымского завода в количестве до 100 чел. оказала вооружённое сопротивление судебному и станovому приставам при

¹⁹⁶ Там же.

¹⁹⁷ Там же.

¹⁹⁸ ГАСО. Ф. 643. Оп. 3. 1899. Д. 2425. Л. 234; *Зайцев Д.* Государственная Дума и уральские аргонавты // Образование. СПб., 1908. №5. С. 9.

¹⁹⁹ ГАПК. Ф. 162. Оп. 1. 1899. Д. 47. Л. 28 об.

продаже имущества в возмещение «убытков» заводууправлению за самовольное пользование заводской землёй²⁰⁰.

Мастеровые Нижне- и Верхнесергинского заводов, подав три прошения на имя директора Горного департамента, продолжали усиленно ходатайствовать о наделении их земельными наделами наравне с мастеровыми посессионных заводов²⁰¹. Продолжали свои ходатайства о наделении их землёй и рабочие ряда других заводов и округов (Кыштымского завода, Павловского завода графа Строганова и др.)²⁰².

Порубки населением лесов приняли форму массовых коллективных выступлений. 5 июня 1899 г. мастеровые д. Никитиной (Черемшанки), поднявшись по призыву набата, за один день вырубил в Верхнесалдинской даче большой участок строевого леса, так называемый «Журавлёв бор»²⁰³.

Между жителями деревень Бучиной и Кабаковой, выполнявшими на Алапаевских заводах вспомогательные работы, и заводоуправлением, поддерживаемым полицией, произошли столкновения из-за рубки ими дров на заводских землях. В 1899 г. управляющий заводами Морен, желая сократить расходы на заготовку дров, приказал отобрать у жителей Бучиной и Кабаковой дрова, нарубленные ими на заводских землях, и увезти их на завод. Полиция и лесная стража трижды являлись в эти деревни, причём в последний раз уездный исправник собрал большой отряд полиции и около 50 чел. лесной стражи, но всякий раз получали отпор от жителей, так и не позволивших увезти свои дрова. В 1901 г. жители Бучиной, вооружившись охотничьими ружьями и забаррикадировав дороги в деревню, четыре раза отгоняли налёты лесной стражи и полицейских²⁰⁴.

Между горнозаводским населением и заводоуправлениями из-за земельных участков возникла масса спорных дел, которыми были перегружены все судебные инстанции. В 1898 г. на рассмотрении судебных инстанций по посессионным заводам Пермской губернии находилось 8859 спорных дел на пространство 13 009 дес. В 1903 г. спорных дел было уже 47 992 на пространство 99 028 дес., причём из их числа были решены только 5158 дел на пространство 11 272 дес. и оставались нерешёнными 42 834 дела на пространство 87 756 дес.²⁰⁵

«Подумать страшно, — писали журналисты В.А. Весновский и В.С. Зыбин, — какая масса бумаги растрачена, сколько энергии, сил истрачено, какого

²⁰⁰ Уральская железная промышленность в 1899 году / Под ред. Д. И. Менделеева и др. СПб., 1900. С. 254.

²⁰¹ Положение рабочих Урала во второй половине XIX — начале XX века. С. 149–150, 157–159.

²⁰² ГАСО. Ф. 180. Оп. 1. 1899. Д. 43. Л. 47 — 47 об.; РГИА. Ф. 1330. Оп. 9. 1897. Д. 1673. Л. 11.

²⁰³ ГАСО. Ф. 643. Оп. 3. 1899. Д. 2425. Л. 23.

²⁰⁴ ГАПК. Ф. 162. Оп. 1. 1889. Д. 47. Л. 28 — 30 об.; ГАСО. Ф. 519. Оп. 1. 1901. Д. 18. Л. 51–53.

²⁰⁵ Савин Г.Г. Землеустройство сельских обывателей Урала. СПб., 1907. С. 41–42.

огромного труда стоило тысячам людей разобраться в этом потоке споров! А какая масса подёнщин пропала даром при вызовах свидетелей, понятых, доверенных!»²⁰⁶

Аграрные волнения, усилившиеся в конце 90-х гг. XIX в. в посессионных и частновладельческих горных округах, свидетельствовали о дальнейшем обострении борьбы рабочих с заводчиками. В заводских районах Урала фактически развернулась ширококомасштабная, ожесточённая «аграрная война».

Великий русский учёный Д. И. Менделеев, обследовавший Урал в 1899 г., в запутанности аграрных отношений и «земельной неурядице» на Урале увидел «корни новой пугачёвщины»²⁰⁷.

Несмотря на быстрый рост сознательности и организованности уральских рабочих, в конце 1890-х гг. на ряде заводов борьба рабочих против заводладельцев и их администрации нередко по-прежнему выливалась в индивидуальные террористические акты и поджоги.

В 1897 г. в Нязепетровском заводе были выбиты окна в квартире управителя завода Голубева. 19 июня 1898 г. в этом же заводе рабочий Беляев, уволенный с работы, с камнем в руке бросился на смотрителя завода Зиновьева, угрожая лишить его жизни²⁰⁸. В Кыштымском заводе в 1898 г. рабочий Кудряшев грозился убить управителя завода Эванса, если тот не примет на работу его сына²⁰⁹.

22 июля 1898 г. на Соймановских золотых промыслах рабочий Попов заманился бутылкой на управителя промыслов Нордстрема и угрожал сжечь «всё, что есть заводского»²¹⁰. В Каслинском заводе 11 сентября 1898 г. рабочий Зубрилин напал с камнем в руке на управителя завода Копылова, угрожая убить его, если он не даст ему работы в литейной²¹¹.

В Майкорском (Никитском) заводе управитель завода немец Х. П. Оберг без всяких причин десятками увольнял неугодных ему рабочих, запретил рабочим ловить рыбу в заводском пруде, ходить в лес с собаками, строжайшим образом преследовал «самовольные» сенокосения, приказав лесной страже сжигать или разбрасывать по земле заготовленное рабочими сено²¹².

Доведённые до отчаяния рабочие отвечали на эти притеснения террористическими актами. В конце августа 1898 г. у Оберга камнями и палками были выбиты окна. В августе, сентябре и ноябре рабочие трижды бросали кирпичи и шлаковины в окна смотрителя Петрова. 5 сентября были выбиты окна в доме помощника смотрителя Пастухова, 23 ноября — у надзирателя Лепилова.

²⁰⁶ Урал Северный, Средний и Южный. С. 174.

²⁰⁷ Менделеев Д. И. Уральская железная промышленность в 1899 году // Менделеев Д. И. Сочинения. М.; Л., 1949. Т. 12. С. 1024.

²⁰⁸ ГАСО. Ф. 47. Оп. 1. 1898. Д. 448. Л. 56 об.

²⁰⁹ Там же. Л. 32.

²¹⁰ Там же. Л. 36 об.

²¹¹ Там же. Л. 52 — 52 об.

²¹² ГАСО. Ф. 24. Оп. 16. 1900. Д. 1038. Л. 61–62; Ф. 643. Оп. 3. 1899. Д. 2430. Л. 18 об.; ГАРФ. Ф. 102. Особ. отд. 1898. Д. 4. Ч. 25. Лит. «Б». Л. 7–8.

4 августа 1899 г., когда надзиратель Лепилов с семейством возвращался вечером домой, в него было сделано два выстрела из револьвера, причём одним из них была ранена в руку его мать, шедшая с ним рядом. 23 августа в управляющего завода Оберга, возвращавшегося поздно вечером с семьёй домой, был произведён выстрел, и пуля большого калибра пролетела на самом близком расстоянии от его дочери²¹³.

Заводская администрация оказалась буквально в осадном положении. В тёмные ночи заводские служащие не зажигали огня и не ложились спать, а с револьверами в руках сидели у окон и выстрелами отгоняли прохожих, не позволяя им приблизиться к своим домам²¹⁴. Управитель Оберг для охраны своего дома поставил около своего двора пушку и стрелял из неё по ночам, а в завод ходил в сопровождении двух полицейских стражников²¹⁵.

В завод были дополнительно назначены 6 городских и 2 полицейских урядника, были установлены ночные обходы и уличные караулы, но, несмотря на усиление полицейского надзора, в конце 1899 г. у дома Оберга были подожжены службы, а в ночь на 2 апреля 1900 г. в его доме снова были выбиты окна²¹⁶.

В конце апреля 1900 г. рабочие, «не видя конца притеснениям со стороны г. Оберга, вывесили на заводской ограде объявление, предупреждавшее Оберга, что если не будут приняты на заводские работы устранённые от работ мастеровые, то он будет убит»²¹⁷.

«Население соседних заводов, — доносил в Департамент торговли и мануфактур 28 марта 1900 г. старший фабричный инспектор Пермской губернии, — напряжённо следит за событиями этой вражды к сожалению, на соблазн длящейся слишком долго»²¹⁸. Под влиянием событий на Майкорском заводе начались волнения рабочих на соседних Пожевских заводах, на которых пример майкорцев действовал «заразительно». В Елизавето-Пожевском заводе на стене была сделана мелом надпись, что смотрителю завода Черемных и уставщику Мелехину «жить осталось недолго», т. к. они приговорены к смерти, а затем вскоре в доме уставщика Мелехина были выбиты камнями окна²¹⁹.

Сведения о «крайне неприятных отношениях» между рабочими и администрацией на Майкорском заводе дошли до Петербурга и вызвали там беспокойство. Директора Горного департамента особенно встревожило то обстоятельство, что увольняемые Обергом рабочие «разбредаются по соседним заводам

²¹³ ГАСО. Ф. 643. Оп. 3. 1899. Д. 2430. Л. 5–6.

²¹⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 16. 1900. Д. 1038. Л. 65.

²¹⁵ ГАРФ. Ф. 102. Особ. отд. 1898. Д. 4. Ч. 25. Лит. «Б». Л. 5; ГАСО. Ф. 24. Оп. 16. 1900. Д. 1038. Л. 65; Металлисты Урала накануне и в период 1905 года. С. 12.

²¹⁶ ГАСО. Ф. 643. Оп. 3. 1899. Д. 2430. Л. 20–21.

²¹⁷ ГАРФ. Ф. 102. Особ. отд. 1898. Д. 4. Ч. 25. Лит. «Б». Л. 8.

²¹⁸ Там же. Л. 2.

²¹⁹ Там же. Л. 23.

и разносят озлобление против заводской администрации, что может способствовать таким же нежелательным явлениям и на других заводах»²²⁰.

На ряде других уральских заводов отношения между рабочими и администрацией тоже были очень напряжёнными. В Кыновском заводе графов Строгановых управитель Бушуев производил выписку денег и муки рабочим, «для предупреждения могущих произойти между ними инцидентов», только в присутствии полицейского урядника и стражников²²¹. В Чёрмозском заводе в ночь на 2 октября 1900 г. «неизвестными злоумышленниками» был подожжён дом, принадлежавший владелице завода княгине Абамелек-Лазаревой²²².

Положение на Майкорском и многих других заводах свидетельствовало, что борьба рабочих против заводовладельцев и их администрации на Урале к началу XX в. достигла очень большого накала.

Корреспондент сообщал в газету «Искра»: «Положение здесь, на Урале, в настоящее время критическое... Вероятность грозного стихийного взрыва возрастает с каждым днём... Экономический террор, старое средство борьбы уральских рабочих, и теперь ещё употребляется в больших размерах: чуть ли не каждую неделю слышишь, что на том или другом заводе пущены в ход поджог, пуля, динамит или бомба»²²³.

Рабочее движение на Урале быстро росло вширь и вглубь, вовлекая в борьбу всё новые и новые слои уральского пролетариата. Борьба рабочих принимала всё более чёткий, более определённый характер классовой борьбы с заводовладельцами и поддерживавшей их государственной властью.

Масштабы рабочего движения на Урале в 1898–1900 гг. показывает табл. 8.

Таблица 8

Стачки и волнения рабочих на Урале в 1898–1900 гг.*

Годы	Стачки		Волнения		Итого	
	количество стачек	количество стачечников	количество волнений	количество участников	количество стачек и волнений	количество стачечников
1898	11	1180	7	Нет свед.	18	1180
1899	21	9199	4	Нет свед.	25	9199
1900	13	3000	4	Нет свед.	17	3000
Всего	45	13379	15	Нет свед.	60	13379

*Таблица составлена по материалам данной главы и работы: Юдина Л. С. Стачечное движение на Урале в 1895–1904 гг. Челябинск, 1993. С. 12.

С 1898 по 1900 г., за последние три года XIX в., на Урале произошло 45 стачек и 15 волнений рабочих. Основной формой борьбы рабочих за их экономические

²²⁰ ГАСО. Ф. 24. Оп. 16. 1900. Д. 1038. Л. 60 – 60 об.; ГАРФ. Ф. 102. Особ. отд. 1898. Д. 4. Ч. 25. Лит. «Б». Л. 1, 5.

²²¹ ГАПК. Ф. 65. Оп. 1. Д. 283. Л. 76.

²²² ГАПК. Ф. 142. Оп. 1. 1900. Д. 452.

²²³ Искра (Женева). 1903. 15 апреля. № 38.

требования окончательно становится стачка, на долю стачек в этот период приходилось $\frac{3}{4}$ всех выступлений рабочих. Наибольшего размаха стачечная волна достигала в 1899 г., когда произошла 21 стачка, в них участвовало более 9 тыс. чел. Быстро росла массовость движения: по неполным данным, в стачках 1898–1900 г. участвовало почти 13,4 тыс. рабочих, а всего за период 1895–1900 гг. — 23,4 тыс. чел.²²⁴

Благоприятная промышленная конъюнктура 1890-х гг., рост сознательности и сплочённости рабочих, руководство рабочим движением со стороны социал-демократических организаций способствовали усилению натиска рабочих на предпринимателей. Большинство стачек были наступательными, лишь $\frac{1}{3}$ — оборонительными. Рабочие металлургических заводов и крупных предприятий лёгкой промышленности вели преимущественно наступательную борьбу, оборонительные стачки преобладали у рабочих мелких предприятий, рудников и приисков.

Главное требование бастующих рабочих — повышение заработной платы. Большинство стачек были посвящены борьбе за заработную плату: рабочие требовали повышения заработной платы, протестовали против её понижения, против задержки её выдачи, произвольных вычетов, обсчитывания и т.п. Ряд стачек был направлен против произвола администрации и попыток навязать рабочим правила внутреннего распорядка и расчётные книжки, ухудшавшие положение рабочих.

Весьма характерная особенность периода конца 1890-х гг. — увеличение по сравнению с предыдущим периодом количества стачек с требованием об удалении ненавистных управителей заводов, начальников цехов, мастеров, грубо обращавшихся с рабочими, что свидетельствовало о росте у рабочих чувства собственного достоинства, росте их сознательности и сплочённости.

Значительное количество стачек было посвящено борьбе за сокращение рабочего дня, введение 8-часового рабочего дня, отмену сверхурочных работ. Выставление рабочими требования 8-часового рабочего дня в большинстве случаев было связано с распространением на этих предприятиях социал-демократической пропаганды и агитации.

Рабочие Черноусовской и Екатеринбургской братьев Макаровых льнопрядильно-ткацких фабрик и кожевенного завода Пешехонова в Сарапуле, выставив требования об отмене сверхурочных работ и сокращении рабочего дня, самолично, явочным порядком стали осуществлять это требование.

Волнения рабочих в конце 1890-х гг. по своему характеру уже резко отличались от волнений 1870–1880-х гг. Хотя ряд выступлений рабочих этого периода мы по традиции называем «волнениями», но к волнениям они могут быть отнесены только с известными оговорками. Многие волнения по сути дела являлись подготовкой к стачкам, и в тех случаях, когда администрация отказывалась удовлетворить требования рабочих, они перерастали в стачки.

Основными требованиями стачечников были повышение заработной платы и улучшение условий труда, аграрные требования отошли на второй план,

²²⁴ Юдина Л. С. Стачечное движение на Урале в 1895–1904 гг. Челябинск, 1993. С. 12.

выдвигались редко или совсем не выдвигались. Стачками и волнениями в 1895–1900 гг. было охвачено около $\frac{1}{3}$ всех уральских заводов.

Наиболее крупными очагами стачечного движения были Златоустовский, Сергинско-Уфалейский, Нижнетагильский, Катавский горные округа и г. Екатеринбург и Сарапул. Особенно упорную борьбу вели рабочие Мотовилихинского, Златоустовского, Чусовского, Михайловского, Усть-Катавского и Катав-Ивановского заводов, которые бастовали по несколько раз.

Основным очагом стачечного движения в конце 1890-х гг. была Пермская губерния, на втором месте стояла Уфимская губерния. В Вятской и Оренбургской губерниях стачечное движение было развито слабо, эти губернии более активно стали втягиваться в протестное движение в начале XX в.

В Пермской губернии было сосредоточено около $\frac{2}{3}$ всех уральских рабочих, имелась развитая сеть железнодорожных и водных путей, большинство заводов находилось в районе главного Уральского хребта, в непосредственной близости друг от друга. Здесь была сильно развита концентрация производства; на крупных заводах преобладало пролетарское население, порвавшее связи с землёй; сложились крупные промышленные центры — Екатеринбург и Пермь, превратившиеся в основные центры революционного движения.

Заводы Южного Урала, за исключением заводов Златоустовского и Катавского горных округов, расположенных компактной массой, были разбросаны на большом расстоянии друг от друга, слабо связаны между собой путями сообщения; рабочие этих заводов имели более прочные связи с землёй. На Южном Урале не сложилось крупного промышленного центра, который явился бы революционным центром края.

В стороне от основной массы уральских заводов находились металлургические заводы Вятской губернии, расположенные в Слободском и Глазовском уездах. Главными очагами стачечного движения в губернии были казённые Ижевский и Воткинский заводы и кожевенные заведения г. Сарапула.

Важнейшей особенностью рабочего движения конца 1890-х гг. на Урале было начавшееся осуществляться соединение социализма с рабочим движением, слияние авангарда рабочего класса, наиболее активных, революционно настроенных рабочих с социал-демократическими организациями. Социал-демократическая агитация и политическое руководство социал-демократов придали рабочему движению размах и значимость.

Правительство и его полицейско-бюрократический аппарат на местах, обеспокоенные распространением социал-демократических идей в рабочих массах, принимали энергичные меры для разгрома социал-демократического движения. Однако, несмотря на преследования и репрессии, влияние социал-демократов среди рабочих продолжало быстро расти.

Рост рабочего и социал-демократического движения во второй половине 90-х гг. явился важнейшим фактором, указывавшим на назревание на Урале, так же как и в целом во всей стране, народной революции.

В первых рядах уральского рабочего движения шли металлурги и металлисты, которые своими выступлениями «раскачивали» остальную массу рабочих, втягивали её в движение. В конце 90-х гг. в борьбу активно вступили текстильщики, а вслед за ними и рабочие мелких промышленных предприятий (кожевенных заводов, типографий и т. д.).

Уральские социал-демократы направили свою деятельность прежде всего на фабрично-заводских городских рабочих. Губернские и уездные города, крупные заводские поселения Урала — Пермь, Екатеринбург, Златоуст, Челябинск, Уфа, Кунгур, Сарапул, Воткинск, Нижний Тагил, Оренбург, Вятка — стали важными центрами социал-демократического движения на Урале. Крупные заводы и фабрики, железнодорожные мастерские Перми, Екатеринбурга и Уфы стали основными очагами, опорными пунктами социал-демократической работы на Урале.

Рабочее движение на Урале в конце XIX в. сделало большой шаг вперёд, но в силу отсталости уральской промышленности, наличия многочисленных пережитков крепостничества, неоднородности уральского пролетариата развитие рабочего движения в крае происходило крайне неравномерно.

Тогда как авангард уральских рабочих — рабочие Екатеринбурга, Перми и других крупных промышленных центров, слившись с социал-демократическими организациями, — начинали переходить от экономической борьбы к политическим выступлениям (празднование 1 мая, распространение листовок с призывом о свержении царского самодержавия, политическая демонстрация на похоронах А. С. Тютеева и т. д.), большая часть уральских рабочих, слабо затронутая социал-демократической пропагандой и агитацией, продолжала вести исключительно экономическую борьбу; среди же наиболее отсталых слоёв рабочих всё ещё находили широкое применение методы борьбы, являвшиеся проявлением отчаяния и мести — поджоги и индивидуальный террор.

Стачечное движение 1890-х гг., несмотря на значительный прогрессивный шаг вперёд, продолжало оставаться стихийным движением. Систематические стачки выражали уже собой зачатки классовой борьбы, но это были всё-таки лишь только зачатки такой борьбы. Они были борьбой тред-юнионистской, знаменовали пробуждение антагонизма рабочих и предпринимателей, но у рабочих не было сознания непримиримой противоположности их интересов всему существовавшему политическому и общественному строю.

Давая оценку уральскому рабочему движению 1890-х гг., Уральская группа социал-демократов в своём отчёте, присланном в 1900 г. группе «Освобождение труда», писала: «Молодо русское рабочее движение, ещё моложе его рабочее движение на Урале... Уральский рабочий ещё не знает организованной борьбы за свои интересы. Здесь и там, местами стихийно, вспыхивают стачки, часто беспорядочно проходят они и так же оканчиваются. Хотя рабочий сознаёт уже тяжесть своего положения, сознаёт невозможность борьбы в одиночку, но до планомерной, коллективной борьбы он ещё не возвысился».

Говоря о массе рабочих, отчёт отмечает, что «сущность общественных отношений современного капиталистического общества совершенно ускользает от её внимания»²²⁵.

К началу XX в. в России созрели как экономические, так и политические предпосылки демократической революции. Нараставший в стране подъём рабочего и крестьянского движения, близость революции позволили революционно настроенным марксистам выдвинуть задачу создания в стране пролетарской партии, способной возглавить революционную борьбу народных масс.

Но российская социал-демократия была раздроблена на разрозненные кружки и группы, разъедалась кустарничеством и «экономизмом». В этой сложной обстановке за создание революционной марксистской партии взялся В. И. Ленин, вернувшийся в начале 1900 г. из сибирской ссылки. Первым шагом на пути создания такой партии Ленин считал организацию общерусской нелегальной политической газеты, которая бы сплотила социал-демократов на основе революционной марксистской программы, революционной тактики и единых организационных принципов.

С целью ознакомления русских социал-демократов с планом построения партии, В. И. Ленин весной и летом 1900 г. объехал ряд городов страны (Петербург, Москву, Псков, Нижний Новгород, Смоленск, Подольск), устанавливая везде контакты с местными социал-демократическими группами и отдельными социал-демократами, договаривался о содействии с их стороны будущей «Искре», подбирая агентов для будущей газеты, договаривался о способах сношений после своего отъезда за границу.

К участию в создании будущей газеты В. И. Ленин привлёк уральских социал-демократов. В феврале 1900 г., возвращаясь из сибирской ссылки, В. И. Ленин остановился на два дня в Уфе, где провёл совещания с социал-демократами, отбывавшими там ссылку. На них присутствовали Н. К. Крупская, А. Д. Цюрупа, А. И. Свицерский, В. Н. Крохмаль, А. И. Петренко, К. К. Газенбуш, М. П. Бойков, П. И. Попов и др.²²⁶

В июне 1900 г., перед отъездом за границу, В. И. Ленин вторично приезжал в Уфу. Во второй свой приезд В. И. Ленин пробыл в Уфе более двух недель, провёл ряд совещаний с социал-демократами, приезжавшими к нему из Нижнего Новгорода и других городов, с уральскими социал-демократами О. И. Чачиной, И. С. Кадомцевой, Э. С. Кадомцевым, рабочим уфимских железнодорожных мастерских социал-демократом И. С. Якутовым, екатеринбургским рабочим социал-демократом Малышевым²²⁷.

²²⁵ Новые материалы о работе В. И. Ленина в редакции газеты «Искра» // Исторический архив. М., 1955. № 6. С. 5–6.

²²⁶ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. М., 1968. Т. 1. С. 245; *Петренко А. И.* В. И. Ленин в Уфе // Пролетарская революция. М., 1924. № 3 (26). С. 128.

²²⁷ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. С. 51, 92–93; *Цюрупа А. Д.* Из воспоминаний // В. И. Ленин и Башкирия: Док., материалы, воспоминания. Уфа, 1970. С. 189; *Пискунов А. И.* Встреча с Лениным // Воспоминания нижегородцев о В. И. Ленине. Горький,

На этих собраниях и беседах была достигнута окончательная договорённость о системе связи с газетой, о шифрах и паролях, о снабжении газеты корреспонденциями, о распространении газеты и поддержке её средствами.

Созданная В. И. Лениным за границей в декабре 1900 г. газета «Искра» стала центром сплочения разрозненных марксистских кружков и групп в единую централизованную партию.

Приезды В. И. Ленина на Урал в феврале и июне 1900 г., его совещания и беседы с уральскими социал-демократами сыграли важную роль в развитии рабочего и социал-демократического движения на Урале. При непосредственном участии В. И. Ленина началось создание на Урале социал-демократических организаций, которые заняли ленинские позиции и повели за собой уральский пролетариат.

Росла оппозиционность среди уральской интеллигенции. В 1890-х гг. на Урале появились нелегальные группы, члены которых называли себя «народоправцами», «социалистами-революционерами».

Россия шла к революции.

Возбуждённое, тревожное настроение общества на пороге XX в. отразил Максим Горький в опубликованной им в марте 1901 г. в журнале «Жизнь» «Песне о Буревестнике»²²⁸, в которой выразил революционные стремления масс, их «силу гнева, пламя страсти и уверенность в победе», известил о грядущей буре, провозгласил призыв, мгновенно разошедшийся по стране, ставший «предвестником» 1905 и 1917 гг.:

— Буря! Скоро грянет буря! Пусть сильнее грянет буря!²²⁹

1960. С. 85; *Кизин Ю.П.* Алексей Иванович Свидерский. Уфа, 1971. С. 25; *Узиков Ю.А.* В.И. Ленин в Уфе. Уфа, 1970. С. 57.

²²⁸ Жизнь. СПб., 1901. Т. IV. С. 322–323.

²²⁹ *Горький М.* Песня о Буревестнике // Горький М. Собр. соч.: В 16 т. М., 1979. Т. 2. С. 275–276.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В пореформенный период, в 1861–1900 гг., Урал претерпел существенную трансформацию. Вторая половина XIX в. — это время становления в России капиталистического строя, успешного внедрения достижений промышленной революции, основанной на технических открытиях конца XVIII — XIX в., перерастания мануфактур в фабрики, раннеиндустриальной модернизации, активного железнодорожного строительства, начала превращения страны из аграрной в аграрно-индустриальную.

Падение крепостного права в России в 1861 г. было крупным историческим переломом, знаменовавшим рождение нового, социально-экономического и политического строя, способствовавшего более быстрому экономическому и культурному развитию страны. Освободившись от наиболее обременительных пут крепостничества, новый импульс получила промышленность, значительно ускорившая своё экономическое развитие. После реформы 1861 г. Россия сохи и цепа, водяной мельницы и ручного ткацкого станка стала быстро превращаться в Россию плуга и молотилки, паровой мельницы и парового ткацкого станка. В стране стали более быстрыми темпами развиваться промышленность и транспорт, развернулось интенсивное железнодорожное строительство, потребовавшие всё увеличивавшееся количество металла.

Отмена в 1861 г. крепостного права и переход на вольнонаёмный труд привели к ломке феодально-крепостнической структуры уральского горнозаводского хозяйства, к капиталистической перестройке феодальных горнозаводских вотчин, включения их в большем масштабе в рыночные отношения, потребовали усиления внимания к обновлению технического оборудования предприятий.

В 1860–1870-х гг. на металлургических заводах устаревшие кричные горны повсеместно заменялись пудлинговыми печами, устанавливались водяные турбины, паровые молоты, газосварочные и газопудлинговые печи. В 1880–1890-х гг. кричное и пудлинговое производства стали вытесняться мартенованием и бессемерованием. Традиционные водяные двигатели заменялись паровыми, на долю последних в 1900 г. приходилась уже половина общей энергетической мощности уральских металлургических заводов. Начала использоваться электрическая энергия. На передовых заводах появились электрическое освещение,

электросварка, электрические мостовые краны, металлорежущие станки, переведённые на электрический привод.

Но эти процессы на Урале шли медленными темпами. Горнозаводский Урал с его «оригинальным строем», особым укладом, в котором можно было наблюдать докапиталистическую старину с её примитивной и рутинной техникой, самые непосредственные остатки дореформенных, крепостнических порядков, с трудом поддавался модернизации. К концу XIX в. выяснилось, что древесно-угольная металлургия Урала, обременённая пережитками крепостничества, медленно и с большим опозданием осуществлявшая техническое перевооружение, оказалась неспособной успешно конкурировать с металлургией нового металлургического района — коксовой металлургией Юга России. В 1895 г. Юг обошёл Урал по выплавке чугуна, а в 1900 г. Юг России почти вдвое превзошёл его, оттеснив на второе место Урал, в течение почти двух столетий удерживавший первенство в российской металлургии¹.

После реформы 1861 г. на Урале сложился относительно стабильный контингент вольнонаёмных горнозаводских рабочих, основной костяк которых составляли бывшие крепостные мастеровые и непременные работники, связанные с заводами трудом нескольких поколений, а также выходцы из разорившихся крестьян, кустарей и других слоёв населения. Численность горнозаводских рабочих на Урале составила в 1860 г. 181,6 тыс. чел., в 1900 г. — 308,1 тыс. Большая часть их (почти $\frac{2}{3}$) была занята на вспомогательных работах по заготовке руды, угля, дров. В 1900 г. из 230,6 тыс. рабочих, занятых в металлургической промышленности региона, на работах внутри заводской ограды, т.е. собственно заводских работах, трудилось 87,4 тыс. чел. (37,9% всех рабочих), на вспомогательных работах — 143,2 тыс. (62,1%).

Для большинства уральских рабочих в рассматриваемый период была характерна связь с землёй и домашним хозяйством. Бывшие мастеровые и непременные работники имели небольшие земельные наделы, за «отработки» на заводах арендовали у заводоладельцев покосы, выгоны, иногда, редко — пашню. Однако многие из них уже не имели земли, своего домашнего хозяйства. К началу XX в. на заводах сложилась большая группа рабочих-пролетариев (около 40–50% и более), лишённых каких бы то ни было средств существования, кроме собственных рук.

За этот период на Урале заметно выросли организованность, сознательность и социальная активность рабочих, приобрело значительный размах рабочее движение, рабочие всё больше вставали на путь организованной классовой борьбы².

Из Крымской войны 1853–1856 гг. Россия вышла с расстроеными финансами и огромным внутренним и внешним государственным долгом.

¹ Алексеев В.В., Гаврилов Д.В. Металлургия Урала с древнейших времён до наших дней. М., 2008. С. 422–430, 441.

² Гаврилов Д.В. Рабочие Урала в период домонополистического капитализма, 1861–1900. М., 1985. С. 30, 45, 139, 144.

Требовались большие средства для преодоления технико-экономического и военного отставания страны, срочного перевооружения армии, развития военной промышленности, оплаты внешних займов, ликвидации российского бездорожья, строительства железных дорог. Правительство было озабочено поиском денежных средств³. Для пополнения государственной казны, в частности, даже предполагалась продажа в частные руки почти всех уральских казённых горных заводов⁴.

Выражая интересы господствующего класса, царское правительство принимало энергичные меры для выполнения одной из своих важнейших функций — сохранения существующего социально-экономического и политического строя, поддержания в стране «тишины и спокойствия».

Во время отмены крепостного права правительство и местные власти приняли чрезвычайные меры, чтобы не допустить при объявлении реформы 1861 г. социального взрыва. Расквартированные на Урале войска были подготовлены к действиям по подавлению народных волнений, в заводские районы направлены подразделения Оренбургского казачьего войска, которые приняли активное участие в усмирении волнений и стачек рабочих, вплоть до применения огнестрельного оружия.

При первых же сообщениях о развивавшемся стачечном движении секретным циркуляром министра внутренних дел 6 июля 1870 г. губернаторам было предписано иметь «самое строгое и неослабное наблюдение за фабричным и заводским населением», а при возникновении стачек, «не допуская дела до судебного разбирательства», предписывалось высылать участников стачек в отдалённые губернии, чем губернаторы воспользовались в полной мере.

В 1882–1886 гг. организацией фабричной и горной инспекции, введением должностей фабричных инспекторов и окружных инженеров был создан аппарат для разрешения конфликтов между рабочими и владельцами предприятий, предупреждения забастовок и других выступлений рабочих, ведения надзора за исполнением фабрично-заводского и горного законодательства и сохранением «порядка и спокойствия» на предприятиях горнозаводской промышленности.

Но фабричное законодательство не получило в России большого развития, было кучным, скудным и скардным, преследовало в первую очередь интересы предпринимателей и мало ограничивало их беспредел. 1 июня 1882 г. был издан закон о малолетних, запрещавший на фабриках и заводах труд детей до 12 лет и ограничивавший работу подростков. 9 марта 1892 г. последовал закон о надзоре за благоустройством и порядком на частных горных заводах и промыслах и о найме рабочих на них. 2 июня 1897 г., под натиском рабочих выступлений, был издан закон о продолжительности и распределении рабочего времени в заведениях

³ Рейтерн М. Х. Биографический очерк. СПб., 1910. С. 160.

⁴ Безобразов В. П. Уральское горное хозяйство и вопрос о продаже казённых горных заводов. СПб., 1869.

фабрично-заводской промышленности, устанавливавший продолжительность рабочего дня в дневное время — не более 11½ часов, в ночное время — 10 часов⁵.

Вопрос о законодательном введении 8-часового рабочего дня, уже существовавшего во многих европейских странах, установленного, ввиду тяжёлых условий труда и настойчивых требований рабочих, в горячих цехах на многих уральских заводах, обсуждался в различных правительственных комиссиях с 90-х гг. XIX в. вплоть до 1917 г., но закон о введении 8-часового рабочего дня не был принят ни царским, ни Временным правительством.

В конце 1890-х гг., с увеличением размаха рабочего движения, обострением социальной ситуации в регионе, правительство встало на путь подавления рабочего движения с помощью военной силы, увеличило в горнозаводских районах штат полиции, стало стягивать в горнозаводские районы войска и казаков, готовиться к жестокой расправе над непокорными рабочими массами. Это подтвердили последующие события, вскоре вылившиеся в потрясший всю Россию своей жестокостью и численностью жертв Златоустовский расстрел.

17 марта 1903 г. в Златоусте на Арсенальной площади перед домом Горного начальника по приказу Уфимского губернатора Н. М. Богдановича войсками был открыт залповый огонь по толпе бастовавших безоружных рабочих. Было убито 69 чел., около 250 рабочих ранено. Николай II одобрил действия Богдановича. Милость императора, однако, не спасла пермского губернатора от наказания. 6 мая 1903 г. Богданович, несмотря на то, что охранялся стражниками, был застрелен в Уфе в городском саду рабочим эсером-террористом⁶.

Общепризнанное возмущение расстрелом царскими войсками безоружной мирной демонстрации в Петербурге 9 января 1905 г., революция 1905–1907 гг., вооружённые восстания рабочих в Москве и ряде других городов, в т. ч. на Урале (в Мотовилихе, Уфе и др.), не повлияли на позиции правительства по отношению к рабочему классу. Надежды правящего класса, что новый премьер П. А. Столыпин железной рукой и жестокими расправами над революционерами обеспечит длительное «успокоение» страны, не оправдались.

В 1912 г. массовый расстрел мирной рабочей демонстрации на Ленских приисках в Восточной Сибири возмутил всю страну и вызвал новую мощную волну революционного рабочего движения. Но правительство оставалось непреклонным. На вопросы депутатов в Государственной думе о Ленском расстреле министр внутренних дел А. А. Макаров произнёс знаменитую фразу: «Так было и так будет впредь»⁷.

Среди народных масс падало доверие к правительству и властям, резко упал авторитет царской власти. В первые годы правления Николая II, когда молодого императора опекала вдовствующая императрица Мария Фёдоровна, рабочие лихо распевали:

⁵ ПСЗ. 3-е изд. Т. 2. № 931; Т. 12. № 8402; Т. 17. № 14231.

⁶ Новое побоище // Искра (Женева). 1903. 15 марта; Трагедия в Златоусте // Искра (Женева). 1903. 1 апреля.

⁷ История СССР с древнейших времён до наших дней. М., 1968. Т. VI. С. 424.

На престоле сидит Машка,
Под престолом — Николашка⁸.

С появлением при императорском дворе «святого старца» Григория Распутина распространилась карикатура: за столом восседает Распутин, на коленях у него сидит императрица Александра Фёдоровна, перед столом в позе собравшегося куда-то бежать — Николай II. Подпись под рисунком разошлась по стране в виде частушки, которую, как свидетельствует журнал «Родина», «пели все вокруг, от мала до велика»:

Сашка и Гришка
Сидят за столом,
А царь Николашка
Побёг за вином⁹.

Полиция и жандармерия возбуждали массу дел «об оскорблении Его Императорского Величества». Заборы были исписаны призывом «Долой царское самодержавие!». Всё это вело к стремительному падению авторитета царя-самодержца.

Правительство традиционно, неизменно и неуклонно, в любых ситуациях поддерживало уральских горнозаводчиков. Это объяснялось не только государственными соображениями, необходимостью продукции уральских горных заводов для обеспечения оборонной промышленности и большой ролью металлов в экономике страны, но и важным местом в правящей элите государства горнозаводчиков, пользовавшихся постоянной поддержкой высших правительственных сфер и царствующих особ.

После падения крепостного права, несмотря на тяжёлое финансовое положение государства, правительство немедленно пришло на помощь уральским горнозаводчикам, материально «пострадавшим» от отмены крепостного права, предоставляя переживавшим финансовые «затруднения» заводчикам отсрочку ссуд, кратко- и долгосрочные кредиты, выгодные заказы, льготы, премии, авансы и т. п.

Правительство всячески сохраняло и оберегало земельные владения и феодальные монополии горнозаводчиков. При отмене крепостного права по настоянию горнозаводчиков в условия освобождения крестьян была внесена статья, запрещающая в горных округах всех предприятий, в которых «производство главнейшее основывается на огненном действии, требующем угля и дров», что исключало появление конкурирующих с заводами металлических кустарных промыслов.

Для сохранения целостности земельных владений горнозаводчиков, чтобы ослабить аграрные выступления и волнения горнозаводского населения, в целях

⁸ Урал в живом слове: Дореволюционный фольклор / Собрал и составил В. П. Бирюков. Свердловск, 1953. С. 275.

⁹ Родина. М., 2016. Ноябрь. № 11. С. 48.

«урегулирования поземельных отношений» на горнозаводском Урале, правительствами были изданы законы от 12 марта 1877 г. и 19 мая 1893 г. для казённых и посессионных заводов и циркуляр №4 Министерства внутренних дел от 13 мая 1888 г. для частновладельческих заводов. Местные власти, полиция, суды, прокуроры, оберегая «частную собственность», строго наказывали «самовольщиков», пользовавшихся покосами и лесом в дачах горнозаводчиков, жестоко расправлялись с ними, конфисковали у них имущество и т. п.

Ярким примером всемогущества уральских горнозаводчиков, их политического веса в административной иерархии царской России является т. н. «Замечательное дело», попавшее в своё время на страницы местных и столичных газет, ставшее достоянием широкой общественности.

Мастеровые Павловского и Очёрского заводов Строгановых несколько десятилетий неоднократно ходатайствовали перед властями о наделении их землёй по закону 3 декабря 1862 г., подавали прошения местным властям и в высокие инстанции. 22 сентября 1909 г. Правительствующий сенат своим указом предписал пермскому губернатору применить закон, наделить мастеровых землёй по числу наличных душ. Горнозаводчики пожаловались министру внутренних дел П. А. Столыпину, который послал пермскому губернатору телеграмму: приостановить исполнение указа Сената. Государственный совет согласился с мнением Сената, его решение было «высочайше» утверждено Николаем II, т. е. стало законом.

Горнозаводчики обратились к новому министру внутренних дел Н. А. Маклакову, который заявил, что решение Сената и Государственного совета «неясно». Пошла новая переписка, новая бюрократическая волокита. Сенат в мае 1913 г. снова подтвердил своё решение, горнозаводчики опять обратились к министру внутренних дел. Волокита продолжалась в 1914–1916 гг., наделение землёй мастеровых Павловского и Очёрского заводов так и не состоялось. Либеральные газеты сетовали, что в России плохо обстоит с «господством права»¹⁰.

Правительство и царствующие особы одобряли и защищали алчные, ненасытные аппетиты уральских горнозаводчиков. Накануне Первой мировой войны в основных уральских горных округах прибыль обычно составляла 40–60% от основного капитала, большая часть её шла на личные расходы заводладельцев¹¹. Во время войны воровали все, кто что мог. На фронте существовал острый недостаток снарядов, горнозаводчики взвинтили цены на снаряды в 2–3 раза. Начальник ГАУ генерал А. А. Маниковский пытался прижать грабителей, но его тут же вызвал царь. Произошёл любопытный разговор:

¹⁰ П. А. Столыпин и Сенат // Речь. СПб., 1911. 31 марта. №88; Земельные наделы уральских рабочих // Русское слово. СПб., 1913. 4 августа. № 180; Сенат и Н. А. Маклаков // Речь. СПб., 1913. 4 августа. № 210; *Ленин В. И.* Замечательное дело // Полн. собр. соч. Т. 23. С. 373–374.

¹¹ *Вяткин М. П.* Горнозаводский Урал в 1900–1917 гг. М.; Л., 1965. С. 284; *Буранов Ю. А.* Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861–1917). М., 1982. С. 228, 237, 241, 248–249.

Николай II: На вас жалуются, что вы стесняете самодеятельность общества при снабжении армии.

Маниковский: Ваше величество, они и без того наживаются на поставке на 300 %, а бывали случаи, что получали даже более 1000 % барыша.

Николай II: Ну и пусть наживают, лишь бы не воровали.

Маниковский: Ваше величество, но это хуже воровства, это открытый грабёж.

Николай II: Всё-таки не нужно раздражать общественное мнение¹².

Одним из пережитков крепостничества на Урале в пореформенный период, глубоким анахронизмом являлись посессионные владения, сложившиеся в XVIII в. Посессионные ограничения, правительственный контроль и правительственная регламентация тяготили посессионеров. Посессионное право мешало получению ими в ипотечных банках кредитов под залог земель и лесов.

Посессионеры неоднократно начиная с 60-х гг. XIX в. возбуждали перед правительством вопрос о выкупе ими посессионных дач в полную собственность, постоянно жаловались на «тяготы» и «стеснительность» посессионного владения, якобы мешавшие им «развивать горное дело».

С 1860-х гг. правительством было разработано несколько проектов выкупа посессионных владений, по которым посессионерам предоставлялось право выкупить в собственность земли по очень небольшой цене с длительной рассрочкой. Однако посессионеры, имевшие «желание давнее и очень сильное превратить посессию в собственность», соглашались заплатить лишь незначительную, символическую сумму и отвергали все предлагавшиеся проекты.

В 1898 г. комиссия Горного департамента под председательством А. А. Штофа выработала новый проект прекращения посессионного владения на Урале. Условия ликвидации посессионного владения, предлагавшиеся комиссией Штофа, были выгодными для посессионеров. Казалось бы, для владельцев посессионных заводов представилась прекрасная возможность сразу освободиться от «связывавших» их феодальных пут и «стеснений» и вести хозяйство по-деловому, толково, «с умом», «чисто по-капиталистически».

На деле же произошло совершенно обратное. Несмотря на очевидные выгоды, проект Штофа не только не встретил сочувствия у посессионеров, но, наоборот, вызвал их решительное противодействие: посессионеры не хотели расставаться с огромными дачами, а вместе с ними и со своими феодальными привилегиями и монополиями. Проект Штофа был отвергнут посессионерами. Началась разработка новых проектов, но и они увязли в различных согласительных комиссиях. Вопрос о ликвидации посессионных владений так и не был решён. Посессионные округа просуществовали на Урале до 1917 г. Могущественные посессионеры — Демидовы, Яковлевы, Стенбок-Фермор, Турчаниновы и Соломирский и другие, — горько жаловавшиеся на посессионные «стеснения», свои «тяготы» и приносимые ради развития горного дела «жертвы», успешно отбили все

¹² *Маниковский А. А.* Боевое снабжение русской армии в мировую войну. 2-е изд. М.: Л., 1930. Т. 2.

попытки снять с них эти «тяготы», избавить от необходимости приносить «жертвы» и отстояли неприкосновенность своих полукрепостнических латифундий¹³.

В погоне за увеличением прибыли горнозаводчики всеми средствами стремились понизить и без того низкий уровень заработной платы рабочих. Крупнейший уральский горнозаводчик, типичный представитель аристократической горнозаводской элиты князь С. С. Абамелек-Лазарев требовал от своего заводоуправления «добиваться возможно низких плат» рабочим, утверждал, что повышение плат «не приносит никакой пользы работникам, так как... у нас в России ни один из них не станет работать про запас для образования себе сбережений. Раз настоятельные потребности его удовлетворены, он перестаёт работать, предаётся праздности и пьянству»¹⁴.

Известный экономист, изучавший положение уральской горнозаводской промышленности, И. Х. Озеров, славящийся своим либерализмом, объяснял тяжёлое положение уральских рабочих их пьянством и недостаточной культурностью, отсутствием у них «американской подвижности», неумением приспособиться к новым условиям, неэластичностью, их нежеланием «увеличить, поднять свой комфорт жизни»¹⁵.

В ходе капиталистической перестройки рабочие края постепенно утрачивали свой специфический облик, обусловленный «особым бытом Урала», и всё более приближались к общему типу российского фабрично-заводского пролетария. В 1899 г. журнал «Рабочее дело», орган заграничного Союза русских социал-демократов, писал: «Горнорабочий Урала имеет свою характерную физиономию, отличающую его от типа обыкновенного пролетария, если не фактически, то, по крайней мере, *юридически*: уральский горнорабочий, являясь, с одной стороны, рабочим крупной промышленности, с другой — оказывается мелким собственником, — он имеет свой дом с землею и на тех уральских заводах, где почвенные условия позволяют, занимается земледелием... Говоря об особой физиономии горнорабочего, я подчёркнул лишь *юридическое отличие его от пролетария; и на самом деле фактическая разница между ними отходит уже в область предания*»¹⁶.

К 1917 г. дальнейшая пролетаризация горнозаводского населения и всё большее ослабление связи рабочих с землей, домашним хозяйством сделали эти различия ещё меньшими. Результатом крупных количественных и качественных сдвигов в структуре рабочих кадров горнозаводской промышленности

¹³ Удинцев В. А. Посессионное право. Киев, 1896. С. 192; Сигов И. С. Народ и посессионные владения на Урале // Русское богатство. СПб., 1899. № 4. С. 191; Материалы по вопросу о выкупе посессионных заводов с журналами Особого совещания, образованного в 1905 г. для рассмотрения этого вопроса. СПб., 1905. Ч. 1. С. 38–39; ГАСО. Ф. 643. Оп. 8. 1899. Д. 2427. Л. 5–6.

¹⁴ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 880. Оп. 1. 1884. Д. 596. Обзор состояния Пермского имения за 1883–1884 гг. Л. 4 об. — 5.

¹⁵ Озеров И. Х. Горные заводы Урала. С. 78.

¹⁶ Рабочее дело (Женева). 1899. № 2–3. С. 52.

в пореформенный период явилось превращение уральского пролетариата из «массы рабочих» в класс «в себе», а затем, начиная с конца XIX — начала XX в. — перерастание его в класс «для себя».

Заметно изменились общественное сознание и психология уральских рабочих. Хотя на рубеже веков они ещё сохраняли в своём социальном облике и образе жизни некоторые генеалогические черты мастеровых и работных людей крепостнических времён, но по своему положению в системе производства и классовой структуре общества, по своим взглядам и представлениям, социальному самосознанию, степени политической сознательности, грамотности и культуре уральские горнозаводские рабочие в конце XIX в. уже не походили на крепостных мастеровых и работных людей дореформенного времени.

Если в 1861 г. уральские рабочие не верили в подлинность Манифеста и Положений 19 февраля, требовали от властей и священников объявления «настоящего» царского Манифеста «на гербовой бумаге, писанного золотыми буквами и за золотой... печатью»¹⁷, если в 1874 г. на Нижнетагильских заводах рабочие приняли напечатанный на расчётных книжках дворянский герб Демидова за антихристову печать и «книжку с таким штемпелем страшились даже брать голыми руками»¹⁸, если в 1870–1880-х гг. рабочие Васильевско-Шайтанского завода встретили появление в заводском посёлке невиданных до сих пор галош, зонтов, самовара и пилы «как происки антихриста»¹⁹, то в конце XIX — начале XX в. среди них появились рабочие-интеллигенты, которые систематически читали книги, выписывали газеты и журналы, участвовали в работе социал-демократических кружков, посещали сходки и собрания, распространяли нелегальную литературу, а некоторые из них входили в качестве руководителей в общественные организации и нелегальные партийные органы.

Рабочие начали всё более решительно переходить от экономической борьбы к политическим выступлениям (празднование 1 мая, распространение листовок с призывами к свержению царского самодержавия, политические демонстрации, митинги и т. п.). В стачечных выступлениях рубежа XIX–XX вв. и в революциях 1905–1907 и 1917 гг. пролетариат Урала выступил как один из активных и сравнительно организованных отрядов рабочего класса страны²⁰.

В условиях рыночных отношений успешное социально-экономическое развитие региона было возможно только при слаженном, согласованном взаимодействии трёх основных акторов, инициаторов, двигателей социального прогресса — властей, заводчиков и рабочих, находившихся в одной лодке, связанных

¹⁷ Отмена крепостного права. Доклады министров внутренних дел о проведении крестьянской реформы в 1861–1862 гг. М.; Л., 1950. С. 38.

¹⁸ Положение рабочих Урала во второй половине XIX — начале XX в. 1861–1904. М.; Л., 1960. С. 248.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 7952. Оп. 5. Д. 779. Л. 36–37.

²⁰ Гаврилов Д. В. Рост классового самосознания и политической сознательности уральских рабочих в 1861–1900 гг. // Рабочий класс Урала в период капитализма (1861–1917). Свердловск, 1988. С. 5–21.

одной цепью производственных и правовых взаимоотношений. Их прочное, надёжное сотрудничество, социальное согласие могло быть позитивным только при соблюдении всеми сторонами основного условия — взаимном соблюдении, учёте интересов других участников партнёрства, готовности к компромиссу между ними, взаимных уступках друг другу, в частности уступкам требованиям рабочих, стремлении к достижению согласия с ними, поискам классового мира.

Но такого слаженного сотрудничества не получилось. Сразу же после отмены крепостного права и всеобщего перехода на вольнонаёмный труд между рабочими и предпринимателями начались «неурядицы», столкновения, конфликты, которые с каждым годом нарастали и становились всё более острыми и угрожающими. Стороны были неравноправны, каждая из них отстаивала свои интересы и не соглашалась на какие-либо уступки и компромиссы.

Царское правительство, опираясь на мощный административный аппарат и карательные органы, обладание господствующими позициями в идеологической сфере, пользуясь поддержкой церкви, надеясь на незыблемость веры народных масс в божественность «священной особы императора», с тупоумной прямолинейностью и настойчивостью проводили политику, направленную на сохранение «незыблемости» царского самодержавия, патриархальность всей жизни, вело беспощадную борьбу со всякими стремлениями общества к свободе и самостоятельности. Николай II, вступая на престол, назвал ожидание каких-либо политических уступок «бессмысленными мечтаниями» и всенародно объявил, что он будет «охранять начало самодержавия так же твёрдо и неуклонно, как охранял его мой незабвенный, покойный родитель» (т. е. Александр III)²¹.

Могущественные горнозаводчики, эти «некоронованные короли» Урала, пользовавшиеся покровительством и услужливостью властей, полной зависимостью от них прикреплённого к заводам горнозаводского населения, в обращении с рабочими проявляли правовой беспредел и беззастенчивую эксплуатацию их труда, вели постоянное наступление на жизненный уровень рабочих. Либеральные историки уверяют, что при возникновении противоречий между трудом и капиталом уральские заводладельцы якобы стремились к сотрудничеству с рабочими, проявляли готовность к компромиссам, уступкам, к достижению согласия.

Но это не соответствует действительности. На деле, в переговорах с рабочими, при разборе жалоб, прошений, требований рабочих, при «недоразумениях» и конфликтах с рабочими предприниматели всегда занимали жёсткие, неуступчивые позиции, отказывались идти на какие-либо «послабления», отвечали массовыми увольнениями рабочих, угрожали закрыть цехи или заводы, для «усмирения» рабочих немедленно вызывали чиновников, полицию, войска.

Граф С.А. Строганов, убедившись, что стачки рабочих приносят заводладельцам существенные убытки, дал своим заводууправлениям совет

²¹ История СССР. XIX — начало XX в. М., 1981. С. 282–283; *Верт Н.* История советского государства. 1900–1991 / Пер. с франц. М., 1992. С. 9.

«умеренными уступками предупреждать возникновение стачек», но это — редкое исключение из правил. Обычно заводовладельцы и их администрации предпочитали действовать силовыми методами, угрозами, запугиванием, страхом, заявляя, что «убеждения и увещания на рабочих не действуют».

Примечательно, что при рассмотрении споров рабочих с заводовладельцами и их администрацией правительственные чиновники всегда вставали на защиту интересов работодателей. Чиновники, проявлявшие «либерализм», допускавшие «ослабления» рабочим, проявлявшие сочувствие к рабочим, незамедлительно освобождались от своих должностей. Во время проведения землеустройства на possessionsных заводах в 1890-х гг., при решении споров принимавшие в ряде случаев сторону рабочих либеральные земские начальники Отмар-Штейн, Эсмонт, Иванов по распоряжению губернатора были удалены из Пермской губернии²².

Российская буржуазия, сформировавшаяся и набравшая экономическую мощь под покровительством царского правительства, тесно связанная с чиновничеством, верноподданническая, консервативная, боявшаяся нарастающего рабочего движения, была неспособна решать объективно создававшиеся проблемы, при возникновении любой острой ситуации искала помощи и защиты у государственных властей.

В конце XIX — начале XX в. стало ясно, что среди горнозаводчиков ни «старое», аристократическое, ни «новое», обуржуазившееся дворянство не стали «эффективными собственниками», что деградирующее господствующее сословие уже не было способно ни управлять собственными имениями и своими горными заводами, ни руководить страной.

С. Ю. Витте, характеризуя российское дворянство, писал: «Большинство... дворян, в смысле государственном, представляет кучку дегенератов, которые кроме своих личных интересов и удовлетворения своих прихотей ничего не признают»²³.

Трудно было ожидать, что горнозаводчики были способны наладить согласие и взаимодействие с поднявшимися на борьбу за свои права рабочими массами. Примечательно, что после Октябрьской революции 1917 г. все — подчёркиваю — все, без единого исключения, уральские горнозаводчики оказались за границей — во Франции, Англии и других европейских странах, где у них имелись заранее приготовленные квартиры, дома, виллы, замки, золотовалютные счета в банках.

Когда в 1918–1919 гг. белогвардейские войска «освободили» Урал от большевиков, Колчак объявил о денационализации заводов и возвращении заводчикам национализированных большевиками их предприятий, ни один из заводчиков не вернулся на Урал, хотя бы для того, чтобы взглянуть на «свои» заводы²⁴.

²² *Отмар-Штейн Ф.* Поземельное устройство мастеровых // Юридическая газета. СПб., 1896. 18 и 22 августа. № 63–64.

²³ *Витте С. Ю.* Воспоминания. М., 1960. Т. 2. С. 482.

²⁴ Колчаковщина на Урале (1918–1919). Свердловск, 1929. С. 59, 127; и др.

Либеральные историки уверяют, что на Урале существовали благоприятные условия для сотрудничества рабочих с предпринимателями, имелся «значительный слой рабочих, собственников жилья и земельных участков, придерживавшихся умеренных взглядов», «готовых сотрудничать с предпринимателями», достигать «компромиссных решений», но препятствием был курс леворадикалов (большевиков, эсеров) «на усиление конфронтации, разжигание классовой борьбы»²⁵.

Историки стали упрекать рабочих за их девиантное поведение, игнорирование ими «конструктивных шагов властей, владельцев и руководства заводов в направлении удовлетворения требований рабочих»²⁶. Из работ, посвящённых рабочей истории, исчезли выражения «классовая борьба», «эксплуатация», «эксплуататоры», «угнетение», «угнетённые массы» и т. п.

Увы, всё это было. Если советские историки при изучении конфликтов на фабриках и заводах безоговорочно, во всех грехах (не всегда справедливо) обвиняли предпринимателей, капиталистов, то теперь стало нормой безоговорочно обвинять во всех грехах (тоже не всегда справедливо) только самих рабочих. Но дело в том, как показывает исследование темы, власти, владельцы заводов, заводоуправления, как правило, не шли на компромисс с рабочими, в отношениях с ними цинично занимали твёрдые, непримиримые позиции, проявляли неуступчивость, отказывались идти на «послабления», уступки. А это — неопровержимые, бесспорные факты.

Предлагаемая монография показывает, что резкое ухудшение материального положения рабочих, нарушение их прав, вызванные объективными (экономический кризис, голод, рост цен на хлеб и т. п.) или субъективными факторами (правительственные законы и распоряжения, финансовые затруднения владельцев, иногда — просто их алчность, жадность, грубость и бессердечие администраторов) неминуемо вызывали протестные выступления рабочих, выразившиеся в разных формах — от подачи прошений, жалоб до стачек и волнений, террористических актов против представителей администрации, принимавших стихийный или более или менее организованный характер.

Отмена крепостного права в 1861 г., если отместить в сторону многочисленных наслоения на эту тему, говоря понятиями политической экономики, была попыткой привести производительные силы страны в соответствие с производственными отношениями. Однако реформа проводилась крепостниками и в интересах крепостников, поэтому реформаторы постарались сохранить возможно большее количество остатков крепостничества, в первую очередь были оставлены нетронутыми два основных — царское самодержавие и помещичье землевладение, в т. ч. землевладение уральских горнозаводчиков.

²⁵ Постников С. П., Фельдман М. А. Власть и рабочие Урала в 1917 г. Очерки истории и историографии. Екатеринбург, 2011. С. 114, 117, 124.

²⁶ См.: Арсентьев В. М. Рабочая история первой половины XIX века в пространстве истории российской промышленности // Индустриальная Россия: вчера, сегодня, завтра. Екатеринбург, 2012. С. 32.

Надежды правительственных сфер на мирное, плавное и спокойное проведение преобразований не оправдались. Крестьянство, уральское горнозаводское население встретило реформу массовыми протестами и волнениями, на заводах не удалось установить благоприятные, доверительные, доброжелательные отношения между рабочими и предпринимателями. Сразу же после реформы между рабочими и заводчиками начались «неурядицы» и конфликты из-за уровня заработной платы, условий труда, пользования земельными угодьями и т. п., количество, масштабы и значительность которых всемерно нарастали, превратившись в глубокое, неразрешимое социальное противостояние.

Предприниматели, горнозаводчики, их администрация не проявляли приписываемые им либеральными историками качества — благожелательность, доброту, заботливость и т. п., а, наоборот, чаще всего при возникновении социальных конфликтов проявляли эгоизм, непримиримость, алчность, жадность, ненасытность, нежелание поступиться своими доходами.

Попытки правительства, властей, регулировать взаимоотношения рабочих и заводчиков, не допустить сокращения промышленного производства, полного разорения рабочих, пролетаризации населения, восстановить равновесие во взаимоотношениях рабочих и предпринимателей, сохранить социальное спокойствие в фабрично-заводских районах были очень робкими, нерешительными, исходили из опасения защищая государственные интересы обидеть, ущемить в чём-нибудь интересы горнозаводчиков.

Всё это вело к накоплению в населении, среди массы рабочих протестного материала, создавало потенциал для мощного социального взрыва, который последовал в 1905–1907 и 1917 гг.

Терпение народных масс оказалось не беспредельным. Россия знала немало стихийных возмущений народных масс, стихийных восстаний крестьян, казаков, рабочих людей (Смутное время, Медный и Соляной бунты, восстания под руководством Ивана Болотникова, Степана Разина, Емельяна Пугачёва и др.). Власти, надеясь на прочность существовавшего режима и всеисилие их управленческого аппарата, обычно апатично, равнодушно реагировали на донесения и сообщения о росте недовольства в народных массах, накоплении в них протестных настроений, обострении социальной ситуации, опасности социального взрыва.

Известно, что накануне Февральской революции 1917 г. председатель IV Государственной думы, крупный помещик, один из лидеров партии октябристов М. В. Родзянко предупреждал Николая II, что скоро в стране произойдёт революция, и предлагал принять меры по её предотвращению, но царь на это сообщение реагировал удивительно спокойно и невозмутимо:

— Даст Бог, всё обойдётся.

Не обошлось. 27 февраля, когда в Петрограде уже шли стихийные массовые народные демонстрации, войска отказывались стрелять в толпу и переходили на сторону народа. Родзянко в телеграмме царю, чтобы предотвратить революцию, снова умолял его дать стране конституцию и назначить правительство с «министрами, пользующимися общественным доверием», Николай II сказал

своему окружению: «Опять этот толстяк Родзянко мне написал разный вздор, на который я ему не буду даже отвечать»²⁷.

В 1913 г. торжественно, с большим триумфом было отпраздновано 300-летие дома Романовых: состоялись шумные шоу, молебны, крестные ходы, царь и царица по торжественному случаю дарили церквям и монастырям иконы и церковные реликвии, по всей стране стоял неумолчный колокольный звон. А спустя всего несколько лет, в феврале 1917 г., громоздкое величественное здание романовской монархии за несколько дней рухнуло, погребя под своими обломками царя, царицу и многих членов царствующей династии.

Древний китайский философ Сюньцзы (IV в. до н. э.) писал: «Правителя можно сравнить с ладьёй, а народ — с водой: вода может нести лодку, а может её и опрокинуть»²⁸. Подобное произошло и с монархией Романовых.

К началу XX в. классовая борьба на Урале достигла большого накала. Накопление в массах протестного материала привело к социальному взрыву, проявившемуся в российских революциях начала XX в. Исследование преддверия революций 1917 г. в России показывает легковесность, несерьёзность, предвзятость утверждений эмигрантской и либеральной историографии о случайности революций в России.

Исследование преддверия революций в России свидетельствует, что при возникновении социальных конфликтов предприниматели проявляли неуступчивость, бескомпромиссность, а попытки властей регулировать взаимоотношения конфликтующих, сохранять социальное спокойствие были нерешительными, исходили из стремления не ущемлять интересы предпринимателей.

Правительство и власти, надеясь на прочность существовавшего режима и всеисилие административного аппарата, равнодушно, беззаботно реагировали на сообщения о росте недовольства в народных массах, неуклонно проводили политику, направленную на сохранение царского самодержавия, «неприкосновенности» существовавшего общественно-политического строя, на подавление протестных движений с помощью карательных органов и военной силы.

Однако такая политика оказалась близорукой, недальновидной, привела к созданию в обществе напряжённой социальной ситуации. Предотвращение назревавшего социального взрыва становилось неотвратимой задачей для спасения существовавшего политического режима, с которой царское правительство справиться не смогло.

Анализ причин и природы революций 1917 гг. в России позволяет извлечь исторические уроки, показывает, что ухудшение материального положения народных масс, колоссальный разрыв между меньшинством сверхбогатых и абсолютным большинством бедных создают в обществе социальную напряжённость, чреватую опасностью возникновения социальных потрясений.

²⁷ Родзянко М. В. Крушение империи. 2-е изд. Л., 1929; История СССР с древнейших времён до наших дней. М., 1968. Т. VI. С. 639.

²⁸ Феоктистов В. Ф. Философские трактаты Сюньцзы. 2-е изд. М., 2005.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН — Академия наук.

ГАПК — Государственный архив Пермского края.

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации.

ГАСО — Государственный архив Свердловской области.

ДП, Особ. отд. — Департамент полиции, Особый отдел.

ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи.

РГАДА — Российский государственный архив древних актов.

РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории.

РГИА — Российский государственный исторический архив.

ЦГА РБ — Центральный государственный архив Республики Башкортостан.

ЦГА РТ — Центральный государственный архив Республики Татарстан.

ЦДООСО — Центр документации общественных организаций Свердловской области.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

- Абаимов А. Л., лесничий 320
Абаимов К. И., плотинный мастер 320
Абамелек-Лазарева Е. Х., княгиня, заводо-
владелица 25, 95, 161, 225, 266, 275,
283, 300, 329, 330, 332, 401, 417
Абамелек-Лазарев С. Д., князь, заводовла-
делец 207
Абамелек-Лазарев С. С., князь, заводовла-
делец 27, 270, 329, 430
Абамелек-Лазаревы, заводовладельцы 79,
87
Абрамов П., журналист 41, 52
Авладеев В. А., мастер, социал-демократ
321, 327, 341, 362
Авладеев П. А., рабочий, социал-демократ
321, 341, 362
Авладеевы, братья, социал-демократы
361
Агарков В. В., мастер, социал-демократ
326, 327
Агафонов, товарищ прокурора окружного
суда 412
Адамов В. В., историк 65, 71, 72, 84
- Айзенберг Л. К., историк 96, 101, 104, 117,
125, 126
Алафузовы, купцы, владельцы суконной
фабрики 28
Алеврас Н. Н., историк 69
Александр II, император 18, 92, 96, 142,
146, 191, 195, 231
Александр III, император 21, 39, 233, 271,
280, 285, 297, 432
Александра Фёдоровна, императрица 427
Александр Невский, князь 93
Александров А. А., историк 62, 72
Алексеев В. В., историк, академик 16, 77,
144, 424
Алексеев П. А., ткач, выдающийся рабо-
чий-революционер 219
Алексеев Ф., рабочий 284
Алексей Михайлович, царь 15
Алпатов, браковщик 369
Алпатов С. И., рабочий 159, 160
Алфёров Р., краевед 62
Аммосов, поручик, адъютант военного гу-
бернатора 98
Ананьин Е. Я., крестьянин 231
Андреевский А. В., главноуправляющий
заводами 282, 283, 317, 318
Андреевский Н. Е., губернатор 170, 187,
229
Аносов И. М., революционер-народник
194
Антипов О., рабочий 196
Антуфьев Н. Д. (Демидов), тульский за-
водчик 16, 79

* В Указателе промышленники, владевшие металлургическими заводами и добывающими горными предприятиями (рудниками, приисками, шахтами и т.п.) — заводовладельцами. Владельцы предприятий фабрично-заводской промышленности перечисляются с указанием производственного профиля принадлежавших им предприятий.

- Аполлов А. Г., историк 129
Арамилцев Н. А., ямщик и хлебороб 183, 188
Арзуманян А. А., экономист, академик 70
Аронзон С. А., революционер-народник 194
Арсентьев В. М., историк 434
Асанов М. А., социал-демократ 310
Астафьев А., краевед 62
Асташев, арендатор золотых промыслов 125
- Бабель Б. Э., немецкий инженер, управитель завода 318
Бабинцов И. Е., судорабочий 170
Бабкин А. К., рабочий 183, 184, 188
Бабушкин П. Д., заводской обыватель 23
Багаев М. А., социал-демократ 395
Багин А. Ф., рабочий 236, 237
Багратион П. Г., князь, генерал царской свиты, генерал-майор 91, 95, 100
Бажов П. П., писатель 29, 34, 36–38
Базилевский Б., книгоиздатель, литератор 219
Баишев И. Ф., рабочий 232
Бакунин М. А., революционер, идеолог анархизма и народничества 194
Балабанов М. С., историк 57–59
Баландин М., рабочий 99
Балашевы, заводовладельцы 22, 87, 101, 110, 316
Балашов П. В., социал-демократ 311
Банин Д. М., историк 59, 60, 177, 188
Барабанщиков, владелец кожевенного завода 407
Баранов А. М., рабочий 388
Баранов Л. П., рабочий 196, 197
Баранов М. Г., рабочий 236, 237
Баранов, рабочий 319
Баранов Ф., рабочий 238, 239
Бардина С. П., революционерка, народница 231
Барсуков Е., судорабочий 100
Батемиров, мастеровой 148
Баторин И., рабочий 158
Бауман Н. Э., революционер, большевик 395
- Бахарев А. И., чертёжник, революционер, народник 232
Бахарев И. Г., рабочий 387, 388
Бахарев Н. И., рабочий, народник 232
Башкиров, рабочий 411
Башмаков С. Д., заводовладелец 243
Бибель А., деятель германского и международного рабочего движения 394
Безобразов В. П., экономист, академик 50, 108, 425
Безруков С., рабочий 152
Безруков Я. Г., рабочий, народник, социал-демократ 305, 384
Безукладников А. П., народник 233
Белавин Г. А., рабочий, народник 232
Белиньков, торговец 369
Беллерс Д., английский экономист 8
Белов В. Д., общественный деятель, историк, экономист 42, 48, 54, 55, 315
Белосельские-Белозерские, князя, заводовладельцы 21, 99, 316, 321, 335
Белосельский-Белозерский К. Э., князь, заводовладелец 22, 30
Беляев, рабочий 415
Беляев Ф. А., закройщик, социал-демократ 394
Беляков А. А., социал-демократ 311, 344, 361, 362
Бенкендорф А. Х., шеф жандармов и начальник III Отделения 32
Берви В. В. (Флеровский Н.), социолог, экономист, публицист 36, 43, 50, 102, 103, 114
Берга П. В. наследники, заводовладельцы 318
Березович, урядник 285
Беркович С. М., социал-демократ 311
Берцинская-Эссен М. М., революционерка, социал-демократ 373, 381
Бехтерева Л. Н., историк 82
Бехтерев С. Л., историк 82
Бильдерлинг П. А., капитан, курляндский барон, арендатор завода 167
Благоев Д. И., организатор одной из первых в России социал-демократических групп 263

- Блиновский, рабочий 135
Бобров Ф. А., социал-демократ 394
Бовбельский А. А., политический ссыльный, народник 228
Бовыкин В. И., историк 65
Богданович Н. М., губернатор 426
Богумель И. А., учащийся технического училища, социал-демократ 385
Бойкова Л. И., социал-демократка 394
Бойков М. П., социал-демократ 421
Бойцов И., рабочий 152
Боклевский П. П., главный начальник Уральских горных заводов 23, 42, 53, 333, 334, 346–348, 365, 392, 393
Болотников И. И., предводитель Крестьянской войны 435
Большиков К. Н., рабочий 336, 337
Бондин А. П., писатель 288, 289
Ботышев, управитель завода 327
Бочкарёв, полицейский стражник 296
Бражкин С. С., рабочий 403, 405
Братухин Ф., рабочий 385
Брезе Ф. Б., управляющий заводом 213
Бродель Ф., французский историк, экономист 77
Бруснёв М. И., организатор одной из первых в России социал-демократических групп 263
Брылкин, майор, и. д. начальника губернского жандармского управления 158
Брынских В., рабочий 375
Брюханов П. П., социал-демократ 395
Бубнов М. А., рабочий 293
Булавин, рабочий 172
Буранов Ю. А., историк 21, 22, 27, 30, 71, 72, 428
Бурдаков Я., владелец золотых приисков 244, 245
Бурджалов Э. Н., историк 65
Бурнашев, полковник, советник Уральского горного правления 96
Бурундуков Г., рабочий 111
Бутеро-Родали В. П., княгиня, заводовладелица 98
Бутеро-Родали, заводовладельцы 19
Бушен Н. Н., социал-демократ 396
Бушмаков М., крестьянин 241
Бушуев Н. П., негласный поднадзорный 304
Бушуев П., управляющий заводом 204, 205, 417
Бызов Л., рабочий 210
Быкова И. П., историк 65, 67
Быстрых Ф. П., историк 60, 62, 65, 67–69, 72
Вагстаф В. Р., барон, великобританский подданный, заводовладелец 156, 161
Вальх, уездный исправник 286
Варга Е. С., экономист, академик 70
Варганов П. Г., рабочий 387, 388
Варначёв Г., учащийся горного училища 374
Васинский, рабочий 116, 117
Вебб У., английский экономист 362
Верёвкина М. И., революционерка, народница 194
Верг Н., историк 432
Весновский В. А., журналист, краевед 53, 277, 330, 331, 414
Виниус А. А., думный дьяк, глава Сибирского и Артиллерийского приказов 15
Винокуров, волостной писарь 117
Витте С. Ю., министр финансов, председатель Совета министров 55, 433
Владимир Александрович, великий князь 134
Вогау, владельцы торгового дома 28
Волков А. Н., вятский губернатор 251
Волков В. С., рабочий-ткач, организатор стачки 260
Волков, рабочий 120, 261, 283
Волобуев П. В., историк 70
Воровский В. В., социал-демократ, большевик 395
Ворожцов, фабрикант, владелец спичечной фабрики 340
Воронцов И., рабочий 152
Воронцов Н. В., горный инженер, управитель завода 134
Воскобойников, унтер-шихмейстер 131
Вофси И., краевед 64
Всеволожские, заводовладельцы 19, 87, 100, 323

- Всеволожский В. А., заводовладелец 95
Вуколов С. П., химик, профессор 55
Вульянский К. Д., студент, социал-демократ 309, 310
Вяткин М. П., историк 428
- Гаврилов Д. В., историк 6, 8, 16, 28, 33–37, 40, 43, 46, 48, 65, 66, 70–72, 74–79, 81, 83, 84, 140, 144, 172, 173, 175, 176, 220, 230, 231, 261, 275, 309, 332, 424, 431
Гаврилов, чиновник министерства внутренних дел 125
Газенбуш К. К., социал-демократ 421
Галкин, рабочий 131
Гедеонов П., канцелярский служащий 228
Геннин В. И., государственный деятель, начальник Олонекских и Уральских заводов 16
Гернгросс А., чиновник, член Присутствия от Министерства финансов 101
Герцен А. И., писатель, революционер-демократ 49, 95, 140, 141, 172
Гессен Ю. И., историк 57, 58, 108
Гизо Ф., французский историк 11
Гизятуллин С., рабочий 401
Гиндин И. Ф., историк 22, 24, 29
Гиндин, смотритель рудников 296
Гинцбург, владельцы торгового дома 28
Глинка В. А., главный начальник Уральских горных заводов 17
Гневышев А. М., рабочий, революционер-народник 232
Гнусарев Н. С., рабочий 338
Годлевский И. И., один из организаторов «Уральского рабочего союза» 90, 307, 308, 342, 343, 345, 357, 358, 360–362, 380
Голдобин А., рабочий, социал-демократ 385
Голицын С. М., князь, заводовладелец 30, 95, 275
Голицыны, заводовладельцы 19, 87
Головина А. П., заводовладелица 153, 165
Головщиков К. Д., краевед 54
Голоутин, рабочий 172
Голоушев С. С., революционер-народник 194, 195
Голубев П., заводской крепостной 93, 122
Голубев, управитель завода 415
Голубцова В. А., владелица винокуренного завода 149
Гольх, писец 131
Гопфенгауз М. Г., революционерка, друг Н. Е. Федосеева 311
Горбунов И. П., рабочий 336, 337
Горбунов Ф., рабочий 284
Горбунцов Н., рабочий 228
Гордеев В., рабочий 361
Гордеев М. А., рабочий, социал-демократ 341, 362
Горемыкин И. Л., министр внутренних дел 353, 365
Горловский М. А., историк 18, 32, 64, 92, 98
Горовой Ф. С., историк 18, 33, 62, 64, 68, 69, 92, 95, 96, 98, 100, 102, 111, 121, 140
Городецкий Е. Н., историк 65
Горохов Ф. А., народник 233
Горшков В. Н., волостной писарь 130
Горький А. М., писатель 59, 422
Грасгоф, управляющий каменноугольными копиями 187
Грауздин Ф., рабочий, социал-демократ 384
Грешнер, мировой посредник 178, 184, 185, 187
Грибель В. В., экономист 305
Григоровский, губернский секретарь 131
Гринберг, управитель завода 335, 336, 337
Громько М. М., полковник, начальник губернского жандармского управления 327
Губина К. М. наследники, заводовладельцы 30, 104, 225
Губкин, волостной старшина 185, 187
Гузев А. И., заводский служащий, краевед 53
Гульдман, и. д. судебного следователя 343, 344
Гуляев Г. А., управитель завода 281, 283, 316, 317, 318
Гусев С. И., социал-демократ 395
Гуськова Т. К., историк 71, 72, 79

- Давыдов А., учащийся технического училища 385, 386
- Дайбов А., рабочий, мальчик-заслонщик 166
- Дараган И. К., золотопромышленник 242, 244
- Дашкова Е. В., заводовладелица 104, 112, 115, 125
- Дебагорий-Мокриевич В. К., революционер-народник 231
- Десяткин М. Ф., рабочий 293
- Дедюхины, владельцы кожевенных заводов 407, 408
- Деев А., рабочий 94
- Деменев А. Ф., рабочий 293
- Дементьев А. Я., революционер-народник 233
- Демидов А. Н., заводовладелец 54
- Демидов (Антуфьев) Н. Д., заводовладелец 16, 79
- Демидов А. П., заводовладелец 127
- Демидов Н. А., заводовладелец 24
- Демидов П. А., заводовладелец 99, 118
- Демидов П. П., князь Сан-Дonato 21, 25, 26, 41, 111, 129, 176, 182, 185, 193, 194, 217, 218, 243, 329
- Демидовы, заводовладельцы 7, 8, 15, 16, 24, 26, 31, 34, 38, 54, 62, 63, 79, 87, 175, 178, 429, 431
- Демин Г., рабочий 398
- Денисов Н. А., директор Горного департамента 346
- Дениш Вера С., политическая ссыльная 305, 306, 310
- Дервиз фон С. Л., банкир, заводовладелец 28
- Десятов Г. С., народник 233
- Деханов Л. Н., управляющий заводом 165, 166, 167
- Дзержинский Ф. Э., советский государственный и партийный деятель 395
- Дикштейн С., писатель, публицист 307, 385
- Дитин М., рабочий 152
- Дмитриев Д. П., рабочий 289
- Дмитриев С. С., рабочий 65
- Добролюбов Н. А., литературный критик, революционер-демократ 173
- Доброхотов Ф. П., книгоиздатель 330
- Долгих И. В., студент 305
- Домелунксен Ф. Н., и. д. губернатора 197, 215
- Доменов В. А., учащийся горного училища 381, 382, 383
- Дружинина О. П., заводовладелица 153, 165
- Дружинин Г. В., генерал-майор, поверенный заводовладелицы, коллекционер 153
- Дубровинский И. Ф., революционер, большевик 395
- Дувинг В. А., полковник, начальник губернского жандармского управления 245
- Думнов Е. П., рабочий 378
- Дьяков Н., рабочий 150
- Дюпин А. Н., рабочий 158, 161
- Евглевский Н. Т., помощник Горного начальника 327, 333, 343, 344, 346, 354
- Егоров Г., рабочий 196
- Егоров К. Н., технолог, профессор 55
- Еленев Л. М., социал-демократ 384
- Еловиков (Еловских), рабочий 295
- Емельянов О. К., рабочий-наборщик 381
- Еретнов, надзиратель цеха 369
- Ермаков П. П., рабочий 90
- Ерман Р. К., историк 261
- Ермолин В. Ф., рабочий, революционер-народник 232
- Ермолов А. С., министр земледелия и государственных имуществ 331, 353
- Ершов, рабочий 136
- Желябов А. И., революционер-народник, член Исполнительного комитета «Народной воли» 233
- Жиголковский, инженер 387
- Жиряков В. С., купец, владелец ткацких фабрик 324, 340, 399
- Жиряковы, фабриканты 28
- Жуйков Г. С., историк 263
- Жуков А. Е., мастер 352
- Жуковский, управитель завода 338
- Зайончковский П. А., историк, 225 226

- Зайцев Д., журналист 413
Замилев Г., рабочий 401
Замятин М., рабочий 106
Замятченский П. А., минералог, профессор 55
Зарубин, мастер 166
Захваткин Ф. Н., рабочий 157, 158, 160
Захваткин Я. Ф., рабочий 156, 158, 161
Зверева Е. В., курсистка 374
Зеленцов А. А., окружной инженер, Горный начальник 337, 391, 392
Земсков П. И., мастер, социал-демократ 321, 341, 352, 353, 357, 359, 360–362
Зибер Н. И., писатель, экономист 310
Зив В. С., экономист, финансист 30
Зиновьев, смотритель завода 415
Злоказовы, купцы и фабриканты 28, 340, 366, 374, 377, 378
Злыгостев Н., рабочий, социал-демократ 408
Знаменский И. Д., законоучитель-священник 173
Знаменских В., учитель 228
Зобнин Г. М., социал-демократ 358, 361, 362
Зобнин И. М., народник, социал-демократ 306
Зобнин Н. М., политический ссыльный 306, 311, 361, 362
Золотавин Л., семинарист 305
Золотов С. Я., рабочий 402, 403, 405
Зорихин С. Н., рабочий 358
Зотова Е. Л., заводовладелица 134, 165, 167
Зотов А., рабочий 213
Зотов, коллежский асессор, депутат от Башкирского войска 113
Зубков, рабочий 244, 296
Зубрилин, рабочий 415
Зубрицкий М. В., мастеровой 154, 155
Зуйков, мастер 166
Зыбин В. С., журналист 330, 331, 414
Зыкин, управляющий рудником 296
- Иванов, земский начальник 433
Иванов, кричный мастеровой 101
Иванов Л. М., историк 65, 66, 128
- Иванов, мировой посредник 130
Ивокин Ф., рабочий 214
Иглин А., краевед 64
Игнатъев А. М., рабочий 157
Изергина Н. П., историк 73
Иконников А. И., чиновник, революционер-демократ 73, 140
Ильин А. С., краевед 355
Ильинский Н. И., социал-демократ 394
Иосса Н. А., директор Горного департамента 41, 53
Исаев А., рабочий 163
Истомин, рабочий 148
Итенберг Б. С., историк 194
- Кабаков И. Г., социал-демократ 386
Кабанов П. И., историк 65, 261, 274
Кадомцева И. С., социал-демократ 421
Кадомцев Э. С., социал-демократ 355, 360, 421
Казаков В. Ф., революционер-народник 232, 234
Казаков К., рабочий 375, 381
Казаков М., рабочий 375
Калашников П., студент, народник 228
Калеватов П., жандармский унтер-офицер 287
Калемасов Е., рабочий 286
Калинин, приказчик 292
Калугина Г. В., историк 72
Кальсин Н. С., заводовладелец 28
Каменец Э. Г., социал-демократ 373, 374
Каменские, купцы, заводовладельцы 28
Каменский П., рабочий 228
Канкрин Е. Ф., Министр финансов 32
Капцугович И. С., историк 75
Каржанский Н. С., литератор 219
Карпер Е. М., социал-демократ 311
Карташев М., рабочий 163
Катаев А., рабочий 283
Катаев Ф., рабочий 283
Катков М. Н., журналист и публицист 261
Каутский К., немецкий социал-демократ 10, 310, 394
Кафенгауз Б. Б., историк 15, 16, 24, 31, 62
Кацнельсон А. А., социал-демократ 311
Качин П. Л., рабочий 398

- Качко Е. П., гимназистка, народница 174
 Кашинцев Д. А., историк 26
 Квятковский В. А., социал-демократ 395
 Кибальчич Н. И., революционер-народник 233
 Кизин Ю. П., краевед 422
 Кикин, мировой посредник 149
 Кириллов П., рабочий 213
 Киримов Г., рабочий 138
 Киселёв И. С., рабочий 337
 Киселёв П. Е., рабочий 157, 158, 161
 Киселёв Я. Е., рабочий 158, 160
 Кихлер, окружной инженер 371
 Клеменц Д. А., революционер-народник 195
 Клещёва Е. И., фельдшерица, революционерка-народница 308, 309
 Климов И., рабочий 213
 Клопов С., рабочий 213
 Клушин П. Н., сенатор 136, 137
 Ковальченко И. Д., историк 65
 Кожевников, купец, судовладелец 133
 Коженков Н. П., окружной инженер 209, 317, 322
 Кожухин А. П., социал-демократ 394
 Козелл-Поклевский, см.: Поклевский-Козелл А. Ф. 21, 28
 Козин И. Е., краевед 64
 Козлов А., рабочий 152
 Козьмин Ф. Д., рабочий 273, 274
 Кокряцкий, рабочий 116, 117
 Кокс Х., английский экономист 362
 Колесов М. А., революционер-народник 231, 234
 Колмогоров Я. С., помощник управляющего заводами 177, 179, 180, 181, 182, 183, 184, 185, 187
 Колосов Е., рабочий 283
 Колотинский, чиновник особых поручений при губернаторе 158
 Колчак А. В., адмирал, один из руководителей Белого движения, «Верховный правитель» в 1918–1920 гг. 433
 Колюпанов Н. И., краевед 7
 Комаров, майор, штаб-офицер корпуса жандармов 95
 Комиссаров, заведующий цехом 397, 398
 Кондратьев Е. Е., рабочий 341, 387
 Кондратьев, рабочий 254
 Кондрин И. Д., рабочий 338
 Кондюрин П. С., заводовладелец 28
 Коновалов, статский советник, чиновник особых поручений при Уральском-горном правлении 328
 Кононов Е., рабочий 109
 Коншины, фабриканты 145
 Копылов, управитель завода 415
 Коренев, рабочий 116, 117
 Корепанов В., рабочий 284
 Корзинкины, фабриканты 262, 298
 Кормильцев А. А., рабочий 318
 Королёв, рабочий 296
 Короленко В. Г., писатель 228, 231
 Корольчук Э. А., историк 59, 60
 Коростелёв М. М., социал-демократ 386
 Коротков Е. Н., студент, революционер-народник 174, 195
 Корф К. Н., чиновник особых поручений при Министре государственных имуществ 186, 190, 191
 Котляревский И. П., горный инженер, управитель завода 50, 163, 164, 242, 243, 247–249, 255
 Кравчинский С. М., революционер-народник 195
 Крапивин П., рабочий 197
 Кремлёв Д. П., писец нотариуса, социал-демократ 372, 374, 381, 383
 Кривоногов В. Я., историк 62, 72, 78
 Кривощёков А. С., правовед 87
 Кривых Я., мастер 210
 Кригер Г. Л., флигель-адъютант императора, капитан 1-го ранга 91, 93, 94, 142
 Криль А. А., служащий на железной дороге, революционер-народник 231, 234
 Криночкин А. К., помощник управляющего заводами 165, 166
 Кротов М., студент, революционер-народник 228
 Крохмаль В. Н. (Фомин), социал-демократ, меньшевик 395, 421
 Крупская Н. К., профессиональный революционер, советский

- государственный и партийный деятель, соратник и жена В. И. Ленина 394, 395, 421
- Крупянская В. Ю., историк, этнограф 67
- Крутицкий П., рабочий 346, 347, 356
- Ксенофонов, рабочий 135
- Кувшинская А. Д., революционерка-народница 195
- Кудрин Н. Н., управляющий золотым прииском, социал-демократ 381, 382, 383
- Кудрявцев Е., рабочий 385, 405, 406
- Кудряшев, рабочий 415
- Кузнецов В. С., студент 307, 308, 309
- Кузнецов Н., волостной старшина 131
- Кузнецов Н. Д., историк 65, 274
- Кузнецов, подрядчик 212
- Кузьмин-Караваев, генерал-майор, председатель особой комиссии 211
- Кузьмин Ф., рабочий 196, 197
- Кукетков Е. Ф., мастеровой 154
- Кулагин И. Е., рабочий 338
- Куликалов, крестьянин 113
- Куликов В., рабочий 196
- Кунуркин, рабочий 148
- Куприянов А. С., рабочий 213–215
- Курлаев Е. А., историк 79
- Курлин, рабочий 148
- Курнатовский В. К., профессиональный революционер, большевик 394
- Кусков М. И., рабочий, социал-демократ 372, 373, 375, 379, 381
- Кухцинский В. Л., социал-демократ 385, 386
- Кучкин Н., рабочий 197
- Лабутин М., рабочий 375
- Лавинская Е. А., фрейлина царского двора, арендатор завода 213
- Лавров П. Л., социолог, философ, теоретик революционного народничества 173, 174, 232
- Ладыжников И. П., социал-демократ 310, 384
- Лазарев Х. Е., заводовладелец 100, 113, 117
- Лазаревы, заводовладельцы 19, 100, 131
- Ланге Ф., французский историк и экономист 362
- Лантш Ф., управитель завода 297
- Лассаль Ф., деятель немецкого рабочего движения, публицист 233
- Лебедев А. Е., заводовладелец 123
- Левашев Н. В., граф, золотопромышленник 242, 244
- Левинский, рабочий 116, 117
- Левин Ш. М., историк 195
- Левыкин К. Г., историк 72
- Ленин В. И., революционер, организатор Коммунистической партии, основатель Советского государства 54, 55, 57, 60, 68, 261, 274, 311, 312, 314, 342, 355, 358, 359, 363, 364, 372–374, 380, 382, 383, 386, 389, 394–396, 421, 422, 428
- Лепилов, надзиратель 415, 416
- Либкнехт В., немецкий социал-демократ 306
- Ливен А. А., князь, товарищ Министра государственных имуществ 191
- Ливен А. А., московский губернатор 63
- Лившиц Э. А., историк 109
- Линков Я. И., историк 140
- Липин И. И., социал-демократ 310
- Лисин, рабочий 347
- Литвак Б. Г., историк 18
- Литвак Д., рабочий 273
- Лобанцев З. А., рабочий 402
- Лобов А. А., революционер-народник 234
- Логинов В. И., владелец спичечной фабрики 28, 340
- Лодочников К. А. (Кадкин, Кадка), рабочий 154, 155
- Ложкин, земский начальник 369
- Лойко Л. П. (Квашнина), революционерка-народница 304
- Локтин А. А., социал-демократ 384
- Лонгинов К. В., штабс-капитан 105
- Лопатин Г. А., революционер-народник 195
- Лоранский А., чиновник, публицист 41, 51, 52
- Лоськов И., учащийся горного училища 374

- Лоханов И., рабочий 273, 286
 Лошкарёв А. Г., губернатор 94, 95
 Лузин В. К., революционер-народник 306
 Лунегов Г. А., волостной старшина 164
 Лутков, отставной урядник 131
 Лушников А. В., историк 67
 Львов С. Е., князь, заводоладелец 27
 Любимов И. А., учитель, революционер-народник 227, 306
 Любимов И. И., купец, совладелец содового завода 28, 305
 Ляпин К. А., рабочий 148, 149
 Ляпустин С., семинарист 305
 Ляу Э. В., корректор, народник 231, 234

 Магаймо Э., экономист 362
 Макаров А. А., министр внутренних дел 426
 Макаров В. А., фабрикант 412
 Макаров Е., рабочий 196
 Макаров, рабочий 316, 317
 Макаровы, братья, фабриканты 28, 340, 399, 410, 411, 412, 418
 Маклаков Н. А., министр внутренних дел 428
 Малков Ф. М., краевед 40, 64
 Мальшев, рабочий, социал-демократ 421
 Мальцов Г., рабочий 238
 Мамин-Сибиряк Д. Н., писатель 7, 17, 21, 30, 41, 46, 52, 53, 88, 89, 102, 264
 Мамонов Ф. В., рабочий 149
 Мамышева Е. И., революционерка-народница 227, 228
 Маниковский А. А., генерал от артиллерии, начальник Главного артиллерийского управления 428, 429
 Маноцков В. И., политический ссыльный 305, 306, 310
 Манту П., английский историк 77
 Мария Фёдоровна, императрица 294, 426
 Маркелов В. Р., журналист, краевед 64
 Маркс К., учёный, экономист, основоположник научного коммунизма 8, 10, 11, 233, 263, 306, 307, 308, 310, 376, 380, 394
 Мартов Л., социал-демократ, один из лидеров меньшевизма 258, 395

 Маслов П. П., студент, социал-демократ 311
 Матвеев П. А., социал-демократ 310, 384
 Маттей Ф., немецкий историк и экономист 51
 Матушкин П. Г., историк 68, 274, 342
 Махин, майор, жандармский офицер 153, 154
 Мачульский Г., рабочий 346
 Машковцев, фабрикант 123
 Медведев Ф. П., рабочий 378
 Мезенин Н. А., историк 79
 Мезенцев Н. В., министр внутренних дел, шеф жандармов и начальник III Отделения 20, 52, 141, 145
 Мейер, владельцы торгового дома 28
 Мелехин, уставщик 416
 Мельников П. И. (Мельников-Печёрский), писатель 41
 Менделеев Д. И., великий русский учёный, профессор, химик, экономист 30, 55, 414, 415
 Меринг Ф., философ, историк, деятель немецкого рабочего движения 263
 Меркурьева Е. М., народница 233
 Меркушин П. Г., рабочий 403, 405
 Мешков П. Н., рабочий 213, 214, 215
 Мещанинов, товарищ прокурора окружного суда 198
 Микитюк В. П., историк 79
 Мильман Э. М., историк 66, 67, 221
 Милотин Н. А., член Редакционных комиссий 18
 Минц И. И., историк, академик 65, 72
 Минье Ю., бельгиец, распорядитель работ 408
 Мирбах Э. И., барон, генерал царской свиты, генерал-майор 91, 96
 Мироносицкий, провокатор, жандарм 235
 Митинский А. Н., горный инженер, экономист, профессор 55
 Митюгин Я., рабочий 286
 Михаил Николаевич, великий князь 271
 Михайлов М. М., рабочий 402, 404, 405
 Михайлов П., рабочий 196, 197
 Михеев, владелец кожевенного завода 407
 Мозготин И., рабочий 99

- Моисеенко П. А., рабочий, революционер, организатор стачки 260, 261
Мокеев А., рабочий 111
Мокеев Н., рабочий 347
Мокроносов А. М., управляющий заводами 369
Мокрушин Ф., рабочий 205
Моммзен Т., немецкий историк 14
Мондштейн Ф. И., социал-демократ 384
Монзин, браковщик 163
Морен, управляющий заводами 414
Морозов, отставной урядник 131
Морозов Савва, фабрикант 260
Морозов Т. С., фабрикант, владелец мануфактуры в Орехово-Зуево 260, 261
Мороховец Е. А., историк 95, 128
Мосолов Н. И., майор, заводовладелец 96, 97, 123
Мосоловы, заводовладельцы 113, 126
Муравский М. Д., революционер-народник 194, 195
Мурдасова С. А., историк 195
Мурыгин С. Г., рабочий 213, 214, 215
Мутных В. С., революционерка 310
Мухин А. А., историк 64, 72, 102, 122, 123, 131, 132, 137
Мухлынин К. Е., студент, народник 306
Мышкин И. Н., революционер-народник 233
Мягкий С., рабочий 271
Мясников, рабочий 411
- Навалихин, владелец золотого прииска 243
Наймушин В. В., историк 72, 396
Нарочницкий А. Л., историк 72
Натансон М. А., революционер-народник 195
Наумов, купец, управитель завода 122
Невский В. И., историк 59, 60, 188
Негаметзянов А., рабочий 401
Неклепаев И. А., политический ссыльный 305, 306, 310
Неклюдов Е. Г., историк 26, 79
Некрасов Н. А., поэт 25, 361
Немирович-Данченко Вас. И., писатель 88
- Нестеров В. Е., педагог 9
Нехорошев К., рабочий 213
Нечкина М. В., историк, академик 58, 72, 140
Никитин А., учитель, народник 231, 234
Николай II, император 39, 306, 426, 427, 428, 429, 432, 435
Нифонтов В., рабочий 238
Новиков, генерал, начальник завода 284
Новиков, рабочий 136
Новицкий, штабс-капитан губернского жандармского управления 186, 187, 190
Новокрещенных Г. А., рабочий 149
Новокрещённых Н. Н., горный инженер, краевед 53
Новомейский С. А., гимназист, социал-демократ 372, 373, 374, 375, 383
Новосёлов А., историк 396
Новосёлов Н., браковщик 248
Норд Л. Е., губернатор 277
Нордстрем, управитель золотых промыслов 415
Носилов К. Д., писатель, путешественник 304
Носырев И. Ф., писарь 157, 158, 159, 160
- Оберг Х. П., управитель завода 415, 416
Обнорский В. П., слесарь, выдающийся рабочий-революционер, один из организаторов «Северного союза русских рабочих» (1878) 219
Обреимов В. И., преподаватель гимназии, народник 173, 174
Обручев, революционер-демократ 140
Огарёв Н. П., революционер-демократ, поэт, публицист 141
Огарков В. В., краевед 54
Одинцов А. Д., управляющий заводами 165, 167
Озеров И. Х., экономист, правовед, статистик 30, 55, 56, 430
Ойзерман Т. И., философ 263
Олеховский, подрядчик 222
Ольховая Л. В., историк 71, 72
Ольховиков А. Е., торговец и владелец кузнечного заведения 183, 188

- Оносов А. Ф., рабочий-кузнец 183, 184, 188
 Онянов М. М., рабочий, народник 234
 Орлова А. М., историк 65
 Орлов А., рабочий 213
 Орлов П. А., революционер-народник 194, 358
 Осколков Г. И., историк 66, 67
 Островский А. Я., чернорабочий 183, 184, 188
 Отмар-Штейн Ф., земский начальник 433

 Павел I, император 39
 Павленков Ф. Ф., литератор, книгоиздатель 73
 Павлов, генерал, владелец стекольного завода 406
 Павлюченков Г., краевед 395
 Пажитнов К. А., историк, экономист 56, 57, 58
 Панафидин, рабочий 347
 Панин В. Н., министр юстиции 18
 Панкратова А. М., историк, академик 62, 63, 64, 97, 177
 Пантелеев Л. Ф., общественный деятель, демократ 141
 Пантелеймонов, чиновник особых поручений при губернаторе 98
 Пастер Л., французский физик 8
 Пастухов А. М., купец, заводовладелец 122
 Пастухов Н. П., купец, заводовладелец 28
 Пастухов, помощник смотрителя 415
 Пастуховы, заводовладельцы 28, 37
 Пахнин И. Г., рабочий 402, 403, 404, 405
 Пашков А. В., заводовладелец 109
 Пашков А. И., генерал-лейтенант, заводовладелец 94
 Пашков М. В., заводовладелец 107
 Пашков С. И., генерал, заводовладелец 103, 107, 111, 119
 Пашковы, заводовладельцы 101, 409
 Пелевин Д. С., рабочий 378
 Пелевин С. Н., рабочий 378
 Пепеляев, учётик волостного старшины 133
 Пермяков П. А., рабочий 378
 Пермяков П. Д., рабочий 148, 149
 Перовская С. Л., революционерка-народница 233
 Першин В. И., рабочий, революционер-народник 232, 235
 Пестовский Н. Н., рабочий 154, 155
 Пётр I, император 31
 Петренко А. И., социал-демократ 421
 Петров Д. П., рабочий 403
 Петров С. М., историк 60
 Петров, смотритель 415
 Петухов, рабочий 296
 Печаткин, управляющий заводами 141
 Пешехонов, владелец кожевенного завода 407, 408, 418
 Пивинский Н. А., главноуправляющий заводами 290, 291, 329
 Пименов В. М., краевед 266, 275
 Пинисов, рабочий 150
 Пирожков, рабочий 356
 Писарев В. А., Горный начальник 333, 347
 Писарев Д. И., литературный критик, публицист, социолог, революционный демократ 140, 173
 Пискунов А. И., социал-демократ 421
 Пищулев Я. М., рабочий 398
 Плаксин Н. Н., социал-демократ 395
 Платонов И. И., смотритель завода 254
 Платонов И. Я., управитель завода 247
 Плевинский, бухгалтер 336
 Плеханов Г. В., деятель социал-демократического движения, философ, социолог 263, 297, 298, 306, 373, 380, 395
 Плечёв И. Д., рабочий 387, 388
 Погодин Н. Г., губернатор 287, 289
 Поздеев Н. Е., рабочий 158, 160
 Поклевский-Козелл А. Ф., виноградолюб, золотопромышленник, заводовладелец 21, 28, 161
 Покровские, братья, золотопромышленники 306
 Покровский М. Н., историк 57
 Полевой Ю. З., историк 65, 263
 Поленов К. П., управитель завода, учёный-металлург 180
 Полищук Н. С., историк, этнограф 67

- Половцева Н. А., заводовладелица 276
Полонский В., историк 195
Полузадов В. А., учитель, народник 231, 234
Полузадов С. А., служащий, социал-демократ 309, 358, 361, 362, 372
Полузадовы, социал-демократы 352
Полушкин М., рабочий 336, 337
Полушкин Я. М., рабочий 336, 337
Померанцев В. А., революционер-народник 232, 233, 235
Поморцев Е. П., учащийся технического училища, социал-демократ 385, 386
Пономарёв А. Д., заводовладелец 127
Пономарёв Г. А., рабочий 402
Попельницкий А. З., историк 56
Поперёков В. А., рабочий, народник 236, 237, 238
Попов П. И., социал-демократ 421
Попов, рабочий 415
Попов Р. С., журналист, публицист 7, 27, 43, 52, 88
Попов Ю. А., социал-демократ 394
Поразинский, управитель завода 320
Порошин С. Н., редактор 396
Португалов В. В., врач, публицист 381
Постников С. П., историк 6, 82–84, 434
Потанин Н. Я., рабочий 196, 197
Потресов А. Н., социал-демократ, один из лидеров меньшевизма 395
Праздничный Е. П., рабочий 154
Проколов К. М., рабочий 387, 388
Протасов В. А., поднадзорный 311
Прохорёнок З., рабочий 273
Прохоров Ф., рабочий 213
Пугачёв Е. И., предводитель Крестьянской войны 32, 435
Пузырёв Е. А., студент, социал-демократ 310, 384
Путилова М. В., историк 69
Путилов П., рабочий 375
Путин В. В., президент РФ 3
Пшеничнов В. А., заведующий прокатными цехами 343, 346, 348
Пятницкий А. Н., историк 18, 64, 92, 98
Пятов В. С., горный инженер, металлург, механик 122
Рабинович Я. Б., историк 66, 67, 73, 155, 173, 195, 226, 232, 235, 251, 266, 355
Рагозин, рабочий 136
Радин Л. П., социал-демократ 395
Разин С. Т., предводитель Крестьянской войны 435
Раков В. В., рабочий 158, 160, 161
Распутин Г. (Новых Г. Е.), «святой старец» 427
Расторгуева наследники, заводовладельцы 21, 25, 99, 165
Ратьков-Рожнов В. А., заводовладелец, золото- и лесопромышленник 28, 409
Рашин А. Г., историк 64
Резников, мещанин 295
Рейтерн М. Х., министр финансов 425
Репин С. А., рабочий 236, 237
Реутов С., рабочий 398
Решетников Н., революционер-народник 231, 234
Ржанников В. Е., рабочий 248
Рикардо Д., английский экономист 11, 310
Роганов М., рабочий 213
Рогов Е., член Главного управления заводами 200
Рогов Н., член Главного управления заводами 201, 202
Рогожников В. Г., мастер, социал-демократ 324, 326, 327, 341–343, 350, 354, 380
Родзянко М. В., лидер октябристов, председатель Государственной думы 435, 436
Романовы, царствующая династия 39, 231, 436
Ромашев, дворовый человек 117
Россинский, помощник Горного начальника 332
Ростовский Н., рабочий 347
Ростовцев Я. И., генерал, председатель Редакционных комиссий 18
Ростоу У., американский экономист, социолог, историк 77
Рошефор О. Н., графиня, заводовладелица 112
Рукусуев Е. Ю., историк 29, 79

- Румянцев А. М., экономист, академик 70
 Рыбин И., рабочий 375, 381
 Рыжиков А. С., историк 342, 343, 349
 Рябинин Б. С., писатель, краевед 62
 Рябов Ф. А., мастер 326, 327
- Сабанеев, лесничий 296
 Саватеев М., рабочий 374, 380
 Савельева Е. В., социал-демократка 384
 Савич Г. Г., чиновник-землеустроитель 414
 Сажин М. П. (Арман Росс), революционер-народник 195
 Салафатуллин С., рабочий 401
 Саломатов, ротмистр, помощник начальника губернского жандармского управления 388
 Салтыков С. Н., социал-демократ 395
 Самойлов М. П., полковник, начальник губернского жандармского управления 171, 190, 244
 Санин А. А., журналист, социал-демократ 373, 374, 381, 382, 383
 Сапоговская Л. В., историк 79, 80
 Сафьянов М., рабочий 375, 381
 Сборовский, окружной инженер 268, 297
 Свалов В., учащийся горного училища 380
 Свидерский А. И., социал-демократ, большевик 394, 395, 421, 422
 Седелников Г. И., судорабочий 170
 Седойкин, рабочий 197
 Секачев И., социал-демократ 310
 Селезнёв, рабочий 116, 117
 Семёнов Н. П., историк 18
 Серебров Я., рабочий 238
 Сериков С., рабочий 166
 Сигов И. С., экономист, публицист, либеральный народник 29, 303, 430
 Сигов С. П., историк 48, 61
 Сидоров А. Л., историк 65
 Сикорский К., студент 228
 Силин Ф. Е., рабочий 231
 Симашко А. Ф., земский начальник 287
 Симонов П., рабочий 388
 Синегуб С. С., революционер-народник 174, 195
- Синюков, подрядчик 211, 212
 Скальковский К. А., горный деятель 25, 27
 Скрябенский М. С., плотинный 337, 338
 Смагин, владелец кожевенного завода 407
 Смирнов А., рабочий 375
 Смирнов В. П., историк 13
 Смирнов Я. М., рабочий 154
 Смит А., английский экономист 11
 Соболев В. А., историк 72
 Соколов А. К., историк 5, 6, 7, 80, 174
 Соловьёв А. К., революционер-народник 233
 Соловьёв Л., рабочий 213
 Соломирский Д. П., заводовладелец 170, 429
 Солоницын Н., историк 59, 156
 Сольве Э. Г., бельгийский предприниматель, совладелец содового завода 28
 Сорокин В. В., историк 178, 190
 Сосулин А., рабочий 284
 Спасский Г. К., краевед 54
 Спехов И. И., краевед 402
 Спицын П. В. (Карасов), рабочий 213, 214, 215
 Ставицкая Б. Э., историк 72
 Сталин И. В., советский государственный и партийный деятель, председатель Совета министров СССР, секретарь ЦК ВКП(б) и КПСС 252
 Стандертшельд М. К., капитан, финский дворянин, арендатор завода 250, 251
 Старков К. Я., рабочий 378
 Старцев В., рабочий 106
 Старцев П., рабочий 106
 Стахов Е. Д., рабочий 318
 Стенбок-Фермор А. А., граф 21, 124, 254
 Стенбок-Фермор Н. А., графиня, заводовладелица 25, 163, 169, 258, 295, 429
 Стольпин П. А., министр внутренних дел, председатель Совета министров 426, 428
 Строганов А. Г., граф, заводовладелец 17, 21
 Строганова Н. П., графиня, заводовладелица 26, 93, 121
 Строганов С. А., граф, заводовладелец 40, 199, 207, 292, 293, 300, 319, 370, 432

- Строганов С. Г., граф, заводовладелец 25, 109, 162, 205, 208, 217, 218, 238, 253, 255, 258, 414
- Строгановы, заводовладельцы 19, 49, 63, 79, 87, 94, 95, 109, 137, 139, 417, 428
- Стучка П. И., социал-демократ, большевик 395
- Субботин А. Ф., мелкий торговец 183, 188
- Сукин, полицейский агент и волостной старшина 131
- Сурнин А., рабочий 239, 297
- Сурнин Е., рабочий 238
- Суслов М. Ф., заводской служащий 227
- Сутырин Б. А., историк 66, 67
- Сутягин С. А., конторский служащий 338
- Сухозанет А. И., заводовладелец 124, 129
- Сушенцев Ф., рабочий 375, 381
- Сушина Н. Д., гимназистка, народница 174, 195
- Сушин Ф., рабочий 99
- Сыромолов А., рабочий 315, 359–361, 372–375, 379, 380
- Сыромолотов Ф. Ф., социал-демократ 346
- Сюньцзы, древний китайский философ 436
- Таинцев, рабочий 319
- Таняев А. П., историк 58, 59, 60
- Тарасов Г. М., учащийся технического училища, социал-демократ 386
- Тарасов, мастер 398
- Тареев В., рабочий 284
- Тарновский К. Н., историк 65, 70
- Татищев В. Н., государственный деятель, историк, главный командир Уральских горных заводов 16
- Тенчинский, помощник управляющего заводами 336
- Тетерин В., рабочий 375, 381
- Тетюшинова К., преподавательница женской гимназии, народница 173, 174
- Тимофеев М., рабочий 213
- Тиунов, мещанин 117
- Тойнби А., английский историк и социолог 77
- Толстой Д. А., граф, министр народного просвещения 173
- Томсинский С. Г., историк 60
- Точисский П. В., организатор одной из первых социал-демократических групп в России 263
- Трапезников В. Н., адвокат, социал-демократ, меньшевик 90, 305, 309, 310, 315, 384, 393, 394
- Трефилова Л. А., историк 66, 67, 69
- Троицкий Н. А., историк 195
- Трофимов А. Ф., историк 65
- Троян, начальник завода 406
- Трутнев, торговец 369
- Туган-Барановский М. И., экономист, историк, профессор, легальный марксист 56
- Тудвасов, рабочий 227
- Тулисов Е. С., историк 20
- Туманов Н., рабочий 228
- Туннер П., австрийский учёный-металлург, директор Леобенской горной академии 50, 51
- Турчаниновы, заводовладельцы 170, 429
- Тучемский, статский советник, член губернского по крестьянским делам Присутствия 158, 159
- Тъери О., французский историк 11
- Тюрин Д. М., рабочий 149
- Тютев А. С., мастер, социал-демократ, один из организаторов «Уральского рабочего союза» 321, 324, 326, 327, 341, 343, 348, 349, 354, 355–357, 359, 361, 362, 363, 386, 388, 420
- Тютев В. С., социал-демократ, брат А. С. Тютева 353
- Тютев Д. С., социал-демократ, брат А. С. Тютева 341, 354
- Тяпугин А., крестьянин 100
- Удинцев В. А., правовед 53, 430
- Узиков Ю. А., журналист, краевед 355, 422
- Ульянов П. Е., купец, владелец хрустального завода 213
- Умновы, семья рабочих — местных летописцев 32
- Унтаков А. Т., рабочий 149
- Упасихин, рабочий 136
- Урбанович И. И., горный инженер 37

- Усольцев В. У., 1-й, рабочий 248
Усольцев В. У., 2-й, рабочий 248
Уткин П. А., рабочий 348
Утов И., рабочий 213
Ушаков, генерал-майор, владелец золотого прииска 126, 340
Ушков К. Я., владелец химических заводов 59, 137, 167, 195–198, 217
Ушков П. К., владелец химических заводов 28, 132
- Фадеев М., рабочий 271
Фалин В. М., дипломат, публицист 14
Фармаковский С. П., экономист 55
Февралёв И., рабочий 375, 381
Федорович Д. В., революционер-народник 194
Фёдоров П. Ф., управитель завода 409
Федосеев Н. Е., организатор одной из первых марксистских групп в России 263, 308, 311, 373
Фельдман М. А., историк 6, 78, 81–84, 434
Фелькнер Ф. И., главный начальник Уральских горных заводов 18, 92
Фигнер, управляющий заводами 336, 371
Филadelphов А. П., письмоводитель 394
Филимошкин И., рабочий 346, 347, 350
Филиппов Р. В., историк 194
Фомичёв, мастеровой 150
Фроленко М. Ф., революционер-народник 194
Фролов В. И., политический ссыльный 305, 306, 310
Фролов, советник губернского правления 154
- Халтурин С. Н., столяр, выдающийся рабочий-революционер, один из организаторов «Северного союза русских рабочих» (1878) 195, 219
Харитоновна М. Л., заводовладелица 134, 165, 167
Харлов Н. М., социал-демократ 386
Хилков М. И., князь, министр путей сообщения 384
Хитров П. И., историк 66, 68
- Хлебников А., рабочий 385
Хлудовы, фабриканты 262
Хонский Н., рабочий 213
Хорьков А. П., мастер 352, 357, 358, 361
Хребтов П. С., рабочий 398
- Циммерман Р. Э., публицист, владелец гимназии 381
Цукерник А. Л., историк 67
Цюрупа А. Д., социал-демократ, большевик 394, 395, 421
- Чарушин Н. А., революционер-народник 195
Чарыков В. И., губернатор 159, 168
Чачина О. И., социал-демократ 421
Чащин В. А., рабочий 90
Червякова Т. Н., историк 121, 122
Чердынцев Н. А., журналист, социал-демократ 307, 308, 309, 372
Черемискин М., рабочий 210
Черемных, смотритель завода 416
Черёмухин, купец, владелец золотого прииска 225
Черепанов М. В., мастеровой 154
Черепнин Л. В., историк, академик 72
Черкасов В. Д., управляющий заводами 252
Чернавин С., семинарист 305
Черных М. Н., рабочий 183
Чернышев, браковщик 163
Чернышев З. А., рабочий 273
Чернышевский Н. Г., революционер-демократ, писатель, литературный критик 73, 140, 172, 173
Черныш М. И., историк 278
Черняховский Г. С., историк 121, 122
Чертков В., рабочий 228
Четвергов Н. Н., мастер 352
Четин В. Е., историк 64, 66, 67, 73, 98, 109, 324, 354
Чигирь М. И. (Короткова), революционерка-народница 227, 228
Чугин А. Н., рабочий 234
Чуистов Е., рабочий 228
Чурилов, главный мастер слесарного отделения 251
Чусов Е., рабочий 150, 256

- Шадрин А. В., революционер-народник 233
Шадрин, купец 141
Шадрин, чиновник 133
Шалаевский А., рабочий 228
Шамов Н. Д., купец, заводовладелец 28
Шангин В., рабочий 238
Шарафутдинов Ш., рабочий 401
Шатов И., рабочий 99
Шахурин, лесничий 335
Швейцер Ж.-Б., французский писатель 233
Шекалев П., рабочий 402
Шелгунов Н. В., революционер-демократ, публицист 263
Шемякин, писец 131
Шереметьев П., рабочий 334, 335
Шефле А. Э., немецкий экономист, социолог 233
Шеховской, земский начальник 336
Шибяев С., фабрикант 145
Шилков О., рабочий 210
Широких А., мещанский староста 93
Широков К. И., полковник, начальник губернского жандармского управления 301
Шишко Л. Ф., революционер-народник 194, 195
Шишонко В. Н., историк, краевед 31
Шмотьев С., рабочий 210
Шоур М. М., студент, социал-демократ 394
Штиглиц А. Л., барон, банкир, меценат 28
Штоф А. А., тайный советник, председатель межведомственной комиссии по выработке условий отмены посессионного права 429
Шувалов П. А., граф, шеф жандармов и начальник III Отделения 149, 171
Шувалов П. П., граф, заводовладелец 25, 27, 63, 87, 270, 331, 401
Шумилов, рабочий 411
Шуппе А. Ф., управитель завода 282
Шурьгин К. И., рабочий 404
Шустов С. Г., историк 74, 79
Щапов А. П., революционер-демократ, историк, публицист 140
Щербаков Д. К., заводской служащий 227
Эванс, управитель завода 415
Энгельс Ф., философ, социолог, соратник К. Маркса, деятель международного рабочего движения 10, 11, 233, 263, 306–308, 376, 380
Эсмонт Н. Н., земский начальник 433
Эссен М. М. (Берцинская, Розенберг) 37, 90, 373–376, 380, 381, 382, 383
Эштон Т. С., английский историк, экономист 77
Юдина Л. С., историк 366
Южаков В. В., социал-демократ 309, 310, 394
Юшков Д. Д., социал-демократ 384
Ягодкин К. К., студент, социал-демократ 311
Ядринцев Н. М., писатель 194
Якимова А. В., революционерка-народница 195
Якобсон Г., учащийся горного училища 374
Яковлева П. С. наследники, заводовладельцы 21, 127
Яковлева С. С. наследники, заводовладельцы 25, 105, 106, 130
Яковлев Н. Н., историк 65
Яковлевы, заводовладельцы 429
Якутов И. С., рабочий 395, 421
Ятес Ф. Е., владелец чугунолитейного и механического завода 28, 340, 341, 366, 372–376, 378, 380
Яцунский В. К., историк 65

УКАЗАТЕЛЬ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

- Абамелек-Лазаревых заводы 283, 300
Авзянопетровский горнозаводской округ 26
Алапаевские заводы 30, 93, 105, 106, 225, 275, 278, 386, 414
Алапаевский горнозаводской округ наследников С. С. Яковлева 26, 130, 139, 278, 283, 294, 300, 393, 413
Алапаевский (Нейво-Алапаевский) чугуноплавильный и железоделательный завод наследников С. С. Яковлева 105, 106, 252, 258, 274
Александровский винокуренный завод В. А. Голубцовой 149
Александровский (Лытвенский) железоделательный и чугуноплавильный завод П. П. Демидова 147, 222, 329
Александровский механический завод 145, 262
Артёмовский железный рудник князя С. С. Абамелек-Лазарева 270
Аргинский казённый железоделательный завод 136, 169, 278, 281, 282, 301
Архангельский горнозаводской округ графини А. И. Коссаковской 26
Архангельский медеплавильный завод графини А. И. Коссаковской 93, 95, 101, 107
Атигский железоделательный завод наследников К. М. Губина, с 1881 г. — Товарищества Сергинско-Уфалейских горных заводов 104, 105, 271, 279
Баранчинский казённый чугуноплавильный и железоделательный завод 169, 281, 283
Баратабынские золотые прииски 135
Барнёвские золотые промыслы 112
Белорецкий чугуноплавильный и железоделательный завод Пашковых 100, 101, 107, 111, 119, 120, 126, 139, 147, 151, 152, 380, 409
Белорецкие заводы 28
Белорецкий горнозаводской округ Пашковых 26
Бемышевский медеплавильный завод А. Е. Лебедева 27, 123, 147, 150
Березниковский содовый завод И. И. Любимова и Э. Г. Сольве 28
Берёзовские золотые прииски 340
Берёзовский золотопромывальный завод 97, 139, 173, 174
Бизярский медеплавильный завод Компании Кнауфских горных заводов 27, 147, 148, 226
Билимбаевский чугуноплавильный и железоделательный завод графа С. А. Строганова 108, 137
Бисертский чугуноплавильный и железоделательный завод П. А. Демидова, с 1873 г. — М. Пермикина 46, 318
Благовещенский горный округ Е. В. Дашковой 26
Благовещенский медеплавильный завод Е. В. Дашковой 104, 112, 115, 125, 139

- Богородская ткацкая фабрика Шибаева 145
- Богородский железодельный завод Д. А. Пономарёва 137
- Богородско-Глуховская ткацкая фабрика 262
- Богословский горнозаводской округ Н. М. Половцевой, с 1895 г. — Бословского акционерного общества 28, 29, 72, 107, 132, 370
- Богословский завод 225
- Богословского завода золотые прииски 243
- Богоявленские медные рудники 135
- Богоявленский горнозаводской округ А. В. Пашкова 26
- Богоявленский медеплавильный завод А. В. Пашкова 27, 109
- Бондюжский химический завод К. Я. Ушкова 28, 132, 137, 167, 195, 196, 198, 217
- Буйский железодельный завод Н. И. Мосолова 110
- Бурзянские золотые промыслы 127
- Бымовский медеплавильный завод Товарищества Суксунских горных заводов 110, 137, 147, 148, 149, 225, 258
- Быньговский железодельный завод наследников П. С. Яковлева 127
- Варзино-Алексеевский соляной завод 102
- Васильево-Шайтанский (Шайтанский, Нижнешайтанский) завод, см.: Шайтанский (Нижнешайтанский) завод
- Верхисетские заводы 30, 242, 243, 254, 255, 258, 270
- Верхисетский горнозаводской округ графини Н. А. Стенбок-Фермор 26, 72, 124, 163, 247, 249, 254, 295, 330
- Верхисетский чугуноплавильный и железодельный завод графини Н. А. и графа А. А. Стенбок-Фермор 62, 108, 124, 147, 154, 155, 173, 228, 234, 340, 374, 376, 378, 380
- Верхисетских заводов караван судов на р. Чусовой 169, 170, 171
- Верхнейвинский чугуноплавильный и железодельный завод графини Н. А. Стенбок-Фермор 173, 174
- Верхнекыштымский завод, см.: Кыштымский (Верхнекыштымский) чугуноплавильный и железодельный завод наследников Л. И. Расторгуева
- Верхнесалдинский чугуноплавильный и железодельный завод П. П. Демидова и его наследников 111, 126, 172, 174, 180, 181, 183, 187, 188, 190, 191, 285, 294, 319, 323, 331, 339, 414
- Верхнесергинский чугуноплавильный и железодельный завод наследников К. М. Губина, с 1881 г. — Товарищества Сергинско-Уфалейских горных заводов 46, 47, 136, 137, 265, 298, 300, 400, 414
- Верхнесинячихинский чугуноплавильный и железодельный завод наследников С. С. Яковлева 278
- Верхнетурицкий казённый чугуноплавильный и железодельный завод 281
- Верхнеуфалейский чугуноплавильный и железодельный завод Товарищества Сергинско-Уфалейских горных заводов 296, 297, 401, 409
- Верхотурский медеплавильный завод Пашковых 27, 95
- Висимо-Уткинский железодельный завод наследников П. П. Демидова 129, 181
- Висимо-Шайтанский железодельный завод наследников П. П. Демидова 129, 132, 181, 275
- Волжско-Вишерского акционерного общества заводы 30
- Ворожцова и Логинова спичечная фабрика 340
- Воскресенские медные рудники 135
- Воскресенский медеплавильный завод Пашковых 27, 95, 96, 107, 109
- Воткинский казённый железодельный, паровозо- и судостроительный завод 67, 107, 128, 131, 137, 144, 161,

- 169, 242, 253, 257, 258, 265, 380, 406, 408, 409, 419, 420
- Всеволодо-Вильвенский горнозаводской округ А. В. Всеволожского 27
- Всеволожских каменноугольные копи 100
- Всеволожского В. А. заводы 323
- Выйский медеплавильный завод наследников П. П. Демидова 111, 181
- Высокогорский (Нижнетагильский) Железный рудник 59, 90, 268, 272
- Вятка-Котлас строящаяся железная дорога 401
- Главно-Холуницкий (Холуницкий) завод, см.: Холуницкий (Главно-Холуницкий) чугуноплавильный и железодобывательный завод
- Гороблагодатский казённый железный рудник 300, 319
- Гороблагодатские золотые прииски Я. Бурдакова 244
- Гороблагодатский казённый горнозаводской округ 104, 283
- Губахинские каменноугольные копи княгини Е. Х. Абамелек-Лазаревой 329
- Дедюхиных кожевенный завод 407, 408
- Демидовские заводы 62
- Добрянский чугуноплавильный и железодобывательный завод графа С. Г. Строганова 162, 203, 204, 207, 238, 240, 253, 257, 266, 319
- Екатеринбургская льнопрядильно-ткацкая фабрика братьев Макаровых 28, 340, 399, 410, 411, 412, 418
- Екатеринбургская спичечная фабрика Логинова 28
- Екатеринбургская суконная фабрика Злоказовых 28, 340
- Екатеринбургская типография 412
- Екатеринбургские железнодорожные мастерские Пермь-Тюменской железной дороги 340, 352, 374, 376, 378
- Екатеринбургские казённые заводы 104, 252
- Екатеринбургский казённый горнозаводской округ 97, 112
- Екатеринбургский чугунолитейный и механический завод Ф. Е. Ятеса 28, 340, 341, 366, 372–376, 378, 380
- Екатеринбургско-Тюменской железной дороги строительство 253
- Екатерининские рудники в Верхотурском уезде 328
- Елизавето-Пожевской железодобывательный завод А. В. Всеволожского 323, 416
- Жирякова льнопрядильно-ткацкие фабрики в Екатеринбургском уезде 28, 324, 340, 399
- Залазнинский горнозаводской округ Н. И. Мосолова 26, 27, 28
- Залазнинский чугуноплавильный и железодобывательный завод Н. И. Мосолова 96, 123, 126
- Златоустовская оружейная фабрика 223, 256
- Златоустовские казённые заводы 223, 316, 347, 391, 392
- Златоустовский казённый горнозаводской округ 130, 279, 350, 352, 363, 366, 392, 419
- Златоустовский казённый чугуноплавильный и железодобывательный завод 274, 320, 321, 324, 325, 328, 332–334, 341–344, 348, 350, 351, 353–357, 359, 361–363, 366, 369, 380, 386, 388, 389, 391, 392, 419
- Знаменская суконная фабрика Злоказовых 28, 340
- Ижевский казённый Военного ведомства железодобывательный и оружейный завод 63, 72, 131, 161, 167–169, 250, 253, 257–259, 265, 284, 297–300, 419
- Инзерский горнозаводской округ 28
- Ирбитский чугуноплавильный и железодобывательный завод наследников С. С. Яковлева 108, 305
- Исовский платиновый прииск графа П. П. Шувалова 401
- Кагинские заводы 28

- Кагинский горнозаводской округ
Ф. П. Никифорова и Татаринова 26
- Кажимский железодобывающий завод
Д. Е. Бенардаки 26
- Камбарский железодобывающий завод
А. П. Демидова 28, 127, 155
- Каменский казённый чугуноплавильный
и железодобывающий завод 107, 169
- Камского акционерного общества заво-
ды 275
- Кананикольский горнозаводской округ
Е. И. Шешуковой 26
- Каратабынские золотые промыслы 135
- Каргалинские медные рудники 95, 96, 139
- Каслинский чугуноплавильный и же-
лезодобывающий завод наследниц
Л. И. Расторгуева 36, 126, 134, 289,
295, 369, 415
- Катав-Ивановский чугуноплавильный
и железодобывающий завод князя
К. Э. Белосельского-Белозерского
335, 337, 371, 409, 419
- Катавские заводы князя К. Э. Белосель-
ского-Белозерского 22, 30, 99, 316,
320, 335, 337, 338
- Катавский горнозаводской округ князя
К. Э. Белосельского-Белозерского 26,
419
- Каца барона золотые прииски 127
- Каширские заводы 15
- Кашкинская пристань на р. Чусовой 129
- Кизеловские железные рудники княгини
Е. Х. Абамелек-Лазаревой 100, 270
- Кизеловские каменноугольные копи 100,
110, 329
- Кизеловский чугуноплавильный и же-
лезодобывающий завод княгини
Е. Х. Абамелек-Лазаревой 53, 110,
267, 294, 329
- Кирсинский казённый чугуноплавиль-
ный и железодобывающий завод 134
- Климковский чугуноплавильный и желе-
зодобывающий завод Д. А. Пономарё-
ва 126, 137, 157, 158
- Кнауфский горнозаводской округ 27, 107
- Кожевенные заводы г. Сарапула 407, 408,
418, 419
- Козинский железодобывающий завод на-
следников К. М. Губина 46, 137
- Кокшанский химический завод К. Я. Уш-
кова 28, 132, 137, 195–197, 198, 217
- Колоткинская мешочно-ткацкая фабрика
Жирыкова 320, 399
- Конёвский железный рудник Невьянско-
го завода 296
- Корзинкиных ткацкая фабрика в г. Яро-
славле 262, 298
- Королевский (Макаровский) железный
рудник 319
- Кочкарской системы золотые прииски
382, 405
- Кренгольмская мануфактура 145
- Крестовоздвиженская суконная фабрика
Ушакова 28, 340
- Крестовоздвиженские платиновые про-
мыслы графа П. П. Шувалова 401
- Кунгурские сапожные заведения 385
- Курашимский медеплавильный завод Ак-
ционерной компании Кнауфскихгор-
ных заводов 27
- Кусинский казённый чугуноплавильный
и железодобывающий завод 169, 334,
335, 350, 351, 380, 382, 383
- Кушвинский казённый чугуноплавиль-
ный и железодобывающий завод 150,
227, 230, 234, 296, 319
- Кыновский горнозаводской округ наслед-
ников графа Г. А. Строганова 26
- Кыновский чугуноплавильный и железо-
добывающий завод наследников гра-
фа Г. А. Строганова 23, 227, 234, 292,
306, 391, 417
- Кыштымские заводы наследников
Л. И. Расторгуева 44, 99, 119, 153, 165,
167, 195, 284
- Кыштымский (Верхнекыштымский) чу-
гунноплавильный и железодобывающий
завод наследников Л. И. Рас-
торгуева 23, 165, 167, 226, 257, 271,
285, 296, 300, 358, 368, 380, 391,
413–415
- Кыштымский горнозаводской округ на-
следников Л. И. Расторгуева 26, 271,
283, 294, 300, 413

- Кыштымских заводов вспомогательные рабочие (Рождественская и Воскресенская волости) 152
- Кыштымского Акционерного общества заводы 30
- Лазарева Х. Е. заводы 113
- Лазарева Х. Е. каменноугольные копи 100
- Лайский железодельный завод наследников П. П. Демидова 181, 187, 188, 190, 191, 265, 298
- Ленские золотые прииски 426
- Лысьвенский горнозаводской округ графини В. П. Бутеро-Родали, с 1864 г. — графа П. П. Шувалова 26
- Лысьвенский чугуноплавильный и железодельный завод графини В. П. Бутеро-Родали, с 1864 г. — графа П. П. Шувалова 98, 139, 142, 155
- Майкорский (Никитинский, Никитский) железодельный завод Н. В. Всеволожского, с 1884 г. — П. П. Демидова 202, 415, 416, 417
- Макаровых братьев льнопрядильно-ткацкая фабрика, см.: Екатеринбургская льнопрядильно-ткацкая фабрика братьев Макаровых
- Мариинский железодельный завод Г. М. Пермикина, с 1897 г. — В. А. Ратькова-Рожнова 409
- Марковский железный рудник Песковского завода 281, 283
- Мединская писчебумажная фабрика Машковцева 123
- Миасские золотые прииски графа Левашева, Дарагана и Ко 242–245, 257, 258
- Миасский казённый медеплавильный завод 108, 135, 245
- Минский завод А. Н. Сухозанета 124
- Минусинские золотые прииски 298
- Миньярский завод Балашевых 101, 409
- Митрофановский золотой прииск генерала Ушакова и Ко 126
- Михайловский завод наследников К. М. Губина, с 1881 г. — Товарищества Сергинско-Уфалейских горных заводов 40, 46, 47, 64, 105, 136, 228, 234, 254, 266, 271, 275, 279, 281–283, 295, 297, 298, 300, 301, 316, 319, 321, 331, 332, 366, 400, 401, 419
- Молебский завод А. П. Демидова, с 1893 г. — братьев Каменских 280
- Мотовилихинский завод, см.: Пермский пушечный (Мотовилихинский) казённый завод
- Навалихина золотые прииски 243
- Надеждинский чугуноплавильный, сталеплавильный, железодельный и рельсовый завод Богословского акционерного общества 35
- Наркизовский золотой прииск 126
- Невский механический завод 145
- Невьянские заводы наследников П. С. Яковлева 29, 127
- Невьянский чугуноплавильный и железодельный завод наследников П. С. Яковлева 31, 99, 140, 173, 206, 227, 234, 296, 378, 391
- Нейво-Алапаевский завод, см.: Алапаевский (Нейво-Алапаевский) чугуноплавильный и железодельный завод наследников С. С. Яковлева
- Нейво-Шайтанский чугуноплавильный и железодельный завод наследников С. С. Яковлева 106, 278, 281, 283, 330
- Нерчинские заводы 106
- Нижнеисетский казённый железодельный завод 209, 210, 211, 252, 257, 319, 322
- Нижнекыштымский чугуноплавильный и железодельный завод наследников Л. И. Расторгуева 165, 166, 167
- Нижнесалдинский чугуноплавильный и железодельный завод П. П. Демидова 111, 179, 180, 191, 275, 358
- Нижнесергинский чугуноплавильный и железодельный завод наследников К. М. Губина, с 1881 г. — Товарищества Сергинско-Уфалейских горных заводов 46, 47, 105, 136, 147, 269, 271, 285, 297, 319, 324

- Нижнесылвинский железодельный завод графини Н. А. Стенбок-Фермор 247–250, 254, 256, 259, 270
- Нижнетагильские заводы Демидовых 42, 63, 94, 102, 111, 175–178, 182, 184–191, 193–195, 207, 216–218, 259, 264, 268, 272, 358, 431
- Нижнетагильские золотые прииски П. П. Демидова 243
- Нижнетагильский горнозаводской округ Демидовых 26, 72, 79, 126, 129, 172, 174, 175, 179, 181, 188, 216, 265, 267, 274, 294, 300, 323, 358, 361, 413, 419
- Нижнетагильский Медный рудник 267, 269, 271, 274, 293, 298, 300, 301, 341, 370
- Нижнетагильский чугуноплавильный и железодельный завод П. П. Демидова 41, 111, 141, 164, 173, 175, 179, 181, 183, 185, 188, 191, 228, 230, 234, 266, 269, 270, 276, 279, 280, 286, 287, 291, 298, 301, 324, 332, 339, 352, 357, 358, 371, 391
- Нижнетроицкая суконная фабрика 28
- Нижнетроицкий медеплавильный завод Д. Е. Бенардаки 26
- Нижнетуринский казённый чугуноплавильный и железодельный завод 169, 254, 256, 265
- Нижнеуфалейский чугуноплавильный и железодельный завод наследников К. М. Губина, с 1881 г. — Товарищества Сергинско-Уфалейских горных заводов 105, 118
- Никитинский (Луньевский) горнозаводской округ Н. В. Всеволожского 26
- Никитинский (Майкорский) завод, см.: Майкорский (Никитинский, Никитский) железодельный завод Н. В. Всеволожского, с 1884 г. — П. П. Демидова
- Николаепавдинский железодельный завод И. А. Пастухова 26
- Никольская мануфактура Саввы Морозова и Ко 260
- Никольская писчебумажная фабрика Машковцева 123
- Никольская шахта Успенского золотого прииска 405
- Носова ткацкая фабрика 138
- Нытвенский горнозаводской округ князя С. М. Голицына 26, 30
- Нытвенский чугуноплавильный и железодельный завод князя С. М. Голицына, с 1889 г. — Камского акционерного общества 275, 300
- Нювчимский чугуноплавильный и железодельный завод Д. Е. Бенардаки 26
- Нючпаский чугуноплавильный и железодельный завод Д. Е. Бенардаки 26
- Нязепетровский чугуноплавильный и железодельный завод наследников Л. И. Расторгуева 94, 118, 271, 276, 279, 300, 415
- Ольгины заводы (Шермяитский и Уинский графини О. Н. Рошефор) 112
- Омутнинский горнозаводской округ Пастуховых 26, 28
- Омутнинский чугуноплавильный и железодельный завод Пастуховых 93, 122, 130, 284, 396
- Оренбургской железной дороги строительство 211, 217
- Ослянская пристань на р. Чусовой 129
- Очёрский чугуноплавильный и железодельный завод графа С. А. Строганова 121, 200, 204, 206, 207, 216, 218, 238, 240, 257, 278, 293, 428
- Ошланская бумагопрядильная фабрика 102
- Павловский железодельный завод графа С. А. Строганова 109, 199, 200, 201, 203, 206, 208, 216, 226, 257, 414, 428
- Пермская портновская мастерская 228
- Пермские железнодорожные мастерские 384, 385, 405, 420
- Пермский пушечный (Мотовилихинский) казённый завод 35, 65, 107, 134, 144, 219, 231, 232, 234, 235, 237, 251,

- 256–259, 352, 385, 397, 398, 402, 403, 419
- Пермь-Котласской железной дороги строительство 339
- Песковской чугуноплавильный завод Н. П. Пастухова 281, 283
- Петрокаменский чугуноплавильный и железодобывательный завод наследников П. С. Яковлева 127
- Пешехонова кожевенный завод 407, 408, 418
- Пожевские заводы (Пожевской и Елизавето-Пожевской) А. В. Всеволожского 323, 332, 416
- Пожевской горнозаводской округ А. В. Всеволожского 26
- Пожевской чугуноплавильный и железодобывательный завод А. В. Всеволожского 202, 319, 323
- Полазнинский железодобывательный завод княгини Е. Х. Абамелек-Лазаревой 131, 161, 238, 266, 267, 298
- Полевской медеплавильный и железодобывательный завод наследников А. А. Турчанинова и Д. П. Соломирского 226
- Преображенский медеплавильный завод С. И. Пашкова 27, 94–96, 103, 194
- Пристани на р. Чусовой, Каме, Вятке 128, 217, 258
- Пудемский чугуноплавильный и железодобывательный завод А. М. Пастухова 122, 123
- Путиловский завод 145, 262, 350
- Пышминский казённый золотопромывальный завод 97, 139
- Ревдинские заводы П. А. Демидова 99, 409
- Ревдинский горнозаводской округ П. А. Демидова, с 1873 г. — Г. М. Пермикина, с 1897 г. — В. А. Ратькова-Рожнова 26, 27, 294
- Ревдинский чугуноплавильный и железодобывательный завод П. А. Демидова, с 1873 г. — Г. М. Пермикина, с 1897 г. — В. А. Ратькова-Рожнова 32, 64, 233, 234, 318, 378
- Режевской железодобывательный завод графини Н. А. Стенбок-Фермор 129, 132, 142, 163, 164, 216, 227, 234, 243, 250, 296
- Рождественские заводы П. А. Демидова, с 1873 г. — Г. М. Пермикина 118
- Рождественский горнозаводской округ П. А. Демидова, с 1873 г. — Г. М. Пермикина 26, 27
- Рождественский железодобывательный завод П. А. Демидова 118
- Рудянский (Нейво-Рудянский) железодобывательный завод графини Н. А. Стенбок-Фермор 242
- Самаро-Уфимской железной дороги строительство 267, 277
- Саранинские железодобывательные заводы (Верхний и Нижний) Акционерной компании Кнауфских горных заводов 108, 126
- Сарапульские кожевенные заводы 407, 408, 418, 419
- Саргинский железодобывательный завод графини Н. А. Стенбок-Фермор 254
- Саткинский казённый чугуноплавильный и железодобывательный завод 130, 169, 279, 280, 350, 351, 369
- Святочудовский медеплавильный завод А. А. Граматчикова и Ко, с 1859 г. — Ф. А. Хвоцинского 26
- Северский чугуноплавильный и железодобывательный завод наследников Турчанинова и П. Д. Соломирского 43, 231, 369
- Сергинские заводы наследников К. М. Губина 119, 136, 147, 206, 279
- Сергинский горнозаводской округ наследников К. М. Губина 26, 136, 147
- Сергинский чугуноплавильный и железодобывательный завод наследников К. М. Губина 285
- Сергинско-Уфалейские заводы Товарищества Сергинско-Уфалейских горных заводов 28–30, 50, 104, 119, 137, 264, 270, 282, 283, 294, 295, 317, 400, 401

- Сергинско-Уфалейский горнозаводской округ наследников К. М. Губина, с 1881 г. — Товарищества Сергинско-Уфалейских горных заводов 27, 105, 137, 139, 254, 271, 294, 300, 316, 366, 413, 419
- Серебрянский казённый железоделательный 135, 136, 169, 234, 280, 319, 323, 332
- Серпуховская ткацкая фабрика Коншина 145
- Симские заводы Балашевых 22, 316
- Симский чугуноплавильный и железоделательный завод Балашевых 101, 110
- Соймановские золотые промыслы 415
- Сормовский завод 403
- Строгановские заводы графа С. Г. Строганова 40, 63, 199, 209, 217, 258, 300
- Строгановские соляные караваны на р. Каме 139
- Суксунский горнозаводской округ Товарищества Суксунских горных заводов 26, 27, 28, 194
- Сусанский (Нейво-Шайтанский) завод, см.: Нейво-Шайтанский чугуноплавильный и железоделательный завод наследников С. С. Яковлева
- Сылвинский железоделательный завод графини Н. А. Стенбок-Фермор 242, 270
- Сысертские заводы наследников Турчанинова и П. Д. Соломирского 22, 29, 38, 39, 54, 170, 252, 258, 379
- Сысертский горнозаводской округ наследников Турчанинова и П. Д. Соломирского 27, 294, 330, 379
- Сысертский чугуноплавильный и железоделательный завод наследников Турчанинова и П. Д. Соломирского 23, 278, 294, 378, 379, 391
- Типография Екатеринбургa 412
- Тирлянский чугуноплавильный и железоделательный завод Пашковых 101, 119
- Тихвинский золотой прииск 382
- Торфяники близ Нижнего Тагила 339
- Троицкая сварочно-катальная фабрика Добрянского завода 319
- Троицкий хрустальный завод П. Е. Ульянова 213
- Тульско-Каширские заводы 15
- Турьинские рудники Н. А. Половцевой 132, 141, 276
- Уинский (Ольгинский № 2) медеплавильный завод графини О. Н. Рошефор 26, 112, 155
- Уральской Горнозаводской железной дороги строительство 220–223
- Уртазымско-Горяевский золотой прииск 225
- Усольские соляные промыслы 220, 257, 258, 270
- Успенский золотой прииск Кочкарской системы 405
- Устьяновский медеплавильный завод Д. Е. Бенардаки 27
- Усть-Катавский железоделательный и вагоностроительный завод князей Белосельских-Белозерских 321, 337, 338, 408, 409, 419
- Уткинский чугуноплавильный и железоделательный завод графини Н. А. Стенбок-Фермор 108, 226, 243, 249, 286, 304
- Уткинского завода графа С. А. Строганова караван на р. Чусовой 370
- Уфалейские заводы К. М. Губина 105
- Уфалейский горнозаводской округ К. М. Губина 26
- Уфимские железнодорожные мастерские 277, 298
- Франко-Русского Уральского общества заводы (с 1889 г. — Камского акционерного железо- и сталелитейных заводов общества) 30
- Холуницкие заводы Д. А. Пономарёва, с 1874 г. — Поклевских-Козелл 63, 97, 108, 121, 122, 127, 128, 137, 169, 241
- Холуницкий (Главно-Холуницкий) чугуноплавильный и железоделательный

- завод Д. А. Пономарёва, с 1874 г. — Поклевских-Козелл 26, 121, 139, 156, 158, 160, 161, 216, 275
- Холуницкий горнозаводской округ
Д. А. Пономарёва 26, 27, 28
- Холуницкий караван судов на р. Вятке 240, 241
- Хохловский железоделательный завод княгини Е. Х. Абамелек-Лазаревой 113
- Христофоровский рудник князя С. С. Абамелек-Лазарева 270
- Чёрмоозский горнозаводской округ
Х. Я. Лазарева 26
- Чёрмоозский чугуноплавильный и железоделательный завод Х. Я. Лазарева, с 1871 г. — княгини Е. Х. Абамелек-Лазаревой 53, 113, 117, 225, 226, 238, 267, 275, 283, 290, 292, 298, 300, 332, 352, 353, 386, 393, 401, 409, 417
- Черноисточинский чугуноплавильный и железоделательный завод П. П. Демидова и его наследников 129, 181, 183, 185, 187, 188, 190, 191
- Черноусовская льнопрядильно-ткацкая фабрика Жирыкова 399, 418
- Черно-Холуницкий железоделательный завод Д. А. Пономарёва, с 1874 г. — Поклевских-Козелл 137
- Чусовской чугуноплавильный и железоделательный завод Камского акционерного общества железо- и сталелитейных заводов 352, 353, 402, 404, 419
- Шайтанский (Васильево-Шайтанский, Нижнешайтанский) чугуноплавильный и железоделательный завод наследников М. Ф. Ярцова, с 1869 г. — П. В. Берг 26, 108, 226, 318, 431
- Шайтанский горнозаводской округ наследников М. Ф. Ярцова, с 1869 г. — П. В. Берг 26
- Шаквинский медеплавильный завод Товарищества Суксунских горных заводов 27
- Шемахинский железоделательный завод наследников Л. И. Расторгуева 94, 283, 294, 300, 301, 402
- Шермяитский (Ольгинский № 1) медеплавильный завод графини О. Н. Рощефор 112, 113
- Шильвинский горнозаводской округ наследников А. М. Подъячева 26
- Шильвинский медеплавильный завод наследников А. М. Подъячева 297
- Шувалова П. П. графа заводы 63
- Шуралинский железоделательный завод графини Н. А. Стенбок-Фермор 124, 125
- Шурминский горнозаводской округ Н. И. Мосолова 26
- Шурминский железоделательный завод Н. И. Мосолова 113
- Юговский казённый медеплавильный завод 107, 110, 136
- Югокнауфский горнозаводской округ Акционерной компании Кнауфских горных заводов 26
- Южно-Уральского акционерного общества заводы 30
- Юзовский металлургический завод 145
- Юрюзанский горнозаводской округ А. И. Сухозанета 26
- Юрюзанский (Юрюзань-Ивановский) чугуноплавильный и железоделательный завод А. И. Сухозанета, с 1891 г. — князя К. Э. Белосельского-Белозерского, 38, 122, 128, 275, 320–322 40, 124, 129, 276, 320
- Ягодный золотой прииск Екатеринбургских казённых заводов 112
- Ятеса чугунолитейный и механический завод 28, 340, 341, 366, 372, 373, 374, 375, 376, 378, 380

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

ГАВРИЛОВ Дмитрий Васильевич — доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения Российской Академии наук. Автор и соавтор 34 монографий и 4 энциклопедий, автор 567 статей, разделов и глав в научных трудах.

Основные направления научных исследований — история уральской металлургии, история уральской горнозаводской промышленности, история уральских заводов, социальные отношения, общественные движения, демографические процессы, социокультурное развитие, военная история, историческая экология.

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ АВТОРА, НАИБОЛЕЕ БЛИЗКО ОТНОСЯЩИЕСЯ К РАССМАТРИВАЕМОЙ ТЕМЕ:

1. *Алексеев В.В., Гаврилов Д.В.* Металлургия Урала с древнейших времён до наших дней. — М.: Наука, 2008. — 886 с.
2. *Гаврилов Д.В.* Горнозаводский Урал XVII–XX вв.: Избранные труды. — Екатеринбург: УрО РАН, 2005. — 616 с.
3. *Гаврилов Д.В.* Рабочие Урала в период домонополистического капитализма. 1861–1900 (Численность, состав, положение). — М.: Наука, 1985. — 303 с.
4. *Гаврилов Д.В.* Рабочее движение и первые социал-демократические организации на Урале в конце XIX в., 1885–1900 гг. (По материалам Пермской губернии) // Учёные записки Шадринского пед. ин-та. — Курган, 1963. — Вып. 7. — С. 5–118.
5. Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энциклопедия. — Екатеринбург: Академкнига, 2001. — 536 с. Зам. главного редактора, руководитель рабочей группы и тематического блока XVII–XIX вв., автор и соавтор 152 статей.

6. История Урала в период капитализма. — М.: Наука, 1990. — 504 с. Отв. редактор, автор введения, заключения и трёх глав.
7. Экономическая история России с древнейших времён до 1917 г.: Энциклопедия. — М., РОССПЭН. Т. 1. 2008; Т. 2. 2009. Автор 43 статей.
8. *Гаврилов Д. В.* Так кто же делал революцию на Урале? // Вестник Уральского отделения РАН: Наука. Общество. Человек. — Екатеринбург, 2012. — № 1. — С. 184–189.
9. Development After 1861: Technology and Social Organisation // Ironmakind in Sweden and Russia: A survey of the social organization of iron production before 1900. — Uppsala (Sweden): Distribution Historiska institutionen, 1993.
10. Iron-Making Societies: Early Industrial Development in Sweden and Russia, 1600–1900. Berghahn Books Providence. — Oxford, 1998. — 356 p. Один из авторов.
11. Learning About the History of Landscare Use for Future // AMBIO: A journal of the human environment. Stockholm, Sweden, March 2013. — Vol. 42. — № 2. — P. 146–159. Один из авторов.

Научное издание

Дмитрий Васильевич Гаврилов

ГОРНОЗАВОДСКИЙ УРАЛ 1861–1900 гг.:
ВЛАСТИ, ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ, РАБОЧИЕ.
От согласия — к конфронтации

Корректор *М. А. Иванова*

Оригинал-макет *Л. Е. Голод*. Дизайн обложки *И. А. Тимофеев*

Подписано в печать 00.00.2018. Формат 70×100^{1/16}

Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 37,4+9,0. Заказ № 1214. Тираж 000 экз.

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»

Тел. (812)235-15-86